R 194/542

R 194/542

R 194/542

Пр. 30/XI-40 г. МБ.

20/IV 12.54 ИЛИ

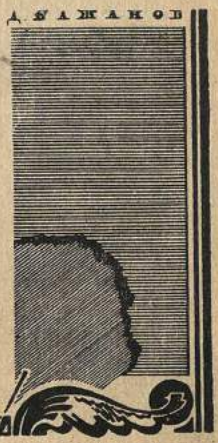
[illegible]
[illegible]

ПОЛЬ ЛАФАРГ

R 194/542
ОПБ
12-928

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ КАРЛА МАРКСА

Тр 1871-372 см



МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

R 194/542

ПОЛЬ ЛАФАРГ

301
Л 29

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ КАРЛА МАРКСА

ИССЛЕДОВАНИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И РАЗВИТИИ ИДЕЙ: СПРАВЕДЛИВОСТИ, ДОБРА, ДУШИ И БОГА

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО
П. Э. ДАВЫДОВОЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
С. ШЕВЕРДИНА

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

ПОГАШЕН
ЛЕНИНА
СССР

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

28

Обложка худ.
Н. Бажанова.

Отпечатано
в 7-й типографии
„ИСКРА РЕВОЛЮЦИИ"
Мосполиграфа.
Москва, Арбат, Филипповский пер., 13.
Тираж 4.000.
Мосгублит № 5.454
1928

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 5

Исторический метод Карла Маркса

I. Социалистические критики 15
II. Доистическая и идеалистическая философия истории 17
III. Исторические законы Вико 28
IV. Естественная и искусственная—или социальная—среда 34

Происхождение абстрактных идей

I. Противоречивые мнения о происхождении абстрактных идей . 45
II. Образование инстинкта и абстрактных идей 55

Происхождение идеи справедливости

I. Талион и вознаграждающее правосудие 72
II. Справедливость распределяющая 87

Происхождение идеи добра

I. Образование героического идеала 99
II. Разложение героического идеала 106
III. Буржуазный нравственный идеал 113

Происхождение и развитие идеи души

I. Изобретение души 119
II. Изобретение рая 128
III. Временное исчезновение идеи души 134
IV. Возрождение идеи души 143
V. Изобретение ада 163
VI. Идея души и последующей жизни у христиан первых веков . . 170

Вера в бога

I. Религиозность буржуазии и иррелигиозность пролетариата . . . 181
II. Естественные причины идеи бога у дикарей 184
III. Экономические причины веры в бога у буржуа 185
IV. Развитие идеи бога 198
V. Причины иррелигиозности пролетариата 204
Приложение 206

ПРЕДИСЛОВИЕ

Издательство «Московский Рабочий» выпускает одновременно вторыми изданиями работы П. Лафарга, близко по своему содержанию примыкающие друг к другу, — «Экономический детерминизм К. Маркса», «Происхождение и развитие собственности» и сборник его статей под заглавием «Очерки по истории культуры». Все эти работы П. Лафарга посвящены об'яснению фактов исторической действительности методом исторического материализма. В своей совокупности эти работы Лафарга являются прекрасной исторической иллюстрацией к словам Маркса, взятым Лафаргом в качестве эпиграфа к книге «Экономический детерминизм К. Маркса»,— «Способ производства материальной жизни обусловливает собой процесс жизни социальной, политической и духовной вообще». Особенную жизненную прелесть придает этим работам Лафарга то, что эта иллюстрация развертывается не на общих рассуждениях по теории исторического материализма, а на фактах исторической действительности, поэтому эти работы Лафарга являются своеобразной хрестоматией для чтения и усвоения в материалистическом освещении фактов исторической действительности.

Несколько слов о некоторых чертах самой книги «Экономический детерминизм Карла Маркса». Эта книга составилась из нескольких очерков, написанных Лафаргом в девяностых и девятисотых годах в целях борьбы за материалистическое понимание истории. В общем и целом — книга представляет собой отчетливую критику буржуазного метода мышления и буржуазных идеологий в их истоках, развитии и в их современном виде. Владея с превосходным искусством оружием марксистского метода, Лафарг путем материалистического об'яснения фактов далекой исторической действительности показал, что буржуазная идеология, — включая наиболее абстрактную часть ее построений, — зародилась в эпоху

первобытного коммунистического общества, именно — в эпоху патриархального способа производства материальной жизни, патриархального натурального хозяйства, патриархального строя отношений и патриархального круга мировоззрений; зародилась под влиянием возникшего в его недрах и разъедающего коммунистическое патриархальное общество процесса развития индивидуалистического хозяйства, процесса происходившего на основе проникновения товарного и примитивно-денежного обмена в толщу патриархального хозяйства и быта.

Лафарг приводит в своей книге целый ряд остроумных сводок наблюдений современных нам исследователей хозяйственного строя отношений и идеологий так называемых «дикарей», — т.-е. человеческих обществ, стоящих на коммунистически-первобытных ступенях развития способа производства. Со всей полнотой научного метода доказательств Лафарг воочию обнаруживает перед нами, что коммунизм — действительная историческая колыбель человечества; затем, — указывая, на основании современных наблюдений, факты проникновения товарно-денежного обмена в первобытный строй современных обществ дикарей, — Лафарг обнаруживает перед нами начало и развитие процесса разложения современных нам первобытных укладов человеческих обществ, процесса разложения первобытного коммунистического хозяйства. На этой почве загнивания коммунистического первобытного строя отношений, и на почве разложения коммунистически-первобытных идеологий, — Лафарг развертывает перед нами исторически-верную картину зарождения индивидуалистического хозяйства и индивидуалистических идеологий. Лафарг обнажает перед нами корни процесса зарождения буржуазных отношений на основе развивающейся частной собственности на средства производства, т.-е. обнажает корни зарождения буржуазного способа производства материальной жизни, а равно и буржуазного способа представлений о человеческих общественных отношениях. Здесь перед нами воочию развертываются происходящие в современной нам действительности на континентах Африки и Америки такие же процессы, которые совершались тысячелетия тому назад в Передней Азии и в Европе и которые привели человеческое

общество к капитализму в его развернутом современном виде у так называемых «цивилизованных» народов.

Затем, следует отметить и то, что материалистическому освещению Лафаргом подвергнуты участки истории, наиболее оспариваемые по сю пору историками-буржуа, и среди них наиболее ожесточенно оспариваемая позиция материалистического понимания истории античного мира и средневековья. Это тот участок фронта нашей идеологической борьбы, о котором Маркс пишет: «Я пользуюсь этим случаем, чтобы вкратце ответить на возражение, появившееся в одной немецко-американской газете по адресу моей работы «К критике политическ. экономии 1859». По мнению газеты, мой взгляд, что определенный способ производства и соответствующие ему производственные отношения, одним словом — «экономическая структура общества составляет реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка, и которому соответствуют определенные формы общественного сознания», что «способ производства материальной жизни обусловливает собой процесс жизни социальной, политической и духовной вообще», — все это, по мнению газеты, справедливо по отношению к современному миру, когда господствуют материальные интересы, но неприменимо ни к средним векам, когда господствовал католицизм, ни к древним Афинам или Риму, где господствовала политика. Прежде всего изумительно, как кто-либо мог бы предположить, что эти ходячие фразы о средних веках и античном мире остались хоть кому-нибудь неизвестными. Ясно во всяком случае, что средние века не могли жить католицизмом, а античный мир политикой. Наоборот, тот способ, каким в эти эпохи добывались средства в жизни, об'ясняет, почему в одном случае главную роль играла политика, в другом — католицизм. Кроме того, не требуется обладать особенно глубокими познаниями, напр., по истории римской республики, чтобы знать, что скрытую ее пружину составляет история земельной собственности. С другой стороны, еще Дон-Кихот должен был жестоко поплатиться за свою ошибку, когда вообразил, что странствующее рыцарство одинаково совместимо со всеми экономическими формами общества» [1]).

---

[1]) Капитал, т. I. прим. 38, стр. 51. изд. 1920.

Несколько слов — о стиле Лафарга.

«История основательна, говорит Маркс. — Хороня какой-нибудь старый образ, она проходит через много фаз. Комедия — последняя фаза всякого образа мировой истории. Боги Греции, раненые смертельно, умерли уже раз трагической смертью в «Скованном Прометее» Эсхила. Но это не избавило их от вторичной комической смерти в диалогах Лукиана. Зачем нужно это истории! — Для того, чтобы человечество весело прощалось с своим прошлым». [1])

Лафарг блестящий мастер общественной сатиры, разящего афоризма, дразнящего парадокса, раздражающего политического памфлета. Его безжалостный бич обнажает ложь и лицемерие буржуазного прогресса, цивилизации, отечества, справедливости, этики, эстетики, — всех этих неугасимых лампад перед кивотом буржуазного благополучия.

«История — основательна». — Буржуазные идеи свободы, равенства и братства, справедливости, морали и добра, отечества, прогресса и цивилизации, смертельно раненые Манифестом Коммунистической Партии, — в июне того же 1848 года умерли уже раз трагической смертью на мостовых Парижа, утонули в крови восставшего пролетариата. Но это не избавило их от вторичной комической смерти в памфлетах, статьях и книгах Лафарга.

История выбрала для похорон этих старых образов буржуазного иконостаса мастера большого калибра; история вложила в руки этого мастера самое острое оружие, которое когда-либо появлялось на арене битв идей, — марксизм.

Да иначе и не могло быть. Ведь эти похороны, ведь эта критика должны не только убить буржуазный обман, но и выковать волю пролетариата для организации идейной и материальной своей победы над миром капиталистических отношений; выковать классовую волю, сильнейшую из когда-либо действовавших на мировой сцене классовых воль, для совершения грандиознейшего во всей мировой истории дела, — для поражения на-смерть капиталистической частной собственности, для уничтожения буржуазных общественных отношений, для разгрома буржуазной общественности, буржуаз-

---

[1]) „К критике Гегелевской философии права“

ного мировоззрения и для организации пролетарского классового господства, освобождающего все угнетенное человечество, грубо попранное железной пятой капиталистического прогресса. Лафарг сорвал с буржуазной идеологии весь ее маскарадный, праздничный костюм и, смеясь, показал пролетарию скрытое раньше этим костюмом — отвратительное, из'еденное проказой частной собственности тело вожделеющего буржуа.

Как старый сказочник, Лафарг сдернул с «великих и вечных» идей все блестки, мишуру и позолоту брачного наряда и показал их земное, — классовое и преходящее, — значение:

— „Что позолочено сотрется:
свиная кожа остается. —

История дала Лафаргу оружие сатиры для того, чтобы «человечество весело прощалось с своим прошлым», чтобы пролетариат весело уложил в могилу прошлого свое собственное прошлое — мир капиталистических отношений.

Лафарг мастерски справился со своим делом:

— „Все жертвой грубого глумленья
Соделал желчный этот бес,
Бес отрицанья, бес сомненья,
Бес, отвергающий прогресс. —

На всех работах Лафарга, и в особенности на этой книге, лежит печать «пролетарского беса», в его стиле ясно просвечивает профиль Мефистофеля, разлагающего ядом губительной насмешки отжившие теории и зовущего род людской брать от жизни ее цветы.

— Суха, мой друг, теория везде,
А древо жизни блещет все цветами. —

Еще Брандес сказал, что всякая серьезная мысль действует тем решительнее, чем больше она отзывается шуткой, насмешкой.

Лафарг знал этот секрет, — как быстрее открыть серьезной мысли доступ в пролетарские головы, — а в этом Лафарг видел главную задачу пролетарского писателя, — поэтому он не жалел сил учиться и научился владеть искусством этого секрета, беспримерным искусством сарказма, — насмешки над классовым врагом.

Исторические работы Лафарга — яркий и прекрасный образчик революционной марксистской критики, раскрывающей

сокровеннейшие научные выводы путем живой диалектики фактов исторической действительности. Владея в совершенстве методом материалистического об'яснения истории, революционного понимания фактов исторического прошлого, — Лафарг смог «при помощи критики довести науку до такой степени, чтобы ее можно было изложить диалектически». [1]) Многочисленные страницы этих работ Лафарга,—в особенности страницы, посвященные критике процесса зарождения буржуазной общественности в недрах патриархального быта,—прекрасный образец уменья довести историческую науку до той ступени, когда ее можно развернуть диалектически,—в диалектическом потоке революционных смен исторических фактов, исторических укладов человеческих обществ. Марксистский материалистический метод позволил Лафаргу выяснить труднейшие проблемы далекого исторического прошлого человечества.

На всех указанных работах Лафарга лежит печать научной четкости мысли; главная сила Лафарга — в уменьи развернуть перед читателем реальную историческую связь, связь исторических фактов, исторических общественных отношений и отсюда вывести связь идей и представлений. Отсюда: пафос фактов, ни грана позы, фразы, — вот в чем пленительная сила аргументации Лафарга. Эту марксистскую манеру мыслить фактами Лафарг основательно укрепил приобретенным им, как врачом, естествознанием; все его работы, и в частности эта книга, дышат приемами научной мысли марксиста-естествоиспытателя. Лафарг воплотил в своих работах завет основателя современного материализма:

«Философия должна вновь связаться с естествознанием, естествознание — с философией. Этот союз, основанный на взаимной потребности, на внутренней необходимости, будет долговечнее, счастливее и плодотворнее, чем имевший место до сих пор mesalliance (брак по расчету) между философией и теологией» [2]).

---

[1]) Письмо Маркса Энгельсу 1 февраля 1858 года, — „Маркс и Энгельс. Письма". Изд. „Моск. Рабочий".

[2]) Фейербах.—Предварительные тезисы по реформе философии. 1842. Изд. „Материалист", стр. 102.

Примечания, принадлежащие Лафаргу, нами помещены под текстом книги и перенумерованы цифрами. Примечания, отмеченные в тексте буквой и помещенные в конце книги, на стр. 212 и след.,— принадлежат редакции.

С. Ш.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ КАРЛА МАРКСА

ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД КАРЛА МАРКСА

Способ производства материальной жизни обусловливает собой процесс жизни общественной, политической и духовной вообще.

Карл Маркс [а])

I

Социалистические критики

Около полувека [б]) тому назад Маркс предложил новый метод об'яснения истории, который лег в основу исторических работ его и Энгельса. Понятно, что историки, социологи и философы,— в страхе, как бы коммунистический мыслитель не развратил их невинности и не лишил их милостей буржуазии,—игнорируют этот метод. Но странно, что социалисты колеблются воспользоваться им; быть может, они боятся притти к выводам, которые спутают буржуазные понятия, пленниками которых они, сами того не замечая, продолжают оставаться. Вместо того, чтобы применить метод Маркса на опыте [в]), и только испытав его, вынести о нем суждение, они предпочитают спорить о «самой по себе» ценности метода, при этом открывают в нем бесчисленные недостатки: он не дооценивает, говорят они, идеала и его влияния, он грубо оскорбляет вечные истины и принципы, он не принимает в расчет роль личности в истории, он приводит к экономическому фатализму, который лишает человека всякой энергии и т. д... Но что подумали бы эти товарищи о плотнике, который вместо того, чтобы работать своими молотками, пилами и рубанками, стал бы придираться к ним из-за пустяков? Плотнику пришлось бы долго ворчать, ибо нет совершенного орудия.—Критика тогда лишь перестает быть пустой и становится плодотворной, когда она следует за опытом, который лучше всяких «глубокомысленных» рассуждений указывает нам на несовершенства наших орудий и учит исправлять их недостатки. Человек пользовался когда-то грубым каменным молотом, и только опыт научил его выработать более ста типов молота, — различных по материалу, весу, форме.

Левкипп и его ученик Демокрит еще за пять веков до нашего летосчисления ввели понятие «атома» для об'яснения строения духа и материи; а философы в течение двух тысяч

лет, — вместо того, чтобы проверить на опыте атомистическую теорию,— спорили о самом атоме [а]), о полном и пустом, о бесконечной протяженности материи, о пустоте и прерывности и т. д. Только в конце XVIII века Дальтон [б]) использовал идею Демокрита для об'яснения химических соединений. — Атом, с которым философы не знали что делать, стал в руках химиков «одним из могущественнейших орудий исследования, когда либо изобретенных человеческим умом». Но вот в процессе применения на опыте это чудесное орудие оказалось все же несовершенным.—Радиоактивность материи дала физикам возможность разложить атом, — эту предельную, неделимую и непроницаемую частицу материи, — на сверхпредельные частицы, однородные во всех атомах и являющиеся носителями электричества. Эти частицы в тысячу раз меньше атома водорода, — самого маленького из всех атомов; они с чрезвычайной быстротой вращаются вокруг своего центрального ядра, точь-в-точь, как планеты вокруг солнца. Атом оказывается, таким образом, как бы солнечной системой в миниатюре. Элементы тел, которые нам известны, различаются между собой лишь по количеству и вращательному движению их частиц («атомускулов»). Недавние открытия в области радиоактивности, которые потрясли основные законы математической физики, разрушают и атомную базу химического здания.—Нельзя привести более разительного примера бесплодности пустых споров и плодотворности опыта. Только дело одно плодотворно в мире материальном и духовном: «в начале было дело» [в]).

Экономический детерминизм [г]) — вот новое орудие, которое Маркс дал в руки социалистов, чтобы с помощью его внести порядок в хаос исторических фактов. Расклассифицировать и об'яснить эти факты историки и философы оказались неспособными. Их классовые предрассудки и ограниченность ума дают социалистам монополию на это орудие; но социалисты не пользуются им; — они желают сначала убедиться в его абсолютном совершенстве и в том, что оно может стать ключом ко всем историческим проблемам. Но они могут всю жизнь спорить об этом, могут писать статьи и даже целые томы об историческом материализме и все же не подвинутся вперед в этом вопросе ни на шаг. Люди науки не столь боязливы; они полагают, что «на практике не так важно, — совершенны ли теории и гипотезы, — лишь бы они приводили нас к результатам, согласующимся с фактами» [1]). Истина, в конце-концов — ни что иное, как гипотеза, действующая лучше дру-

---

[1]) В. Рюккер.— Речь при открытии конгресса естествоиспытателей в Глазго в 1901 г.—W. Rucker — Discours inaugural du Cougrès scientifique de Glasgow. 1901.

гих: очень часто ошибка — кратчайший путь к открытию. Христофор Колумб, исходя из ошибочного расчета об окружности земли, составленного Птоломеем, открыл Америку, предполагая, что прибыл в Восточную Индию. Дарвин признает, что первоначальная идея его теории о естественном подборе была вызвана у него неверным законом Мальтуса [а]) о народонаселении, который он принял с закрытыми глазами. Физики могут теперь убедиться, что гипотеза Демокрита [б]) недостаточна для понимания недавно изученных явлений, но это не помешало ей создать современную химию.

Маркс, — и это факт, на который мало обращают внимания, — не изложил своего метода об'яснения истории в форме доктрины с аксиомами, теоремами, королляриями и леммами [в]); он формулировал его кратко и сжато, побуждая нас испытать его на практике. И потому метод Маркса можно критиковать, только оспаривая результаты, к которым он приводит, только опровергая, например, его теорию классовой борьбы. — Это однако остерегаются делать.— Историки и философы считают метод Маркса дьявольским изобретением — именно потому, что он привел Маркса к открытию теории классовой борьбы, — этого могучего двигателя истории.

II

Деистическая и идеалистическая философия истории

История — это такой хаос фактов, не поддающихся человеческому контролю, прогрессирующих и регрессирующих, взаимно сталкивающихся, появляющихся и исчезающих без всякой видимой причины, что невольно является искушение предположить о невозможности соединить и распределить исторические факты по группам и установить причины их эволюционного и революционного развития.

Неудача попыток систематизировать историю породила у многих мыслителей, как например, — у Гельмгольца, сомнение «в самой возможности формулировать исторический закон, который получил бы подтверждение в действительности» [2]). Это сомнение стало теперь таким общим явлением, что современные мыслители не отваживаются уже по примеру философов первой половины XIX века создавать системы всемирной истории; оно является, впрочем, простым отголоском неверия экономистов в возможность подчинить контролю общества современные производительные силы. Но сле-

[2]) Английский историк Фроуд—Froude—полагает, что исторические факты не составляют предмета науки—потому, что «они никогда не повторяются, и мы не можем уследить возвращение какого-нибудь факта, чтобы изменить значение наших предположений».

дует ли — из трудностей исторической проблемы и безуспешности попыток разрешить ее — вывести заключение, что разрешение ее вообще недоступно человеческому уму? Ведь в таком случае социальные явления составили бы исключение из всего мира явлений и были бы единственными, которые невозможно было бы логически связать с определяющими их причинами.

Здравый смысл никогда не допускал такой невозможности; наоборот, люди полагали во все времена, что все выпадающие на их долю радости и горести входят — как часть в целое — в план, предначертанный каким-то высшим существом. «Человек предполагает, а бог располагает», — вот историческая аксиома народной мудрости, не менее верная, чем аксиомы геометрии; — все дело только в том, какое значение придавать слову «бог».

Все народы думали, что бог управляет их историей. Античные города имели каждый свое особое городское божество, — «полиаду», как говорили греки, — охранявшее их судьбы и обитавшее в особо посвященном ему храме. Подобного рода божеством был и Иегова ветхого завета; он помещался в деревянном ящике-ковчеге, называемом святой скинией; эту скинию израильские племена переносили с собой при переселении на новые места, несли во главе войск, чтобы Иегова сражался за свой народ. — Он так близко, говорит Библия, принимал к сердцу их распри, что у их врагов истреблял мужчин, женщин, детей и скот. Во время второй Пунической войны римляне решили, что будет полезно в целях сопротивления Аннибалу прибавить к их городскому божеству божество Пессинунта, каковым была Кибела, — мать богов; они привезли из Малой Азии ее статую, — большой бесформенный камень, — и ввели в Риме ее оргиастический культ. — Римляне были не только суеверными, но и коварными политиками и поэтому они аннексировали божества-полиады побежденных городов, отсылая их статуи в свой Капитолий. Они думали, что божество перестанет охранять свой побежденный народ, если оно уже больше не будет жить у него.

Христиане сохранили такое же представление о божестве, — ведь они, чтобы изгнать языческих богов, разбивали их статуи и сжигали их храмы; или поручали Иисусу и его небесному отцу борьбу против демонов, основателей ересей и против Аллаха, противопоставившего полумесяц кресту [3]).

---

[3]) Первые христиане так же твердо верили в языческих богов и их чудеса как в Иисуса и его чудеса. Тертуллиан в своей Апологетике и Святой Августин в своем Граде Божьем сообщают, как неоспоримые факты, что Эскулап воскрешал мертвых, имена которых они приводят; что одна весталка носила в решете воду из Тибра, а другая буксировала на своем поясе судно и т. п.

Средневековые города отдавали себя под покровительство божеств-полиад; святая Женевьева была муниципальным богом Парижа. Венецианская республика, желая иметь как можно больше богов-покровителей, привезла из Александрии останки святого Марка, а из Монпелье похитила останки святого Роха. Цивилизованные христианские нации еще не отреклись от этой языческой веры. — Каждая монополизирует в свое исключительное пользование единого и всеобщего христианского бога и превращает его в бога-полиаду, так что имеется столько же единых и всеобщих богов, сколько христианских наций. Эти единые и всеобщие боги сражаются друг против друга; как только христианские нации об'являют войну, — каждая из них молит своего единого и всеобщего бога истребить своего противника и поет «Тебе бога хвалим», если она одержала победу, в полном убеждении, что обязана своим торжеством именно его всемогущему вмешательству. И эта вера в божественное вмешательство в человеческие войны не является простым притворством со стороны государственных деятелей—с целью угодить грубому суеверию невежественных масс; нет, они, действительно, сами разделяют это суеверие. Недавно опубликованы интимные письма Бисмарка к своей жене во время войны 1870 — 71 гг.; они рисуют его верующим в то, что бог только и делает, что печется о нем, его сыне и прусской армии.

Те философы, которые признают бога высшим руководителем истории, разделяют это темное суеверие; они воображают, что бог — творец вселенной и человечества, что он не может интересоваться ничем другим, как только их отечеством, их религией, их политикой. Le discours sur l'Histoire universelle.— Рассуждение о всемирной истории — Боссюэта — есть один из наиболее удачных образцов этого рода: — языческие народы занимаются взаимным истреблением, чтобы подготовить пришествие христианства — религии Боссюэта, а христианские нации истребляют друг друга, чтобы возвеличить блеск Франции и славу Людовика XIV — отечества и государя Боссюэта; — движение истории, направляемое богом, завершается «королем-солнцем». Когда его не стало, мрак об'ял вселенную и разразилась революция, — «порождение сатаны», как назвал ее Жозеф де-Местр [a]).

Сатана восторжествовал над богом, божеством - полиадой аристократии и Бурбонов. Буржуазия — класс, который тогда не пользовался большим почетом у бога — захватила власть и гильотинировала короля — помазанника божия. Естественные науки, проклятые богом, праздновали победу и создали для буржуа больше богатств, чем бог мог дать своим фаворитам — дворянству и законному королю. Скованный богом по рукам и ногам Разум — порвал свои цепи и призвал его на

свой суд.—Настало царство Сатаны. Поэты-романтики первой половины XIX века слагали в честь его гимны; — он стал неукротимым борцом, великим мучеником, утешителем и надеждой угнетенных. Он символизировал буржуазию, восставшую против аристократии, духовенства и тиранов. Однако победительница-буржуазия не осмелилась сделать его своим божеством-полиадой; она заделала прорехи, нанесенные Разумом старому богу, и восстановила его в прежних правах. Но, потеряв веру в его всемогущество, она окружила его целым штабом полубогов: Прогресс, Справедливость, Свобода, Цивилизация, Гуманность, Отечество и т. п., — на которых было возложено руководить судьбами наций, стряхнувших иго аристократии. Эти новые божества суть идеи, «идеи-силы», «невесомые силы».

Гегель попытался свести это многобожие идей к единобожию Идеи; она, сама собой рожденная, творит мир и историю, вращаясь вокруг себя самой.

Бог спиритуалистической философии — это механик, построивший для своего развлечения вселенную, движения которой он регулирует; он сфабриковал человека, судьбами которого руководит по плану, лишь ему одному известному. Но историки и философы не заметили, что этот извечный бог— не творец, а творение человека; что человек переделывает своего бога по мере своего развития; что этот бог не только не распорядитель, но игрушка исторической действительности.

Философия идеалистов, — с виду менее детская, чем философия деистов, — есть неудачное применение к истории дедуктивного метода абстрактных наук, логически-связанные предложения которых вытекают из нескольких аксиом; аксиом этих нельзя доказать, но они принимаются, как очевидные, как не требующие доказательств. Математики — и в этом заключается их ошибка — не задумываются над тем, каким образом эти аксиомы проскальзывают в человеческую голову. А идеалисты не снисходят до исследования происхождения своих идей, неизвестно откуда пришедших; они ограничиваются утверждением, что идеи существуют «сами по себе», что они способны к развитию; что по мере того, как идеи совершенствуются, они преобразуют людей и социальные явления, находящиеся под контролем идей. Итак, — идеалистам достаточно знать эволюцию идей, чтобы получить законы истории. Но ведь еще Пифагор точно также думал, что знание свойств чисел дает знание свойств тела.

Но невозможность доказать математические аксиомы путем рассуждения еще не свидетельствует о том, что аксиомы не являются такими же свойствами тел, как форма, цвет, тяжесть или теплота. — Свойства тел обнаруживается только путем опыта, а понятие о свойствах тел возникает в мозгу

только потому, что человек вошел в соприкосновение с телами природы. И действительно, путем рассуждения одинаково невозможно доказать, что тело имеет четырехугольную форму, цвет, вес или теплоту, как и то, что часть меньше целого, что дважды два четыре и т. д. — Мы можем установить только факт, засвидетельствованный опытом, и вывести из него логические заключения [4]).

Идеи прогресса, свободы, справедливости, отечества и проч., равно как и математические аксиомы, не существуют за пределами области опыта; они не предшествуют опыту, но следуют за ним: они не порождают исторических событий, но сами являются следствиями социальных явлений, которые, эволюционируя, создают, видоизменяют и устраняют их.—Идеи становятся действенными силами только потому, что порождаются социальной средой. Одна из задач истории — открыть те социальные причины, которые порождают идеи и дают им силу действовать на человеческие умы в данную эпоху. Но эта задача не интересует философов.

Воссюэт и философы-деисты, которые возвели бога в ранг сознательного руководителя исторических движений, в конце концов только приспособили к общественному мнению свои взгляды на историческую роль божества. Идеалисты, которые заменяют бога идеями-силами, только применяют к истории

---

[4]) Лейбниц тщетно пытался доказать, что дважды два — четыре; его доказательство, по словам математиков, есть только проверка. Вместо того, чтобы признать, что геометрические аксиомы—факты, засвидетельствованные опытом, — как доказывает это Фрейсина в своем знаменитом труде «Об опыте в геометрии» (De l'expérience en geométrie),—Кант утверждает, что аксиомы были открыты удачным сочетанием интуиции и рефлексии (вдохновения и размышления); а Пуанкаре, — который в этом случае выражает лишь мнение большинства ученых — заявляет в своей «Науке и гипотезе» (La Science et l'Hypothése), что аксиомы суть «условности... Мы в своем выборе среди всех возможных условностей руководимся фактами, засвидетельствованными опытом, но остаемся свободными и ограничиваемся только необходимостью избегать всякого противоречия» в предложениях, выводимых из той условности, которую взяли, как исходную точку. Он думает, подобно Канту, что эти предложения уже не нуждаются в проверке опытом. Таким образом, математик-христианин может свободно —приняв всерьез тайну Троицы,—условиться, что один да один дают в итоге один, и отсюда вывести арифметику не менее логичную, чем неэвклидовы геометрии Лобачевского или Римана, которые принимают: первый — что из одной и той же точки можно провести к прямой бесконечное множество параллельных линий, а другой—что нельзя провести ни одной.

Неэвклидовы геометрии, — все предложения которых связываются одно с другим и теоремы которых противопоставляются теоремам эвклидовской геометрии, провозглашенной вот уже две ты-

ходячее буржуазное воззрение. Всякий буржуа провозглашает, что его деятельность, частная и общественная, вдохновляется только прогрессом, справедливостью, отечеством, гуманностью и т. п. Чтобы убедиться в этом, достаточно только просмотреть рекламы промышленников и купцов, проспекты финансистов и избирательные платформы политиков.

Идеи прогресса и эволюции — современного происхождения; они являются перенесением в историю идей — человеческой способности к совершенствованию, введенной в моду XVIII веком. Буржуазия неизбежно должна была рассматривать свой захват власти, как неизмеримый социальный прогресс, — тогда как аристократия рассматривала его, как гибельное движение назад. Так как французская революция произошла с лишком сто лет спустя после английской и, следовательно, в более зрелых условиях, — то она так резко и полно заменила аристократию буржуазией, что с тех пор эта идея прогресса укоренилась в общественном мнении Европы. Европейские буржуа стали смотреть на себя, как на уполномоченных представителей прогресса. Они добросовестно утверждали, что их обычаи, нравы, добродетели, частная и общественная мораль, их общественная и семейная организация, промышленность и торговля — были прогрессом по отношению ко всему, что существовало до того. В прошлом было только невежество, варварство, несправедливость и безумие: «Наконец впервые, — воскликнул Гегель,—идея стала

сячи лет абсолютной истиной,—являются удивительным проявлением человеческой логики. Однако, на этом основании капиталистическое общество, которое есть живая реальность, а не простое идеологическое построение, может быть приведено как доказательство этого могущества логики. Деление членов этого общества на враждебные классы; безжалостная эксплоатация наемных рабочих, нищета которых растет по мере возрастания производимых ими богатств; кризисы перепроизводства, вызывающие голод среди изобилия; бездельники, раболепно прославляемые, пресыщенные наслаждениями, и производители, презираемые и подавленные нуждой; мораль, религия, философия и наука, освящающие социальную анархию; всеобщее избирательное право, дающее политическую власть буржуазному меньшинству; в конце концов, решительно все в материальном и идеологическом построении цивилизации есть вызов человеческому разуму; и однако же все здесь связано с безупречной последовательностью, и все несправедливости с математической точностью вытекают из права собственности, которая жалует капиталисту право красть прибавочную стоимость, созданную наемным рабочим.

Логичность — одно из существенных свойств материи нашего мозга: из какого бы умозаключения, верного или ошибочного, из какого бы факта, справедливого или несправедливого, ни исходил человек, он строит идеологическое или материальное здание, все части которого подчинены друг другу. Социальная и интеллектуальная история человечества кишит примерами этой железной логики, которая, к несчастью, так часто обращается против нее же.—

управлять миром!» Буржуа 1793 г. обожествили Разум. Еще в начале буржуазного периода, в античном мире. Платон провозгласил его стоящим выше прав рождения (Тимей); Сократ упрекал Анаксагора в том, что тот в своей Космогонии об'ясняет все материальными причинами, что Разум, который все может об'яснить, не играет у него никакой роли (Федон). — Социальное господство буржуазии есть царство Разума.

Но одного исторического факта, хотя бы даже такого значительного, как захват власти буржуазией, недостаточно, чтобы на нем одном построить теорию прогресса. Деисты сделали бога единственным автором истории; идеалисты не желали, чтобы говорили, что прогресс в прошлом вел себя, как праздная идея; они открыли, что в продолжение средних веков он подготовлял триумф буржуазии; он организовал ее, давая ей духовную культуру; обогатил ее и в то же время ослабил наступательные и оборонительные силы аристократии и, камень за камнем, разрушал твердыню церкви. Таким образом, следом за идеей прогресса, как ее необходимое следствие, в историю проникла идея эволюции.

Но для буржуазии нет прогрессивного развития, если оно только не подготовляет ее торжества; а так как ее историки могут установить зародыши органического развития буржуазии лишь на протяжении последнего тысячелетия, то они теряют свою ариаднину нить, как только отваживаются проникнуть в лабиринт предшествовавших исторических периодов: там они довольствуются простым пересказом фактов этой истории, не пытаясь даже сгруппировать их в ряд прогрессивного развития. Так как целью прогрессивного развития является переход социальной диктатуры в руки буржуазии, то раз эта цель достигнута, — шествие прогресса останавливается. Считая переход власти в свои руки единственно-прогрессивным моментом в истории, буржуазия действительно убеждена, что было бы возвратом к варварству, — «рабству», как говорит Герберт Спенсер,—если бы пролетариат захватил власть в свои руки. Так думала и побежденная аристократия. Инстинктивная и бессознательная вера буржуазных масс в остановку прогресса — находит себе сознательное и обоснованное отражение в трудах буржуазных мыслителей: Гегель и Конт, — назову только двух самых известных, — каждый об'являет, что его философская система завершает ряд развития; что она венец и предел прогрессивной эволюции мысли. Таким образом, философские системы, социальные и политические учреждения, прогрессируют лишь до тех пор, пока не достигнут своей буржуазной формы, а затем — прогресс приостанавливается.

Буржуазия и ее наиболее образованные представители

идут еще дальше в своем стремлении ввести в границы непрерывный ход прогресса; они устраняют от его влияния целый ряд социальных организмов первостепенной важности. Экономисты, историки и моралисты, стремясь доказать неопровержимым образом, что патриархальная форма семьи и индивидуальная форма собственности не могут видоизмениться, утверждают, что эти формы существовали во все времена. Они излагают свои голословные утверждения в то время, когда исследования, произведенные уже более полувека тому назад, ясно показали, что первобытные формы семьи и собственности носили коммунистический характер. Но буржуазные ученые этого не знают или делают вид, что — не знают.

Идеи прогресса и эволюции имели чрезвычайный успех в течение первых лет XIX века, когда буржуазия была еще опьянена своей политической победой, и поразительным ростом своих экономических богатств. Философы, историки, моралисты, политики, беллетристы и поэты подавали свои писания и речи под соусом прогрессивного развития, что было высмеяно одним только — или почти одним — Фурье. Но к середине XIX века им пришлось умерить свой безудержный энтузиазм. Появление пролетариата на политической арене Англии и Франции породило в душе буржуазии беспокойство за вечность ее социального господства, — и прогресс потерял в ее глазах свое очарование. Идеи прогресса и эволюции сошли бы на-нет в обиходе буржуазии, если бы не люди ее науки. Еще в конце XVIII века идея эволюции, широко распространенная в буржуазной среде, овладела областью науки: ученые использовали ее для об'яснения происхождения вселенной, мира растений и животных; они сообщили ей такую научную силу и такую популярность, что устранить ее стало невозможным.

Но одно голое констатирование прогрессивного развития буржуазии на протяжении определенного ряда веков так же мало об'ясняет это историческое движение, как мало изображение кривой, — которую описывает, при своем падении, камень, брошенный в воздух, — об'ясняет причины этого падения. Философы истории приписывают эту эволюцию непрерывной деятельности идей-сил, особенно же самой мощной из них — справедливости. «Справедливость, — как выразился один философ, с головы до ног пропитанный как идеализмом, так и академизмом, — Справедливость извечна, хотя она лишь постепенно проникает в человеческий дух и в социальную действительность». Буржуазное общество и буржуазная мысль, таким образом, суть конечные и высшие проявления имманентной справедливости; и именно для того, чтобы достичь таких прекрасных результатов, сия девица — Справедливость — работала так долго в тайниках истории.

Просмотрим же штрафной журнал вышеупомянутой, подозрительного поведения, особы, чтобы получить представление о ее характере и ее нравах.

Правящий класс всегда об'являет справедливым все то, что служит его политическим и экономическим интересам, а несправедливым — все, что им противоречит. Справедливость, как он ее понимает, претворяется в действительность именно тогда, когда удовлетворяются его классовые интересы. Справедливость, таким образом, идет на поводу у классовых интересов буржуазии, как феодальная справедливость в свое время шла на поводу у классовых интересов аристократии. Поэтому с бессознательной иронией справедливость изображают с повязкой на глазах, чтобы помешать ей видеть, какие пошлые и грязные интересы она защищает.

Феодальная и цеховая организация, наносившая ущерб интересам буржуазии, была по ее мнению, несправедлива. Поэтому она была разрушена имманентной справедливостью. Буржуазные историки говорят, что справедливость не могла примириться с вооруженным грабежом феодальных баронов, которые знали только одно это средство для округления своих земель и пополнения своей мошны. Однако, это не мешает почтенной имманентной справедливости одобрять вооруженные грабежи, когда мирные буржуа, не рискуя даже своей шкурой, заставляют переодетых солдатами пролетариев совершать эти грабежи в «варварских» странах Нового и Старого света. Это не значит, что этот вид грабежа особенно по душе добродетельной девице. — Во имя права она торжественно одобряет и разрешает только экономический грабеж, тот грабеж, который буржуазия без шумного насилия изо дня в день практикует над наемным рабочим. Экономический грабеж хорошо отвечает темпераменту и характеру этой справедливости, и поэтому она с готовностью берет на себя обязанность сторожевого пса при буржуазном богатстве, которое ведь является не чем иным, как именно законным и справедливым накоплением награбленного.

Справедливость, по словам философов, творила в прошлом чудеса; теперь, паря в буржуазном обществе, она направляет человека к мирному и счастливому будущему. На самом же деле, она, наоборот, плодовитая мать всяческих социальных несправедливостей. В прошлом — справедливость дала рабовладельцу право владеть человеком, как скотиной; в настоящем — она дает капиталисту право эксплоатировать детей, женщин и мужчин пролетариата хуже, чем вьючных животных. Справедливость дала в руки рабовладельцу кнут на раба и разжигала его сердце, когда тот осыпал раба ударами; и опять таки она же разрешает капиталисту захватывать прибавочную стоимость, создаваемую трудом наемников,

и оставляет в покое его совесть, когда тот вознаграждает нищенской платой труд, — труд, который приносит капиталисту все его богатство. — Я пользуюсь своим правом, — говорил рабовладелец, когда бичевал своего раба. — Я пользуюсь своим правом, — говорит капиталист, когда открыто крадет у наемника плоды его труда.

Буржуазия, умеющая приспособить все к своим целям и себе на пользу, украшает свой социальный строй именем «цивилизация», а свой способ обращения с живыми людьми — именем «гуманность». Свои колониальные экспедиции она предпринимает лишь для того, чтобы «просветить варварские народы духом цивилизации», чтобы «вырвать их из их грубой безнравственности», чтобы «улучшить» жалкие условия их существования. И эта ее цивилизация и гуманность проявляются под видом одурачивания христианством, в форме отравления алкоголем, ограбления и истребления туземцев. Но мы были бы неправы по отношению к ней, полагая, что она оказывает предпочтение варварам; нет, она осыпает благами своей цивилизации и гуманности и рабочий класс в своей собственной стране. — Здесь мерой ее цивилизации и гуманности служит масса мужчин, женщин и детей, лишенных собственности, осужденных на каторжный труд днем и ночью, осужденных на периодическую безработицу, падающих жертвой алкоголизма, туберкулеза и рахита. Здесь мерою служит также рост преступности, рост числа домов для умалишенных, развитие и усовершенствование пенитенциарной системы.

Ни один господствующий класс никогда не кричал так об идеалах, ибо ни у одного господствующего класса никогда не было в такой мере необходимости прикрывать свои поступки идеалистической болтовней. Это идеологическое шарлатанство является в руках буржуазии самым верным и самым действительным средством политического и экономического обмана. И однако, это разительное противоречие между словом и делом не мешает историкам и философам считать вечные идеи и принципы — единственными двигателями истории народов, живущих в буржуазном строе. Такое неслыханное заблуждение историков и философов, — выходящее за пределы дозволенного даже ученым, — служит неопровержимым доказательством громадной силы идей, и вместе с тем ловкости буржуазии, которая сумела так культивировать и эксплоатировать эту силу, что она приносит ей хороший барыш. Финансисты начинают свои проспекты патриотическими принципами, цивилизаторскими идеями, гуманными чувствами, обещаниями крупных премий [a]) для отцов семейств за помещение их сбережений. Это — верная приманка для выуживания денег у простаков. Лессепсу удалось осуществить грандиозную панаму XIX века и присвоить сбережения 800.000 маленьких

людей только благодаря тому, что этот «великий француз» обещал увенчать отечество новой славой, обещал раздвинуть пределы человеческой цивилизации и обогатить своих подписчиков.

Вечные идеи и принципы являются такой неотразимой приманкой, что без них не обходится ни одна финансовая, промышленная или торговая реклама, ни одно об'явление о спиртном напитке или аптекарском снадобье. — Политическое предательство и экономический обман развертывают знамя идей и принципов [5]).

Идеалистическая философия истории могла стать только безвкусным и неудобоваримым педантизмом, ибо буржуазные мыслители не могут вскрыть того факта, что буржуа щеголяют вечными принципами только для того, чтобы замаскировать эгоистические побуждения своих действий, ибо сами они — мыслители — не смеют отдать самим себе отчет в шарлатанской природе буржуазной идеологии. Но жалкие выкидыши идеалистической философии не доказывают еще невозможности открыть причины организации и эволюции человеческого общества, — открыли-ж, ведь, химики законы группировки молекул в сложных телах!

---

[5]) Вандервельде и другие товарищи скандализованы моей непочтительной и слишком уж «крайней» манерой разоблачить вечные идеи и принципы. Третировать Справедливость, Свободу, Отечество, как каких-нибудь метафизических и этических распутниц, торгующих собой в академических и парламентских речах, избирательных программах и торгашеских рекламах! Какая профанация! Если б эти товарищи жили во времена энциклопедистов, они метали бы молнии своего негодования против Дидро и Вольтеров, которые хватали за шиворот аристократическую идеологию и тащили ее на суд своего разума; которые вышучивали священные принципы христианства, Орлеанскую деву, голубую кровь и честь дворянства, власть, божественное право и другие бессмертные вещи; они обрекли-бы на сожжение Дон-Кихота за то, что этот несравненный шедевр романтической литературы безжалостно высмеивал рыцарские добродетели, вдохновлявшие поэмы и романы, написанные для аристократов.

Бельфорт Бакс упрекает меня в презрении, с которым я отношусь к справедливости, свободе и другим сущностям собственнической метафизики; он говорит, что эти идеи «однако» столь всеобщи и необходимы, что для критики их буржуазных карикатур я все же пользуюсь известным идеалом справедливости и свободы. Ну, конечно!—Также мало, как и самые крайние философы спиритуалисты, могу и я убежать от своей социальной среды: влияния ее ходячих идей—не избежишь; каждый их кроит по своей мерке и принимает свои личные идеи в качестве критерия для идей и поступков других людей. Но если данные идеи необходимы в той социальной среде, в которой они вырабатываются, из этого отнюдь еще не следует, что они, подобно математическим аксиомам, необходимы во всякой другой социальной среде; так думал об этом Сократ, который, кажется, в Протагоре доказывал вечную необходимость справедливости, говоря, что даже разбойники руководствуются ею в своих отношениях друг к другу. Именно потому, что общества,

«Социальный мир,— говорит Вико, отец философии истории,— несомненно дело рук человека; отсюда следует, что лежащие в его основе принципы можно и должно отыскать в самих изменениях человеческого ума... Не удивится ли всякий мыслящий человек, что философы делали серьезные попытки познать мир природы, созданный богом, познание которого бог оставил только за собой, и, напротив, пренебрегли исследованием социального мира, познание которого доступно человеку, так как человек сам его создал» [6]).

Многочисленные неудачи деистического и идеалистического методов внушают нам необходимость испытать новый метод об'яснения истории.

III

Исторические законы Вико

В своей Scienza nuova (Новая наука) Вико формулировал основные законы истории. Философы истории, правда, не читают его, но из книги в книгу любят передавать его corsi и ricorsi да две-три других сентенции. Сентенции эти они так же часто перевирают, как и повторяют.

Вико устанавливает, как основной закон развития человеческого общества, то положение, что все народы,— каково бы

основанные на частной собственности,—будь то семейная или личная,—суть разбойничьи общества, господствующие классы которых грабят другие нации и крадут плоды труда подчиненных им классов—рабов, крепостных или наемных рабочих,—именно поэтому справедливость и свобода являются для них вечными принципами. Философы провозглашают их всеобщими и необходимыми идеями, потому что они знают только те общества, которые основаны на частной собственности, и не могут даже представить себе общество, которое покоилось бы на другом основании.

Но социалист, который знает, что капиталистическое производство в своем развитии приведет нас неизбежно к обществу, основанному на общей собственности, не сомневается в том, что эти всеобщие и необходимые идеи исчезнут из человеческого ума вместе с твоим и моим, вместе с эксплоатацией человека, вместе с обществом, основанным на частной собственности, которая именно и породила эти идеи. Эта уверенность внушается не сантиментальными мечтами, но неоспоримым фактом, основанным на наблюдении. Показано, что доисторические дикари и варвары-коммунисты не имели никакого представления об этих вечных принципах: Сомнер Мэн, хотя он и ученый юрист, не нашел этих принципов в деревенских общинах современной Индии, жители которых руководствуются в своем поведении преданием и обычаем.

Всеобщие и необходимые идеи, используемые людьми в обществах с частной собственностью для организации своей гражданской и политической жизни,—будут излишни, ненужны для регулирования человеческих отношений в будущем обществе с общей собственностью. История их соберет и разместит в своем музее для мертвых идей.

[6]) Джиамбатиста Вико.— Principi di Scienza nuova.— Основы новой науки.

ни было их расовое происхождение и их географическая среда, — проходят одинаковый исторический путь, т.-е. что история данного народа есть повторение истории другого народа, достигшего более высокой ступени развития.

«Существует, — говорит он, — идеальная вечная история, которую проходят в свое время истории всех народов, от какого бы состояния дикости, варварства и грубости ни начали они свой путь к цивилизации», к состоянию оседлости — ad addimesticarsi, по его выражению (Scienza nuova, кн. II, § 5) [7]).

Морган, вероятно, не знал Вико, но и он пришел к тому же закону, только формулировал его в более положительной и совершенной форме. Единообразие истории различных народов, — которое неаполитанский философ выводит из того положения, что все народы развиваются по одному предначертанному плану, — американский антрополог сводит к двум причинам: к духовному сходству людей и к однородности препятствий, которые им приходится преодолевать в своем общественном развитии. Вико тоже верит в духовное сходство людей. «В человеческой природе, — говорит он, — заложен духовный, общий для всех народов, язык, он единообразно обозначает сущность вещей, играющих активную роль в социальной жизни людей, и выражает эту сущность вещей в различных названиях, соответствующих различным существующим видам этих вещей. Мы констатируем существование этого языка в пословицах, в этих жизненных правилах народной мудрости, одинаковых по своему содержанию у всех

---

[7]) Слова «цивилизация», вероятно, еще не существовало в итальянском языке во времена Вико. Только в XVIII веке начали во Франции пользоваться им для обозначения движения народа по пути прогресса. Это именно значение его—настолько недавнего происхождения, что французская академия помещает слово «цивилизация» в своем словаре впервые только в издании 1835 г. Фурье употребляет его только для обозначения современного буржуазного периода.

Естественные науки тоже имеют свою «идеальную вечную историю»; любопытно и интересно отметить этот параллелизм мысли в философии естественных наук и философии истории.—Аристотель и деисты предполагают существование заранее начертанного плана, по которому бог создал животных; этот план человек может открыть путем изучения сравнительной морфологии,—«он передумывает тогда божественную мысль». — Философы-материалисты, подставляющие природу на место бога, приписывают ей своего рода бессознательный план или вернее образец, тип, нематериальный и ирреальный; по этому типу-плану развиваются формы действительной жизни. Для одних это прототип—первоначальная форма, постепенным усовершенствованием которой являются земные существа; для других это прообраз, по отношению к которому земные существа являются переделкой, — измененной и несовершенной.

древних и современных народов, хотя и выраженных столь различным образом» (там же, Degli Elem, XXII [8]).

«Человеческий ум,—говорит Морган,—у всех индивидуумов, у всех племен, у всех народов—один и тот же, способности его одинаково ограничены, поэтому он работает и должен работать неизбежно в единообразных формах, лишь с незначительными отклонениями. Успехи, которых он достигает в разных странах, отдаленных друг от друга временем и пространством, образуют звенья одной непрерывной и логической цепи общего опыта... Подобно постепенным геологическим образованиям, и человеческие племена можно рассматривать в их развитии, как ряд отложившихся пластов. Сгруппированные таким образом, они дают до известной степени достоверную картину всего хода человеческой эволюции — от дикого состояния к цивилизации», ибо «путь человеческого опыта шел почти единообразными дорогами» [9]).

Маркс, изучавший путь экономического «опыта», подтверждает идею Моргана. — «Страна, промышленно более развитая,—говорит он в предисловии к Капиталу [10]), показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего».

Таким образом, «идеальная вечная история», которую — по словам Вико — должны пройти все без исключения народы,

---

[8]) Аристотель также приписывал большое значение пословицам. Некоторые писатели говорят о составленной им коллекции народных пословиц, которая, однако, затерялась. Синезий сообщает о ней в своей Похвале лысине: «Аристотель видит в пословицах остатки философских воззрений прошедших времен; эти воззрения погибли во время революций, которые людям пришлось пережить, но эти остатки сохранились благодаря своей сжатой и меткой форме. Поэтому пословицы и выраженные в них мысли имеют то же важное значение, как и древнейшая философия, которая оставила их нам и благородную печать которой они носят, потому что в древние времена истину постигали гораздо глубже, чем в наши дни». Этот христианский епископ, воспитанный на языческих авторах, повторяет господствовавшее в древности мнение, что человек вырождается, а не совершенствуется. Это воззрение мы встречаем и в греческой мифологии; оно не раз повторяется в Илиаде, оно разделялось также египетскими жрецами, которые, по словам Геродота, делили истекшие времена на три эпохи: век богов, героев и людей.

Человек с тех пор, как он вышел из эпохи родового коммунизма, стал думать, что он вырождается и что счастье, земной рай, золотой век — лежат в прошлом. Мысль о способности человека к совершенствованию и к социальному прогрессу возникла в XVIII веке,—когда буржуазия приближалась к власти. Но подобно христианству, осуществление счастья она сослала на небо.

Утопические социалисты вернули счастье обратно на землю. «Рай лежит не за нами, а впереди нас»,—говорит Сен-Симон.

[9]) Льюис Морган. — Древнее общество. II, гл. 9; IV, гл. 1; III, гл. V.

[10]) Т. I. Предисловие, стр. XIII, изд. 1920. Москва, Гиз.

представляет собою не план истории, предначертанный каким-то божественным разумом, а — чисто человеческий план исторического прогресса. Этот план может быть постигнут историком, который, изучив все этапы, пройденные различными народами, сравнивает их между собой и классифицирует их по относительной высоте достигнутого ими развития.

Исследования, ведущиеся уже столетие, — о диких племенах, об античных и современных народах, — блестяще доказали правильность закона Вико. Они доказали, что все люди, каково бы ни было их расовое происхождение и географическая среда, должны пройти в своем развитии через одинаковые формы семьи, собственности и производства, равно как и через одинаковые социальные и политические учреждения. Датские антропологи первые констатировали этот факт и разделили доисторический период на последовательные три эпохи, назвав их по материалу, из которого изготовлялись первые орудия, т.-е., следовательно — по способу производства — каменным, бронзовым и железным веками. Истории различных народов, — безразлично, принадлежат ли они к белой, черной, желтой или красной расам, живут ли они в умеренном климате, на экваторе или на полюсе, — различаются между собою только тем, что Вико назвал «этапом идеальной истории», или что Морган назвал «высотой исторически отложившегося пласта»; или — как назвал Маркс — ступенью экономической лестницы, которой они достигли. Таким образом, — народ более развитой показывает менее развитому народу лишь картину его собственного будущего.

И духовная деятельность людей подчиняется закону Вико. Филологи и грамматики нашли, что при создании слов и языков люди всех рас следовали одинаковым правилам. Фольклористы нашли у диких и цивилизованных народов одни и те же сказки, а Вико уже констатировал у них одинаковые пословицы. Многие фольклористы думают, что эти одинаковые сказки выработаны не отдельно каждым народом, сохраняющим их до сих пор только путем устной передачи, а были созданы в одном общем центре, откуда и распространились по всей земле. Это мнение — несостоятельно, оно противоречит наблюдениям над социальными учреждениями и над другими, как духовными, так и материальными продуктами человеческого творчества.

История развития идеи души и других порожденных ею идей служит одним из наиболее любопытных примеров единообразия в развитии мысли. Идея души встречается у дикарей даже на самых низших ступенях, она — один из первых духовных продуктов человеческого творчества. Раз душа была изобретена, необходимо было нужно устроить для нее жилище на земле или на небе, чтобы поместить ее туда после разло-

жения трупа, с целью помешать ей бездомно странствовать и беспокоить живущих. Идея души, — очень живая у диких и варварских народов, — оказав свое содействие созданию идеи великого духа и бога, исчезла у народов, достигших более высокой ступени развития; она возродилась с новой силой к новой жизни только тогда, когда они перешли на следующую ступень цивилизации. — Историки свидетельствуют, что идея души отсутствует в историческую эпоху у народов, живших вокруг Средиземного моря, хотя она и существовала у них в предшествовавшем периоде дикого состояния. Историки констатируют возрождение ее за несколько веков до нашего летоисчисления, а также устойчивость ее до наших дней. Они ограничиваются простым сообщением этого замечательного факта исчезновения и нового появления такой капитальной идеи; они не придавали значения такому факту и не задумывались найти ему об'яснение. Впрочем, они и не смогли бы найти это об'яснение в поле своих исследований. Только применяя исторический метод Маркса, только исследуя изменения, совершившиеся в экономической среде,—можно вообще надеяться найти такое об'яснение.

Ученые, занимавшиеся исследованием первобытных форм семьи, собственности и политических учреждений, были слишком поглощены своей работой; поэтому они не имели достаточно времени для исследования причин их изменений. Они дают нам только описательную историю, а ведь наука о человеческом обществе должна не только описывать, но и об'яснять.

Вико считает, что человек — бессознательный двигатель истории, и что — не добродетели его, а пороки являются ее живыми силами. Не бескорыстие, не великодушие и человеколюбие, а наоборот, — «кровожадность, скупость и тщеславие» создают и развивают человеческие общества. «Эти три порока владеют родом человеческим, они порождают армию, торговлю и политические учреждения — la corte — и, как дальнейшее следствие, создают мужество, богатство и мудрость народов. Таким образом, эти три порока, которые могли бы истребить род людской на земле, — создают счастье граждан».

Этот неожиданный результат служит для Вико «доказательством существования божественного провидения, божественного разума: разум с помощью человеческих страстей организует общественный порядок, позволяющий людям жить в человеческом обществе, тогда как в противном случае люди, разделенные своими частными интересами, жили бы в одиночку, как хищные звери» (там же, Degli Elem, VII).

Божественное провидение, которое направляет дурные страсти людей, есть новое издание народной аксиомы «человек предполагает, а бог располагает». Это божественное провидение неаполитанского философа и этот бог народной мудрости, — кто они такие? —

— «Способ производства», — отвечает Маркс.

Вико и народная мудрость сходятся в том, что только человек является движущей силой исторического развития. Но человеческие потребности и страсти, дурные и хорошие, не являются неизменными величинами, — а так именно думают идеалисты, для которых человек остается всегда одним и тем же. Например, материнская любовь, — это полученное от животных наследие; без него человек в диком состоянии не мог бы жить, и воспроизводить свой род, — материнская любовь в эпоху цивилизации так ослабела, что у матерей из богатых классов она готова совершенно исчезнуть, ибо эти богатые матери со дня рождения ребенка освобождают себя от забот о нем и поручают его заботам наемных людей. Другие цивилизованные женщины так мало испытывают потребность в материнстве, что дают обет девственности [11]). Напротив, — отцовская любовь и половая ревность, которые не могут проявиться у диких и варварских племен, где господствует полиандрия, — очень развиты у цивилизованных людей. Чувство равенства, — очень живое и властное у дикарей, живущих в коммунистическом строе, доходящее до запрещения кому бы то ни было владеть предметом, которым не могут владеть другие, — так сильно изгладилось с тех пор, как человек живет под режимом индивидуальной собственности, что бедняки и наемные рабочие с покорностью принимают свое низшее социальное положение, как естественную и посланную богом судьбу.

Таким образом, в ходе человеческого развития самые глубокие страсти изменяются, ослабевают и исчезают, тогда как другие возникают и усиливаются. Искать только в самом человеке конечные причины их возникновения и развития, — значило бы допустить, что человек, живя в природе и обществе, однако, не подвергается влиянию окружающей его действительности. Такое допущение не может родиться в мозгу даже идеалиста самой чистой воды, потому что и он не осмелился бы утверждать, что можно встретить одинаковой силы

---

[11]) У пчел, которые сумели создать себе социальную среду, можно наблюдать такое полное исчезновение материнской любви: царица пчел, — матка улья, — не занимается своим потомством; она убивала бы своих дочерей, наделенных половыми органами, если бы бесполые работницы не спасали их от материнской ярости. Некоторые породы домашних птиц потеряли инстинкт материнства; они отлично несут яйца, но никогда их не высиживают.

чувство стыдливости у женщины из так называемой «приличной» семьи и у несчастной, зарабатывающей себе хлеб продажей своего тела; или что можно встретить одинаковое уменье быстро считать у банковского чиновника и у кабинетного ученого; одинаковую гибкость пальцев у пианиста и землекопа. Таким образом, неоспоримо, что среда, в которой живет человек, оказывает на него, помимо его сознания, глубокое влияние в физическом, умственном и моральном отношениях.

IV

Естественная и искусственная — или социальная — среда

Среда оказывает не только прямое влияние на функционирующий орган, например, в случае с пианистом и землекопом — на руку, или на часть мозга — в примере с чиновником и кабинетным ученым, или на нравственное чувство — в случае с приличной дамой и проституткой; нет, — среда оказывает и косвенное влияние на все остальные органы. Этому общему влиянию среды на весь организм Жоффруа Сент-Иллер дал характерное название «субординация органов», современные естествоиспытатели называют это «законом корреляции». Этот закон Кювье изложил следующим образом:

«Всякое органическое существо образует целое, единую и замкнутую систему, — совокупность частей, соответствующих друг другу и способствующих путем взаимодействия одному и тому же конечному результату. Ни одна из этих частей не может измениться без того, чтобы не изменились также остальные части» [12]). Например, — форма зубов какого-нибудь животного не может измениться по какой-либо причине без того, чтобы не повлечь за собой других изменений: в челюстях, приводящих их в движение, в черепной кости, к которой они прикреплены, в мозгу, заключенном в черепе [13]),

---

[12]) Кювье.—Рассуждение о переворотах земной поверхности (Suvier,—Discours sur les Rèvolutions de la surface globe).

[13]) Анатомы признают, что сильное развитие височных мускулов (crotaphites) у плотоядных и многих обезьян,—вследствие оказываемого ими давления на черепную коробку, которую они покрывают и сжимают, как бы ремнем,—мешает развитию мозга; вследствие этого мозг у них относительно мал по сравнению с мозгом тех животных, которые, подобно человеку, имеют мало развитой жевательный аппарат и менее мощные височные мускулы. Р. Антони удалил у двух новорожденных собак один из височных мускулов и несколько месяцев спустя нашел, что половина черепа, соответствующая удаленному мускулу, более выпукла и что мозговое полушарие увеличилось в об'еме. — Отчеты Академии наук. 23 ноября 1903 г. (Comptes rendus de l'Académie des Sciences. 23 novembre 1903).

в костях и мускулах, поддерживающих голову, в форме и длине кишек, — словом, во всех частях тела. Видоизменения передних конечностей с тех пор, как они перестали служить ходьбе, привели к тем изменениям в организме человека, которые окончательно отделили человека от человекообразных обезьян.

Не всегда можно предвидеть и даже понять изменения, которые влечет перемена, происшедшая в каком-нибудь органе: трудно сказать, почему перелом ноги или удаление яичка у оленя приводит к атрофии рога с противоположной стороны, почему белые кошки глухи, почему те же млекопитающие животные травоядны, если их нога заканчивается копытом, и плотоядны, если лапа заканчивается пятью пальцами, вооруженными когтями?

Простая перемена в привычках, подвергающая один или несколько органов необычному упражнению, имеет иногда своим последствием глубокие изменения во всем организме. Дарвин утверждает, что скелет некоторых пород шотландских коров подвергся изменениям только в силу привычки пастись на крутых склонах. Естествоиспытатели единодушно признают, что породы китообразных — киты, кашалоты и дельфины — первоначально были земными млекопитающими, но, найдя в море более обильную и легкую пищу, переселились в воду, стали плавать и нырять. Этот новый образ жизни изменил их органы, сведя лишние из них на положение рудиментарных остатков и, напротив, развив другие и приспособив их к требованиям новой для них водной стихии. Растения Сахары, чтобы приспособиться к среде, почти лишенной влаги, должны были ограничить свой рост и свести число листьев на два или четыре, покрыть их восковым слоем, чтобы предупредить испарение, и чудовищно удлинить свои корни в поисках за влагой; процесс их роста совершается не так, как в нормальных условиях: летом, в период жаров, они приостанавливаются в росте, а растут зимой, в относительно прохладное и влажное время года. Все растения пустынь представляют аналогичные отличительные свойства: данная среда обусловливает собой бытие организмов, представляющих каждый — совокупность определенных отличительных признаков.

Космическая или *естественная* среда, к которой животные и растения должны приспособляться под страхом смерти, тоже образует, — подобно «органическому существу» Кювье, — сложную совокупность, систему без точных границ в пространстве. Составными частями этой системы являются: геологическая формация и состав почвы, близость данного места к экватору, высота его над уровнем моря, орошающая

его водная система, количество атмосферных осадков и солнечной теплоты и т. п. и, наконец, населяющий его мир растений и животных. Все эти части так тесно связаны друг с другом, что ни одна из них не может измениться, не вызывая изменений и в остальных частях. Изменения в самой естественной среде не так заметны, как у органических существ, однако же очень ощутительны. Леса, например, оказывают влияние на температуру, на количество атмосферных осадков и, следовательно, на влажность и черноземность почвы. Дарвин показал, что такие с виду незначительные животные, как черви, играют значительную роль в образовании чернозема. Бертело и агрономы Гельригель и Вильфарт доказали, что бактерии, кишащие в узлах бобовых растений, являются агентом-оплодотворителем почвы. Человек, разводя скот и обрабатывая землю, производит заметное влияние на естественную среду; вырубка лесов, начатая еще римлянами, превратила плодородные местности Азии и Африки в необитаемые пустыни.

Растения, животные и люди, — подвергаясь в диком состоянии исключительному влиянию естественной среды и не имея иных средств защиты, кроме способности своих органов к приспособлению, — должны в конце концов приобрести различные формы, хотя бы имели одно общее происхождение, если они в продолжение сотен и тысяч поколений живут в различной естественной среде. Разнородная естественная среда стало быть, вносит различия в мир людей, растений и животных; и, действительно, — именно в течение периода дикого состояния образовались различные человеческие расы.

Человек, хозяйствуя, не только изменяет естественную среду, в которой живет, но и создает еще искусственную или социальную среду, которая ограждает его организм от вредных влияний естественной среды или по крайней мере значительно их ослабляет. Но эта искусственная среда оказывает в свою очередь влияние на человека — такого, каким он был дан ей естественной средой. Человек, как и культивируемое растение и домашнее животное, подвергается, следовательно, действию двоякого рода среды.

Различные виды постепенно созданной людьми искусственной или социальной среды различаются между собой высотой и сложностью своей структуры; но тем не менее, при условии одинакового уровня и сложности своего развития, виды социальной среды очень сходны между собой, независимо от того, какие человеческие расы их создали и в каких географических условиях они развиваются. Таким образом, хотя люди продолжают подвергаться дифференцирующему влиянию разнородной естественной среды, — они в то же время подвергаются нивелирующему влиянию однородной

искусственной среды, которая ведет к уменьшению расовых различий и к развитию одинаковых потребностей, одинаковых интересов, одинаковых страстей и одинаковых умственных способностей. Впрочем, сходство естественной среды — например, одинаковая высота и широта данных местностей — тоже влияет на создание единообразия в мире растений и животных. В сходной естественной среде мы находим сходную флору и фауну. Таким образом, сходная искусственная среда стремится сгладить различия между людьми, разделенными естественной средой на расы и под-расы.

Естественная среда эволюционирует крайне медленно. Поэтому те виды растений и животных, которые приспособились к ней, кажутся нам неизменными. Искусственная среда эволюционирует, наоборот, со все возрастающей быстротой. Именно поэтому человеческая история носит — по сравнению с историей животных и растений — характер чрезвычайной подвижности.

Искусственная среда, — совершенно так же, как органическое существо и естественная среда, — образует совокупность, сложную систему, без точных границ в пространстве и времени; все части этой системы настолько соответствуют друг другу и так тесно между собой связаны, что ни одна из них не может измениться, не производя потрясения во всех других частях, которые в свою очередь должны подвергнуться изменению.

У диких племен искусственная или социальная среда крайне простая и состоит из немногих составных частей. Она усложняется по мере человеческого прогресса путем присоединения к ней новых составных частей или путем развития уже существующих. Начиная с исторического периода, искусственная среда складывается из хозяйственных, общественных, правовых и политических отношений, привычек, обычаев, нравов и моральных воззрений, здравого человеческого рассудка и общественного мнения, религии, литературы, искусств, философии, науки, способа производства и обмена и т. д., и живущих в ней людей. — Эти составные части социальной среды, изменяясь и воздействуя друг на друга, породили ряд все более сложных и обширных форм социальной среды; эти изменения, по мере своего развития, изменяют самих людей, ибо не только естественная среда, но и данная социальная среда обусловливает бытие людей, представляющих в физическом и моральном отношении одинаковые отличительные признаки. Если бы все эти связанные между собой части были устойчивы, или изменялись так же медленно, как части естественной среды, — тогда искусственная среда оставалась бы всегда в равновесии и не имела бы вовсе истории. Но в действительности ее равновесие отличается

характером чрезвычайной и все возрастающей неустойчивости; оно непрерывно нарушается вследствие изменений, происходящих в одной из ее частей, вызывающих соответствующее воздействие на остальные ее части.

Части органического существа, как и части естественной среды, оказывают друг на друга прямое, так сказать, механическое воздействие. — Когда в ходе физического развития человек окончательно принял вертикальное положение, оно стало отправной точкой изменения всех его органов; когда голова, вместо того, чтобы держаться сильными мускулами вниз на шее, как у других млекопитающих, была поднята позвоночным столбом вверх, то изменились и самые мускулы и облегаемый ими костяк и, изменяясь, изменили череп, головной мозг и т. д. Когда слой чернозема в какой-нибудь местности почему-либо увеличивается, то на нем начинает расти лес вместо худосочных растений; лес изменяет направление рек, увеличивает об'ем водного потока и т. д.

Но части искусственной среды могут воздействовать друг на друга только при посредстве человека. Подвергшаяся изменению часть должна прежде всего преобразовать людей в физическом и духовном отношениях, должна заставить их действовать и должна побудить их так изменить другие части, чтобы они достигли того же уровня развития, что и она, ибо только тогда эти части не будут задерживать ее дальнейшего развития, находясь с ней снова в полном соответствии. Оставшаяся неизмененной часть социальной среды дает чувствовать себя именно теми качествами, которые были в свое время полезными, — составляли ее «хорошую сторону»; теперь эта «хорошая сторона», став устарелой, становится вместе с тем вредной и превращается тогда в «дурную сторону». А это тем более невыносимо, чем важнее те изменения, которым эта устарелая часть социальной среды должна была бы подвергнуться. Нарушенное равновесие между частями искусственной среды нередко может быть восстановлено только путем борьбы между той группой людей, которая особенно заинтересована в части, находящейся на пути к изменению, и всеми остальными членами общества.

Для иллюстрации этой роли человека в процессе изменения составных частей искусственной среды достаточно привести несколько исторических фактов из совсем недавнего прошлого, еще сохранившихся в памяти.

Когда промышленность стала пользоваться двигательной силой пара, ей понадобились новые транспортные средства для перевозки топлива, сырья и готовых продуктов. Тогда она внушила промышленным кругам идею вагона с паровой тягой

и рельсового пути; эта мысль впервые была практически осуществлена во Франции в каменноугольном бассейне Гара в 1830 г. и в бассейне Луары в 1832 г.; а в Англии Стефенсон пустил в 1829 г. первый поезд, приводимый в движение паровозом. Но дальнейшему распространению этого способа передвижения пришлось столкнуться со всех сторон с весьма сильным сопротивлением, которое в течение долгих лет задерживало его развитие. Характерно, что Тьер, — политический вождь цензовой буржуазии, представитель здравого рассудка и общественного мнения, — энергично сопротивлялся введению нового способа передвижения, доказывая, что «железная дорога не может итти». Но железные дороги действительно опрокинули все наиболее против них распространенные доводы от разума. На ряду со многими другими невозможными вещами, — они потребовали серьезного преобразования в тех отношениях собственности, которые служили основанием социального здания господствовавшей тогда буржуазии. В самом деле, до того времени буржуа вел свое промышленное или торговое дело только на свои деньги, в крайнем случае прибегая к помощи одного или двух друзей или знакомых, которые верили в его честность и удачу. Он распоряжался основным капиталом и был не только по имени, но и в действительности настоящим собственником фабрики или торгового дома. Но железные дороги потребовали для своего оборудования таких чудовищных капиталов, что было немыслимо найти их в руках нескольких лиц. Следовательно, необходимо было, чтобы большое число буржуа решилось доверить свои деньги, которых они никогда не выпускали из своих рук, людям, почти им неизвестным по имени и еще менее известным своими способностями. А раз деньги были выпущены из рук, они теряли над ними всякий контроль, не имея даже права собственности на вокзалы, вагоны, паровозы и пр., изготовленные на эти деньги. Они получили только право на прибыль, если она была. Вместо золотых и серебряных монет, имеющих об'ем, вес и другие солидные качества, им выдают тонкие и легкие листы бумаги, представляющие фикцию бесконечно малой и неосязаемой частицы их коллективной собственности, название которой напечатано на этих листах жирным шрифтом. На всем протяжении буржуазного строя собственность никогда не облекалась в такую метафизическую форму. Эта новая форма собственности, которая обезличила самую собственность, стояла в таком резком противоречии с прежней ее формой, которая составляла наслаждение буржуа, с той, которую они знали в течение целого ряда поколений, и которую они передавали из рода в род, — что в защиту и пропаганду ее выступили только люди, обвиняемые во всяческих преступлениях, об'-

явленные худшими возмутителями общественного порядка, — только социалисты: Фурье и Сен-Симон первые оценили этот процесс мобилизации собственности в бумажных акциях [14]). В рядах их учеников мы встречаем промышленников, инженеров и финансистов, которые подготовили революцию 1848 г. и сделались участниками 2-го декабря [a]). Они использовали политическую революцию 1848 г. для революционизирования экономической среды путем централизации девяти провинциальных банков в один «Французский банк», путем легализации новой формы собственности в общественном мнении и путем создания сети французских железных дорог.

Крупная механическая промышленность издалека привозит свое топливо и сырье и по всему свету сбывает свои изделия, поэтому она не может мириться с раздроблением страны на ряд мелких независимых государств, каждое с особой системой пошлин, законов, весов и мер, монеты и бумажных денег и т. п.; крупное производство, наоборот, нуждается для своего развития в существовании об'единенных и централизованных государств.— Италия и Германия выполнили эти требования крупной промышленности только ценою кровопролитных войн. Господа Тьер и Прудон, — у которых было так много точек соприкосновения, так как оба они выражали политические интересы мелкой промышлен-

---

[14]) Фурье в Traité de l'Unité universelle, — Трактат о всеобщем единстве, — подробно перечисляет выгоды, которая эта форма собственности представляет для капиталиста: «она не подвергается риску кражи, пожаров и даже землетрясений... Опекаемый никогда не рискует потерять или потерпеть ущерб от плохого управления его имуществом, так как администрация у него та же, что и у всех акционеров... Капиталист, обладай он хоть сотней миллионов, в любой момент может реализовать свое состояние» и т. д. Она обеспечивает социальный мир, ибо «мятежные стремления превращаются в любовь к существующему строю, как только человек становится собственником», а с другой стороны—«бедняк, обладай он только одним экю (рублем), может принять участие в одной из общедоступных акций, которые разделены на самые маленькие доли... и стать таким образом, правда, в бесконечно малом масштабе, собственником всей страны и с полным правом говорить: наши дворцы, наши магазины, наши сокровища». Социалисты-утописты были скорее представителями капиталистического коллективизма, чем рабочего освободительного движения. Их золотой век был — только денежным веком.

Наполеон III и его соучастники в государственном перевороте очень сочувствовали этим идеям утопического социализма: они облегчили самым маленьким кошелькам доступ к государственной ренте, которая до них была монополией только одних толстосумов; они демократизировали государственную ренту, — как выразился один из них,—дав право покупать ренту на пять франков и даже на один франк (несколько копеек). Они думали этим заинтересовать массы в устойчивости государственного кредита и предупредить политические революции.

ности, — тоже принадлежали к пламенным защитникам независимости государств от папы и итальянских князей.

Так как человек создает и последовательно изменяет части искусственной среды, то, очевидно, движущей силой истории является именно он, как думает Вико, а не метафизические сущности — справедливость, прогресс, свобода и т. д., как упрямо твердят наиболее философски настроенные историки. Эти сбивчивые и туманные воззрения варьируют от одной исторической эпохи к другой, от одной общественной группы к другой и даже от одного индивидуума к другому в пределах одной и той же эпохи, потому что они служат идейным отражением тех явлений, которые происходят в различных частях искусственной среды. Так например, — капиталист, наемник и судья имеют различные представления о справедливости. Социалист понимает под справедливостью возврат наемнику-производителю украденных у него богатств, а капиталист — сохранение этих украденных богатств; и так как капиталист обладает экономической и политической властью, то его представление о справедливости является господствующим и имеет силу закона, а для судьи закон — сама справедливость. Именно потому, что одно и то же слово прикрывает противоречивые представления о справедливости, буржуазия сделала из этой идеи орудие своего господства и обмана.

Та часть искусственной, или социальной, среды, в которой протекает деятельность человека, дает ему физическое, духовное и моральное воспитание. Это воспитательное влияние обстановки, — которая порождает в человеке идеи и приводит в движение его страсти, — носит бессознательный характер. Человек приписывает свои действия свободному импульсу своих страстей и мыслей, тогда как в действительности он только поддается влиянию, оказываемому на него той или другой частью искусственной среды, которая может воздействовать на другие свои части только посредством его идей и страстей. Повинуясь бессознательно косвенному давлению среды, человек приписывает руководство своими действиями и движениями какому-нибудь богу, божественному разуму или же идеям справедливости, прогресса, гуманности и т. п... Ход истории является бессознательным, потому что, — как говорит Гегель, — человек приходит всегда к другому результату, чем тот, к которому он стремился, и это потому, что человек до сих пор не сознавал причину, которая заставляет его действовать и направляет его поступки...

Какая же самая неустойчивая часть искусственной (социальной) среды, которая чаще всего изменяется и количественно и качественно, которая из всех частей социальной среды наиболее способна потрясти все здание в целом?

— «Способ производства», — отвечает Маркс.

Маркс понимает под способом производства не то, что человек производит, а то, как он производит. Так, например: люди ткут еще со времен доисторических, но лишь всего около ста лет, как стали ткать при помощи машин. Машинный способ производства составляет самый существенный признак современной промышленности. — Мы имеем перед глазами несравненный пример его сокрушающей и несокрушимой силы, преобразующей социальные, экономические, политические и правовые отношения. Введение машинного производства превратило Японию на протяжении одного поколения из средневекового феодального государства в конституционно-капиталистическое и поставило ее в ряду мировых держав.

Способ производства приобретает такое могучее влияние благодаря различным причинам. Производство привлекает к себе прямо или косвенно энергию огромного большинства народа; только незначительное меньшинство занято в других частях социальной среды, — политике, религии, литературе и пр. Но и это меньшинство, — чтобы добыть себе средства к материальному и духовному существованию, вынуждено интересоваться производством. В результате, все люди в большей или меньшей степени испытывают влияние способа производства на их физическую и духовную жизнь; лишь самое небольшое число людей подчиняется влиянию только других частей среды. Но так как отдельные составные части социальной среды воздействуют друг на друга только посредством людей, то та часть, которая влияет на большинство данного народа, необходимо обладает наибольшей энергией, чтобы потрясти все целое.

Способ производства играет сравнительно второстепенную роль в социальной среде дикаря; но он получает преобладающее и беспрерывно возрастающее значение по мере того, как человек все больше вовлекает силы природы в сферу производства, — по мере того, как человек все более познает их. Этот процесс подчинения сил природы начался еще в доисторический период, когда человек стал пользоваться камнем в качестве орудия и оружия.

Способ производства так, сравнительно, быстро прогрессирует не только потому, что в производство вовлечена огромная масса людей, но еще и потому, что, воспламеняя «фурий частного интереса» [a]), — оно приводит в движение три порока, которые Вико считал двигательными силами истории: жестокость, корыстолюбие и честолюбие.

Способ производства так быстро прогрессирует в течение этих двух веков, что участвующие в производстве люди вынуждены постоянно преобразовывать другие части соци-

альной среды, чтобы удержать их на соответствующем уровне. Сопротивления, на которые они при этом наталкиваются, непрерывно создают экономические и политические конфликты.

Итак, когда хотят открыть основные причины исторического движения, необходимо искать их в способе производства материальной жизни, который, — как говорит Маркс,—обусловливает собой процесс жизни социальной, политической и духовной вообще.

Экономический детерминизм Маркса лишает «закон единообразия исторического развития» Вико — его характера предопределенности. Этот характер навязывает нам предположение, будто фазы исторического развития данного народа, — подобно эмбриональным фазам животного организма, как об этом думал Жоффруа Сент-Иллер, — роковым образом предопределены его естественной средой и действием некоторой внутренней — «эволютивной» — силы, эта сила будто бы ведет его по предначертанным путям к заранее определенному концу его исторической жизни. Если бы это было так, то отсюда следовало бы, что все народы должны были бы прогрессировать — всегда и во что бы то ни стало — с определенным темпом развития и определенным историческим путем. — Понятный, таким образом, закон единообразного развития человеческого общества не найдет себе подтверждения в фактах исторического развития любого народа.

Историческая действительность, наоборот, показывает нам, что развитие данного народа встречает препятствие в то время, когда другой народ идет вперед стремительным шагом, а третий — идет вспять от той точки развития, которой он уже достиг. Причины этих остановок, прогресса и регресса, — можно об'яснить только в том случае, если историю общественного, политического и духовного развития каждого народа мы осветим историей развития той искусственной «социальной» среды, в которой этот народ развивается. Изменения этой среды, — определяемые способом производства, — определяют в свою очередь события исторической жизни данного народа.

Искусственная среда преобразуется не только путем внутренней, но и путем международной борьбы данного народа. Поэтому, исторические события в жизни данного народа зависят от отношений, установившихся между искусственной средой, подлежащей преобразованию, и этим народом в том его виде, каким он был создан естественной средой, а также наследственными и приобретенными привычками. Эта естественная среда и это историческое прошлое народа, конечно, придают ему оригинальные, характерные именно для него, черты — и здесь лежит ключ к тому историческому факту, что один и тот же способ производства отнюдь не порождает

с математической точностью у всех живущих им народов тождественные формы искусственной, или социальной, среды; следовательно, один и тот же способ производства не вызывает исторических событий, абсолютно сходных у различных народов и во все времена истории. Ибо международная борьба за существование все более распространяется и усиливается по мере того, как растет число народов, достигших высшей ступени цивилизации. Историческое развитие народов также не является предопределенным, как и эмбриональное развитие животного организма. Если историческое развитие проходит через сходные семейные, собственнические, юридические и политические организации, через аналогичные формы философской, религиозной, художественной и литературной мысли, то это только потому, что народы, — независимо от их расового происхождения и географической естественной среды, — должны в своем развитии испытать крайне сходные материальные и духовные потребности и должны для удовлетворения этих материальных и духовных потребностей прибегнуть к одинаковому способу производства [15]).

---

[15]) Жоффруа Сент-Иллер ввел в естественную историю закон единства плана строения, подобно тому, как Вико ввел в историю человечества закон единства развития. Жоффруа Сент-Иллер думал, что эмбриональное развитие в яйце, — с момента оплодотворения до рождения, — совершается по предначертанному плану, так что морфологические фазы развития необходимо следуют одна за другой и что поэтому урод есть существо недоразвившееся, частично задержанное на одной из фаз эмбрионального развития.

Современные эмбриологи отбрасывают мысль о предначертанном плане и думают, что эмбриональное развитие — при жизнеспособности эмбриона (зародыша) — зависит только от состояния среды, в которой он развивается. Если, например, разрушить один или несколько сегментов (dlastomères) яйца — муравья, морского ежа, иглокожего и т. п., то можно получить урода т.-е. дефективный организм, — хотя не всегда; иногда части неповрежденной среды сами воспроизведут искусственно удаленную часть. Далее, можно в первый период зародышевой жизни искусственно разделить эмбрион пополам, — при условии, что обе части будут продолжать свое развитие, — тогда вместо одной получим две особи, как если бы зародыш не был рассечен; — отсюда предполагают, что аналогичный распад человеческого зародыша в матке является причиной беременности близнецами. Далее, — можно видоизменить жидкую среду, в которой развивается зародыш, путем

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АБСТРАКТНЫХ ИДЕЙ

I

Противоречивые мнения о происхождении абстрактных идей

В истории мысли часто случается, что гипотезы и теории, побывав об'ектом изучения и обсуждения, исчезают с поля умственной деятельности, а затем — после некоторого, более или менее продолжительного, времени забвения — выплывают опять на сцену; тогда они снова рассматриваются при свете собранных за этот промежуток времени знаний и в конце концов помещаются в багаж приобретенных истин.

Возьмем теорию непрерывного развития видов.— Бессознательно-признанная первобытным человеком, который считает своими предками растения и животных и наделяет их человеческими свойствами; предвиденная мыслителями античного мира и эпохи Возрождения в их научных построениях, — она была с гениальной точностью установлена натуралистами конца XVIII века, а затем, — после достопамятного спора между Жоффруа Сент-Иллером и Кювье, предана такому глубокому забвению, что концепцию этой теории приписали Дарвину, когда он в 1859 г. возродил ее снова в своем Происхождении видов. Доказательства, которых в 1831 г. недоставало Жоффруа Сент-Иллеру для того, чтобы дать восторжествовать его положению о «единстве плана», были собраны в таком изобилии, что Дарвин и его ученики могли дополнить теорию и заставить научный мир признать ее.

введения в нее минеральных солей, — тогда можно получить видоизмененные формы эмбриона или придать ему новые формы.

Одинаковые формы сохраняются в природе только потому, что взаимоотношения условий их образования, если и не тождественны сами по себе, то во всяком случае чрезвычайно сходны. Даже очень незначительные изменения в этих условиях постепенно видоизменяют особи одного и того же помета, одной и той же семьи; но когда эти изменения более значительны, то они могут породить разновидности, способные стать отправным пунктом новых пород.

Интересно было бы сопоставить социалистическое понимание развития человеческой истории и естественно-научное понимание эмбрионального развития.

Материалистическая теория происхождения абстрактных идей имела подобную же судьбу. Сначала она была выдвинута и подвергнута обсуждению мыслителями Греции; затем была воспринята в Англии философами XVII века и во Франции философами XVIII века, а со времени торжества буржуазии была вычеркнута из программы философских занятий.

На ряду с идеями, которые соответствуют одушевленному и неодушевленному миру, существуют и другие идеи, которые не имеют в мире об'ектов двойника, доступного чувствам; таковы — идеи справедливости, истины, добра, зла, числа, причины, бесконечности и т. п... Люди, не зная мозгового процесса, превращающего ощущение в идею, — точно так же, как они не знают, каким образом динамо превращает движение в электричество, — не дают себе труда разобраться в происхождении идей, являющихся отображениями об'ектов, доступных чувствам; меж тем происхождение абстрактных идей, не соответствующих никакой об'ективной реальности, стало предметом изучения, не давшего еще решающего результата.

Греческие философы, которых мы встречаем у входа в любую область мысли, выдвинули и пытались разрешить проблему абстрактных идей. Зенон, основатель стоической школы, смотрел на чувства, как на источник знаний; но ощущение превращается в понятие — только после того как подвергнется ряду интеллектуальных превращений. Дикари и варвары, бывшие творцами латинского и греческого языков, очевидно, полагали, опережая в этом философов, что мысли происходят от ощущений; так по-гречески idea — физическая видимость предмета, — то, что действует на зрение — означает «идею», а по-латыни sapientia — вкус тела, то, что действует на нёбо — обозначает «разум» [16]).

---

[16]) Греки, очевидно, придавали большое значение чувству зрения, а латиняне — чувству вкуса; это доказывают следующие примеры:

Eidos (по-гречески) вид, физическая форма; eidolôn — образ, тень, призрак, идея;

Phantasia — вид, внешняя форма, и — образ, идея;

Gnôma — знак и мысль;

Gnômôn — угломер, солнечные часы; и — тот, кто знает, — ученый;

Noeô — видеть и — думать;

Saphés — ясный, очевидный, — то, что бросается в глаза;

Sophia — знание, мудрость.

Sapor (по-латыни) — чувство вкуса, ощущение вкуса, и разум;

Sapidus — вкусный, имеющий вкус, и — мудрый, добродетельный;

Sapiens — имеющий чувствительное нёбо, и — мудрый;

Sapio — иметь вкус, и — иметь разум, знать.

Напротив того, Платон думал, что идеи добра, истины, красоты были врожденными, неизменными, всеобщими: «душа шествуя по следам бога, пренебрегая тем, что мы неправильно называем существующим, подымая свои взоры к единому истинному Сущему, созерцала и вспоминала то, что она видела» (Федр). Равным образом выше всего человеческого Сократ ставил естественное право, законы которого почитаются всем миром, хотя они нигде не записаны и никогда не устанавливались по единогласному постановлению какого-либо собрания [17]).

Аристотель, повидимому, не имел такой сильной веры в естественное право и слегка над ним подсмеивался, уверяя, что оно не нарушается только богами; однакож, бессмертные олимпийцы поступали с этим естественным

Эта разница в чувственно-мозговых источниках идей характеризует эти два народа, которые играли такую большую историческую роль, один в развитии мысли и ее поэтических и пластических проявлений; другой — в разработке права, в жестокой переработке людей и наций в единую организацию античного мира.

Маленький ребенок и дикарь подносят ко рту предмет, с которым они хотят ознакомиться; химики делают то же самое; в египетских идеограммах — человек, подносящий ко рту руку, означает идею мысли.

Физиологи думают, что мысль начала действовать у животных с развитием глотательных восприятий, потому что у земноводных и пресмыкающихся зачаток мозговой коры лишь едва связан с глотательным аппаратом; и что только позднее, при установлении этих связей, прикрепляются другие аппараты чувств к оболочкам мозговых полушарий.

Нервные волокна человеческого зародыша покрываются миэлином не одновременно, но последовательно. Порядок появления миэлина об'ясняет порядок, согласно которому появляются различные нервные функции: из волокон, оканчивающихся в мозговой коре, те, которые образуют глотательную сеть, покрываются первые миэлином.

Эмбриология показывает нам, как строится умственная жизнь. Мозговые центры деятельности чувств начинают функционировать всегда раньше центров умственной деятельности; именно первые приносят сюда материалы и зажигают пламя.

Примечание: греческие слова в нашем издании—напечатаны латинскими буквами с целью облегчить чтение очерка товарищам, не знакомым с греческим алфавитом.

[17]) Одним из «неписанных законов» Сократа было всеобщее соглашение относительно запрещения половых сношений между отцом и матерью и их детьми. Ксенофонт, путешествовавший по Персии и знавший, что маги прибегают к этому кровосмешению, чтобы почтить божество и произвести на свет великого жреца, утверждал, что это противоречит естественному и божественному закону, потому что от такой связи рождаются болезненные дети; он сводит закон естественного права своего учителя Сократа к простому физиологическому закону, установленному опытом.

Сократ не захотел вспомнить, что Гезиод, сообщая религиозные легенды своего времени, дает в жены Урану его собственную мать

правом, как им заблагорассудится; их дела и поступки так грубо оскорбляли ходячую мораль смертных, что Пифагор осудил на адские муки души Гомера и Гезиода за то, что те осмелились рассказывать о них. Для Аристотеля «право» не имело характера всеобщности; по его мнению, оно может существовать только между равными; отец семейства, например, не может совершить несправедливости по отношению к своей жене, своим детям, своим рабам, по отношению ко всякому лицу, находящемуся в зависимости от него; он мог их карать, продавать, убивать, не превышая этим своих прав. Аристотель, как это обычно делается, приспособлял свое «право» к нравам своей эпохи; идея развития патриархальной семьи была ему недоступна, и он был принужден придать обычаям значение принципов права. Но он не придал праву характера всеобщности и непреложности, а приписал

Гею, древнейшую богиню, — «мать всех вещей», как говорит Гомер; в религиях Индии, Скандинавии, Египта тоже встречаются случаи кровосмешения среди богов: Брама женится на своей дочери Сарава­сте, Один — на своей дочери Фригге, а Аммон, — по берлинскому папирусу Анастасия, — хвастается тем, что он муж своей матери. Эти мифы, — а они встречаются во всех первобытных религиях, — имеют историческую ценность: легенды и религиозные обряды свидетельствуют об эпохах, давно преданных забвению. Библейский рассказ о жертвоприношении Авраама и христианское причастие, — эта символическая трапеза, при которой набожный католик вкушает своего бога, воплотившегося в человека, — являются отдаленнейшими отголосками человеческих жертвоприношений и каннибальских празднеств доисторических семитов. Создавая свои легенды, человек поступает так же, как при выработке своих идей: он пользуется материалом повседневной жизни. В течение веков явления, породившие их, преобразуются и исчезают, но легендарная или обрядовая форма, бывшая их интеллектуальным отображением, сохраняется; вопрос сводится только к тому, чтобы, истолковав их с достаточной проницательностью, вызвать обычаи прошлого, потерянного, казалось, навсегда.

Кровосмесительные обряды египетских жрецов и религиозные легенды народов столь различных рас заставляют однако же предполагать, что в отдаленную эпоху половые сношения между родителями и детьми были делом обычным; по этому поводу Энгельс замечает, что дикие племена, которым первым удалось искоренить эти обычаи, должны были по этому одному получить преимущество перед своими соперниками и должны были, следовательно, либо уничтожить этих последних, либо навязать им свои нравы. Поэтому более, чем вероятно, что запрещение этих кровосмесительных браков, наиболее общий из известных обычаев, — такой общий, что Сократ считал его одним из законов своего «естественного права», — не всегда господствовал и что, наоборот, эти половые сношения были, естественно, в ходу у людей, только что вышедших из животного состояния. Но опыт, доказавший дурные следствия этих браков, как полагал Ксенофонт, заставил запретить их. В свою очередь скотоводы должны были уничтожить их среди домашних животных, чтобы помешать их вырождению.

ему только относительную ценность и ограничил его действие кругом лиц, поставленных в равное положение.

Но как могло случиться, что его учитель Платон, — со своим проницательным умом, имея перед глазами те же обычаи и не предвидя их уничтожения, вводя в своей идеальной Республике рабство, — как могло случиться, что он не был того же мнения по вопросу об относительности справедливости? На основании одного слова, вырвавшегося у Аристотеля, принято утверждать, что Платон, подобно жрецам священных мистерий и большинству софистов, изложил в своих писаниях не всю философию, открыв ее полностью только небольшому кружку своих испытанных учеников: он будто бы был устрашен осуждением Сократа и опасностями, которым подвергся в Афинах Анаксагор, принесший туда из Ионии натурфилософию и только бегством спасшийся от смерти.

Это мнение подтверждается внимательным и сравнительным чтением Диалогов,— в них Платон очень часто издевается над своими читателями, как заметил это еще Гёте. Во всяком случае учитель Сократа и некоторые из его учеников имели очень слабое представление о непреложном значении справедливости. Архелай, заслуживший прозвище натуралиста (phusicos) и бывший учителем Сократа, отрицал естественное право и утверждал, что гражданские законы являются единственным основанием понятий о справедливом и несправедливом. Аристипп, бывший подобно Платону учеником Сократа, высказывал глубокое презрение к естественному праву и проповедывал, что мудрец должен стать выше гражданских законов и позволять себе все, что они запрещают,— если он может это сделать в полной безопасности. Действия, запрещаемые этими законами, являются дурными только по мнению толпы, придуманному для того, чтобы удержать в узде глупцов [18]). Платон, не имея смелости высказывать подобные учения, показал своим известным признанием педерастии, как мало он уважал законы естественного права. Эта противоестественная любовь, запретная для рабов, была привилегией свободных граждан и добродетельных мужей. В Республике (кн. V) Сократ делает ее одним из способов вознаграждения за воинское мужество.

---

[18]) Анархические воззрения Аристиппа и школы киренаиков повторялись несколько раз в течении истории. Христианские секты в течение первых веков нашей эры и во время средневековья, политические секты во время английской революции XVII века и французской революции XVIII века воскресили их, а в наши дни их исповедуют анархические секты. Социальная неустойчивость отражается в мозгу этим циническим пренебрежением к понятиям ходячей и условной морали.

Спор о происхождении идей разгорелся снова в XVII и XVIII веках в Англии и во Франции, — когда зашевелилась буржуазия, приготовляясь к захвату социальной диктатуры. Нет врожденных понятий! — провозгласили Дидро и энциклопедисты. Человек приходит в мир, как tabula rasa («чистая доска»), на которой предметы природы напечатлевают со временем свой отпечаток. Сенсуалистическая школа Кондильяка снова выдвинула знаменитую аксиому: ничто не существует в разуме, чего не было бы первоначально в чувствах. Бюффон советовал собирать факты, чтобы приобрести идеи, которые—не что иное, как результат сравнения ощущений или, лучше сказать, результат ассоциации ощущений.

Декарт возродил интроспективный метод и сократовское «познай самого себя»; он снова пустил в ход китайскую головоломку александрийской школы: дано «Я» — требуется найти бога. Декарт уединился в своем Я, чтобы познать вселенную, и из глубин своего Я почерпнул начало философии, в чем упрекал его Вико. Так Декарт, найдя в «своем Я, очищенном от усвоенных верований или, как говорят, предрассудков, порожденных с детства чувствами, и от всех истин, преподанных науками», — найдя идеи субстанции, причины и пр., признал их врожденными, а не приобретенными путем опыта. Они были, по выражению Канта, всеобщими и необходимыми понятиями, построениями чистого разума, об'ект которых не может быть доставлен опытом, но которые неопровержимо существуют в нашем разуме. Сознательно или бессознательно, мы в каждую данную минуту высказываем необходимые и всеобщие суждения. — В самом простом предложении заключаются начала субстанции, сущности, причины и бытия.

Локку и его последователям, утверждавшим, что идеи возникают посредством чувства, Лейбниц возразил, что действительно, ничто не существует в разуме, чего не было бы первоначально в чувствах, исключая самого разума. Идеи и понятия, по его мнению, возникают вместе с рождением человека в скрытом виде в его разуме, но проявляются они при воздействии внешних об'ектов. Разум предобразуется уже до начала личного опыта. Лейбниц сравнивал идеи и понятия, предшествующие опыту, с разноцветными жилками, испещряющими глыбу мрамора, которыми искусный скульптор пользуется для украшения статуи, высекаемой из него.

Гоббс еще до Локка сказал в своем трактате О человеческой природе, что «в душе нет понятий без предшествовавших ощущений», и что идеи рождаются из ощущений. В своем De Cive (О гражданине) Гоббс снова вы-

двинул положения Архелая, что для познания справедливого и несправедливого следует обратиться к гражданским законам. Именно эти законы указывают нам, что̀ именно следует «называть кражей, убийством, прелюбодеянием или что̀ такое оскорбление гражданина, ибо кражей следует считать не простое отнятие того, чем кто-нибудь владеет, но того, что потерпевшему принадлежит по праву. Равным образом дело закона указать, что̀ принадлежит нам, а что̀ принадлежит другому. Таким образом, следует считать убийством не всякое лишение жизни человека, но только такое, когда оно совершается над тем человеком, которого закон запрещает убивать. В свою очередь спать с женщиной не составляет прелюбодеяния, но иметь дело с женщиной, приближаться к которой запрещено законом, будет прелюбодеянием»[19]). Патриции Рима и Афин не совершали прелюбодеяния, вступая в половую связь с женами ремесленников,—in quas stuprum non comittitur (по отношению к ним нет непотребства), гласила грубая юридическая формула, — они были обречены служить об'ектом аристократического разврата. В наши дни англичанин, убивший жену на месте преступления, при совершении ею прелюбодеяния, — был бы без дальних разговоров повешен, как простой убийца. А во Франции он не только не подлежит наказанию, но становится героем, отмстившим за свою честь, скрытую под платьем его жены. «Течения реки, разделяющей две страны, достаточно для того, чтобы превратить преступление в добродетельный поступок»,—сказал еще до Паскаля скептик Монтэнь (Essais, кн. II, гл. XIII).

Локк утверждал, что идеи происходят из двух источников: ощущения и рефлексии. Кондильяк лишил, повидимому, доктрину английского философа одного из ее источников—рефлексии,—для того чтобы выдвинуть на первый план ощущение, превращающееся во внимание, сравнение, суждение, рассуждение и, наконец, в желание и волю. Его экс-ученик Мэнь-де-Биран[20]), вновь отказавшийся от ощуще-

---

[19]) Гоббс. — De Cive (О гражданине) перевод Сорбьера (Sorbière), Амстердам, 1649.

Гоббс в Левиафане снова выдвигает положение, которое он, повидимому, мог доверить только латинскому языку в De Cive: «желания и страсти не являются сами по себе грехами», говорит он, «так же, как действия, вытекающие из этих страстей, не являются проступками до тех пор, пока закон их не запрещает».

[20]) Интеллектуальная эволюция Мэнь-де-Бирана очень показательна; она позволяет констатировать у самого замечательного французского философа начала XIX столетия резкий и крутой поворот буржуазной мысли, как только некогда революционный класс — буржуазия стала правящим и поэтому консервативным классом.

Де-Биран — в рукописи 1794 г., опубликованной после его смерти в 1824 г., — провозглашает, что Бэкон и Локк основали науку

ния и вернувший предпочтение методу Декарта, — который извлекал все из своего Я, как из какого-нибудь кладезя, — нашел в разуме исходную точку для идей. Понятия причины и субстанции, — говорил Биран, — предшествуют в нашем уме двум заключающимся в нем началам. Мы мыслим сначала эти идеи в нас самих, признавая, что мы сами являемся их причиной и субстанцией; раз только эта мысль усвоена, мы путем индукции переносим их за пределы нашего Я и признаем наличность причин и субстанций везде, где имеются явления и свойства. Начало причины и субстанции, следова-

---

философии и что Кондильяк «указал ей ее пределы» и рассеял навсегда «те мечтания, которые выдавали за метафизику».

Национальный институт, в котором господствовал сенсуализм Кондильяка, удостоил в нивозе IX г. (1801 г.) премии этюд Бирана—Влияние привычки на способность мыслить (L'influence de l'habitude sur la faculté de penser), представленный им на конкурс. Биран выставил в нем в качестве аксиомы положение, что «способность чувствовать является началом всех способностей» и намеревался приложить к изучению человека метод Бэкона и осветить метафизику с помощью физических методов. Жерандо, вынужденный тоже впоследствии отречься от Кондильяка и его философии, утверждал в мемуаре — Влияние знаков на способность мыслить L'influence des signes sur la faculté de penser), удостоенном институтом премии в 1800 г., утверждал, что «доктрина Кондильяка была своего рода последним словом человеческого разума среди тех учений, которыми этот разум больше всего интересуется».

В 1805 г. Институт удостоил премии новое сочинение Бирана — Разложение мысли (La Décompsition de la pensée). Политическая сцена преобразилась: победоносная буржуазия была занята тем, чтобы снова принять и завербовать на свою службу католическую религию, осмеянную, развенчанную и растоптанную ею, когда эта религия осталась «одной прислугой» у ее соперницы — аристократии. В то время, как политические деятели перенимали репрессивные меры старого режима и усиливали их,—философия занялась очищением интеллектуальной почвы от «аналитической» и разрушительной философии энциклопедистов. Институт, увенчавший сочинения Бирана, и этот последний, написавший его, — оба добросовестно выполняли задачу, возложенную на них новыми общественными условиями. Сочинения Бирана указывают то, что было иллюзорного в мнимом анализе Кондильяка и в его учении об ощущении, превращающемся в суждение и волю, отмечая при этом, что в учении Кондильяка не были указаны принципы этого превращения. Метод Бэкона, несвоевременно приложенный к изучению мыслящего существа, он делает ответственным за заблуждения философии XVIII столетия и восстает против всякого сопоставления физических явлений, воспринимаемых чувствами, с внутренними процессами. — Софисты заменили философов.

Сам Кабанис, умерший в 1808 г., имел однако же время изменить свои убеждения. В своей знаменитой работе: Les Rapports du Physique et du Moral de l'Homme (Отношения между физикой и моралью человека), появившейся в 1802 г., он писал: «Медицина и мораль покоятся на общем основании, на знании человеческой природы... Источник морали находится в организме человека...

тельно, сводится к тому, чтобы быть только явлением или скорее фикцией нашего ума, — как говорил Юм. Интроспективный метод Декарта и Сократа, которым так легко злоупотребляли буржуазные спиритуалисты, привел, с одной стороны, к скептицизму, с другой — к бессилию, ибо, — как сказал Маудсли, — «пытаться осветить глубину психологической деятельности при помощи индивидуального сознания — это то же, что хотеть осветить одной спичкой вселенную».

Окончательная победа буржуазии в Англии и Франции произвела полный переворот в философской мысли: теории

Еслиб Кондильяк знал устройство животных, он понял бы, что душа есть только способность, а не сущность. Нужно рассматривать мозг, как особый орган, предназначенный специально для процесса мысли, как желудок и кишки предназначены для пищеварения. Впечатления являются пищей для мозга... они проникают в мозг и приводят его в действие... они проникают в него по одиночке, без всякой связи, но мозг приходит в действие, реагирует на них и выбрасывает их в виде идей»... Кабанис, написавший эти материалистические ужасы, провозгласил в своем Письме к Фориелю о первичных причинах (Lettre à Fauriel sur les causes premières), опубликованном, шестнадцать лет спустя после его смерти, провозгласил существование бога—«этого распорядительного разума мира»—и бессмертие души, опираясь на «сохранение Я» после смерти. Фориель обратил Кабаниса, как Фонтан превратил слегка красного и атеистично настроенного Шатобриана времен Очерков французских революций (Essais sur les Révolutions, 1797 г.) в Шатобриана мистагога времен Гения христианства (La Génie du Christianisme, 1802 г.). Тогда существовала небольшая, но влиятельная в прессе и правительственных сферах, клика лиц, занявшихся обращением отступников. Они предприняли дело возвращения к священным теориям заблудшихся литераторов и философов.

Не стоит терять времени на обвинение людей в измене и отречении от своего прошлого,—людей, прошедших через революцию и отвернувшихся от нее. Эти замечательные люди предпочли бы, быть может, сохранить свои политические и философские взгляды, которые выдвинули их на заре их жизни в первые ряды: но им пришлось пожертвовать своими убеждениями, чтобы сохранить себе средства к существованию и приобретенное уже положение, чтобы завоевать себе милость умудренной буржуазии. Они заменили свои взгляды в политике и философии взглядами, более подходящими к их материальным интересам и духовным нуждам. Впрочем, они были буржуа; подвергаясь влиянию окружающей их социальной среды, они эволюционировали со своим классом и могли безболезненно сбросить свою кожу. Дело, следовательно, не в моральном негодовании, а в исследовании и анализе общественных причин, вызвавших у них поворот в политических убеждениях и интеллектуальное извращение. — В истории найдется не много моментов, которые дали бы лучшую возможность, чем первые годы XIX века, уловить прямое воздействие общественных событий на мысль. Эта эпоха тем более характерна, что именно тогда-то получили свою формулировку почти все экономические, политические, философские, религиозные, литературные и художественные теории, которые и образовали большую часть интеллектуального багажа нового правящего класса, — буржуазии.

Гоббса, Локка и Кондильяка, занимавшие такое почетное положение, были низложены; их не удостоивали даже опровержения и приводили их только с искажением и передержками, как пример заблуждений, в которые впадает человеческий ум, оставляющий пути господни. Реакция зашла так далеко, что при Карле X (1824—1830) даже философия софистов спиритуализма была взята под подозрение; были сделаны попытки запретить ее преподавание в школах [21]). Торжествующая буржуазия восстановила на престоле своего Разума вечные истины и самый вульгарный спиритуализм. Справедливость, доведенная философами Греции, Англии и Франции до разумных пределов, приспособленная ими к условиям социальной среды, в которой она проявляется, — становится вечным, непреложным и всеобщим принципом. «Справедливость, — воскликнул один из наиболее академичных софистов буржуазной философии, — неизменна и вечна, хотя она лишь постепенно проникает в человеческую мысль и в общественную жизнь. Границы ее поля действия постоянно расширяются и никогда не суживаются; никакое человеческое могущество не может заставить ее покинуть захваченную область».

Энциклопедисты с революционным энтузиазмом бросились исследовать происхождение идей; они надеялись отыскать это происхождение в уме детей и дикарей [22]). Новая философия с презрением отвергла эти исследования, способные привести к опасным результатам. «Устраним прежде всего вопрос о происхождении»,—воскликнул Кузен, учитель софистики, в своем словопрении об истине, добре и красоте.— «Философия последнего века была слишком снисходительна к вопросам этого рода. Как можно просить света у сумерек и об'яснения действительности у гипотезы? Зачем восходить к воображаемому первобытному состоянию, чтобы дать себе отчет в настоящем состоянии, которое можно изучить в нем самом?

---

[21]) «В эти последние годы, — писал в 1828 г. один профессор философии, — власть привела изучение философии почти что ко временам схоластики... Было приказано, чтобы уроки велись на латинском языке и в форме античной аргументации; этот приказ был полностью выполнен в большинстве наших школ... С одного конца Франции до другого философствуют по-латыни с церемониалом и этикетом старинного силлогизма. И о чем философствуют? О тезисах школы и об'ектах, им соответствующих, т. е. аргументируют по поводу логики, метафизики и морали». — Essai sur l'Histoire de la Philosophie en France au dix-neuviéme siècle—Опыт истории философии во Франции в XIX веке.— Ф. Дамирена, профессора философии в коллеж. де Бурбон, Париж 1828 г.

[22]) La Société des observateurs de l'homme—Общество наблюдателей человека,—в котором принимали участие Кювье, психиатр Пинель, философ Жерандо, юрист Порталис

Зачем исследовать в зародыше то, что можно увидеть и что следует познать в законченном и совершенном виде?.. Мы безусловно отрицаем необходимость изучать человеческую природу в пресловутом дикаре Аверона, или в дикарях с австралийских островов, или с американского материка... Человек в истинном значении этого слова — совершенство своего рода; истинная человеческая природа — это человеческая природа, достигшая своего развития точно так же, как истинное общество — это тоже общество совершенное... Отвратим взоры от ребенка и дикаря, чтобы перенести их на человека, ныне живущего, человека реального и законченного». (XV и XVI лекции). «Я» Сократа и Декарта должно было неизбежно привести к поклонению буржуа — как человеку, в своем роде совершенному, реальному, законченному типу человеческой природы, достигшей своего полного развития; оно должно было неизбежно привести к освящению буржуазного общества — как совершенного социального порядка, основанного на вечных и неизменных принципах добра и справедливости.

II

Образование инстинкта и абстрактных идей

К инстинкту животных можно приложить то, что философы называют врожденными идеями. Животные рождаются с органическим предрасположением,— с интеллектуальным предобразованием, как говорит Лейбниц,— позволяющим им без предварительного прохождения какой бы то ни было школы опыта произвольно выполнять самые сложные акты, необходимые для их индивидуального сохранения и для размножения своего вида. Это «предобразование» нигде так поразительно не проявляется, как у насекомых, развивающихся путем метаморфоза—превращения (бабочки,

---

и др., назначило в прериале VIII года (1800) премию в 600 франков за следующую работу: «установить путем ежедневного наблюдения над одним или несколькими грудными детьми порядок развития физических, умственных и моральных способностей, а также в какой степени этому развитию способствует или препятствует влияние предметов и лиц, окружающих ребенка».

В том же заседании, — как сообщает отчет в Décade philosophique (Философская декада—журнал) от 30 прериаля,—Жерандо прочитал свои соображения о методе, которому надо следовать в наблюдениях над дикими народами. Другой член делал сообщение о детстве некоего Масьё, глухонемого от рождения.

Общество очень интересовалось наблюдением над дикарем с острова Аверона, привезенном в Париж в конце VIII года. Три охотника нашли его в лесу, где он жил, голый, питаясь желудями и корнями; на вид ему было двенадцать лет.

майский жук и т. п.). По мере своих превращений они приспособляются к различного рода жизни в строгом соответствии с каждой новой формой, принимаемой ими. Себастьен Мерсье был вполне прав, утверждая, что «инстинкт есть врожденная идея» [23]). Спиритуалисты, не имевшие понятия о том, что инстинкт может быть результатом длительного приспособления какого-нибудь вида животного к условиям своей естественной среды, смело заключали, что инстинкт есть дар божий. — Человек никогда не колеблется об'явить ускользающие от него причины явлений, как нечто, находящееся за пределами человеческого понимания.

---

[23]) Седьмого нивоза VIII года (1800) Себастьен Мерсье прочитал в Париже, вышедшем из состояния революции, первую публичную лекцию о врожденных идеях с целью «свергнуть Кондильяка, Локка и их метафизику». Первое пробуждение спиритуалистической философии, уже с полвека сошедшей совершенно со сцены, приписывается Рувье-Коллару. Эта честь, — если в этом есть честь, — принадлежит скорее Мерсье, этому неуравновешенному уму, противополагавшему Канта энциклопедистам и нашумевшему своим намерением опровергнуть Ньютона — «этого анатома света, который не мог выдумать ничего смешнее, как заставить землю как индюшку вращаться вокруг солнечного фокуса». — Буржуазный спиритуализм не мог иметь во Франции более достойного воспреемника.

Лекции Мерсье произвели сенсацию; на них присутствовала многочисленная публика. «Философская декада» от 10 флориала дает отчет о лекции о врожденных идеях: «Я их признаю, — воскликнул Себастьен Мерсье в начале лекции, — и я повинуюсь в этом моему внутреннему разуму... Человек мыслит независимо от предметов и чувств... Врожденные идеи об'ясняют все. Картина идей какого-нибудь человека явила бы картину божественных истин... Инстинкт есть врожденная идея»...

Мерсье имел предшественником знаменитый декрет Робеспьера, который восстановил бога в его правах, как какого-нибудь простого уволенного за штат полицейского чиновника.

Статья первая этого декрета: — «Французский народ признает существование Высшего Существа и бессмертие души».

Статья вторая: — «Для того, чтобы сосредоточить человеческую мысль на божестве и на высоком значении человеческого бытия, будут учреждены праздники».

Гимн, пропетый на празднике реставрации высшего существа после речи Робеспьера, предсказал конец атеизму:

Où sont—ils ceux qui t'osaient menacer?
Qui, sous le manteau du civisme,
Vils professeurs de l'athéisme,
Du coeur de l'homme espéraient t'effacer!
. . . . . .
Pensaient—ils donc . . . . . .
Qu'en revenant à la nature
De la nature on oublierait l'auteur?

(Где те, что смели тебе угрожать? Те кто, прикрываясь плащом гражданственности, надеялись — гнусные проповедники атеизма — изгнать тебя из человеческого сердца!...

Думали ли они... что возвращаясь к природе, можно забыть ее творца?).

Но инстинкт не является, — подобно справедливости софистов спиритуализма,— неизменной способностью, недоступной никакому уклонению, никакому изменению. Домашние животные, в большей или меньшей степени, изменили свои инстинкты, дарованные богом по его неисчерпаемой доброте к их диким предкам. Куры и утки наших птичьих дворов почти совершенно утратили инстинкт полета; он стал для них бесполезным в искусственной среде, в которой держит их человек на протяжении многих веков. Инстинкт водяных птиц изгладился у цейлонских уток до такой степени, что их надо толкать, чтобы заставить войти в воду. Различные породы кур (les Houdan, les La Fléche, les Campine etc) лишились могущественного инстинкта материнства: они великолепно несутся, но никогда не стремятся стать наседкой. После того, как в некоторых местах Германии телят, на протяжении нескольких поколений, отбирали от их маток с момента их рождения, — у коров было замечено значительное ослабление материнского инстинкта. Жерар полагает, что одной из главных причин материнского инстинкта у млекопитающих была потребность освободиться от молока, вызывавшего набухание сосцов [24]). Другой натуралист доказывает, что инстинкт устройства гнезда у колюшки следует приписать не богу, но временному воспалению почек, которым страдают эти рыбы во время полового возбуждения.

Для уничтожения инстинкта, даже наиболее укоренившегося, не требуется долгого времени. Романэс сообщает случай с курицей, которую предварительно заставили в течение трех раз под ряд высиживать на утиных яйцах; она сознательно толкала в воду уже настоящих цыплят, которых ей позволили высидеть. Человек произвел переворот в инстинктах собачьей породы: сообразно своим потребностям он прививает собаке новые инстинкты и подавляет старые. Собака в диком состоянии не лает, собаки дикарей молчаливы; это цивилизованный человек привил собаке инстинкт лая и затем уничтожил его у собак некоторых пород. Гончая собака при встрече с дичью устремляется на нее, подавая при этом голос, между тем как вид дичи делает лягавую собаку немой и пригвождает ее к месту. Если лягавая собака хорошей породы,

---

[24]) Приложение к Фигаро от 18 января 1880 г. воспроизводит по письмам одного миссионера наивные причитания одной индианки из Эквадора над трупом ее новорожденного, хорошо характеризующие роль молока в первобытной материнской любви: «О мой господин, о сын моего чрева, мой батюшка, моя любовь, почему ты меня покинул? Для тебя ежедневно наполнялась теплым и сладким молоком эта грудь, которой ты любил играть! Неблагодарный, разве я хоть один единственный раз забыла при пробуждении твоем наклониться над тобой, чтобы покормить тебя? Ах, горе мне! У меня нет никого, кто освободил бы мою стесненную молоком грудь!».

то она не нуждается в воспитании для проявления этого инстинкта, сравнительно недавно приобретенного; молодые собаки, охотящиеся в первый раз, останавливаются немые и неподвижные без разбору перед камнями, баранами и пр. — Склонность укоренилась в мозгу, но она слепа и требует специального направления. Так как для изменения и подавления инстинктов у какого-нибудь животного и для развития в нем новых — нужно только поставить животное в новые условия существования, то, следовательно, инстинкт диких животных есть не что иное, как следствие их приспособления к условиям естественной среды, в которых они живут. Инстинкт создается не сразу, он постепенно развивается у животных под действием и воздействием внешних и внутренних явлений; эти явления существуют, действие их неизбежно, хотя они могут остаться неизвестными и самому животному.

На себе самом человек может изучить образование инстинкта. Он не может научиться чему-либо, умственно или телесно, без известного мозгового напряжения, которое ослабевает по мере усвоения человеком об'екта изучения. Когда кто-нибудь, например, начинает учиться игре на рояли, ему приходится внимательно следить за движением рук и пальцев, чтобы ударить ту именно клавишу, которую он хочет ударить; привыкнув, он начинает ударять машинально, не глядя на клавиши и думая при этом о других вещах. Равным образом при изучении иностранного языка необходимо постоянно напрягать свое внимание — при выборе слов, предлогов, окончаний, прилагательных, глаголов и т. д.; все это позднее, когда освоишься с языком, вспыхивает в памяти инстинктивно. — Мозг и тело человека и животного обладают свойством превращать в автоматические поступки то, что было первоначально вызвано желанием, сознанием и что являлось результатом напряженного внимания. Человек не был бы способен к физическому и интеллектуальному воспитанию, не обладай он этим свойством автоматических действий. Если бы он был принужден постоянно следить за своими движениями при разговоре, ходьбе, еде и т. п., — он был бы обречен на вечное детство. Воспитание учит его обходиться без разума; оно имеет тенденцию превратить его во все более и более сложную машину: заключение прямо парадоксальное.

Мозг взрослого человека более или менее автоматизирован сообразно со степенью его личного воспитания и высотой общественной культуры. Элементарные абстрактные представления — о причине, субстанции, бытии, числе, справедливости и т. п. — являются для него чем-то таким же врожденным, и инстинктивным, как питье, еда; человек утратил всякое воспоминание о том, как он их приобрел, ибо цивилизованный человек, подобно лягавой собаке, наследует при рождении тради-

ционную привычку приобретать эти представления при первой возможности. Но эта тенденция приобретать их есть последствие накопленного в течение тысячелетий опыта его предков. Думать, что абстрактные идеи зарождались самопроизвольно в человеческой голове, было бы так же смешно, как полагать, что самый совершенный тип велосипеда или какой-нибудь другой машины был построен с первого раза. Абстрактные идеи, как и инстинкт животных, образовались у особи и у вида постепенно. Чтобы проследить их источники, следует не только проанализировать способ мышления у взрослого цивилизованного человека, как сделал это Декарт. Нужно еще, как хотели этого энциклопедисты, обратиться к разуму детей и подняться вверх по течению веков, чтобы изучить разум варвара и дикаря, подобно тому, как приходится это делать при желании найти происхождение наших политических и социальных учреждений, наших искусств и наших знаний [25]).

Сенсуалисты минувшего столетия, считая мозг «чистой доской» — что было радикальным способом возобновить «очищение» Декарта, — пренебрегли тем фактом капитальной важности, что мозг цивилизованных людей — это поле, обрабатывающееся на протяжении веков и обсемененное тысячью поколений представлениями и идеями, и что, согласно точному выражению Лейбница, мозг «предобразуется» еще до начала личного опыта. Необходимо допустить, что мозг обладает таким расположением молекул, которое предназначено для порождения значительного числа идей и представлений. Только такое предположение допускает об'яснение того, что необыкновенные люди, вроде Паскаля, могли открыть сами по себе ряд абстрактных идей; таковы же теоремы первой книги геометрии Эвклида, — они могли быть выработаны только долгим рядом мыслителей. Во всяком случае, мозг обладает такой способностью к приобретению некоторых элементарных понятий и идей, что он даже не замечает факта их приобретения. Мозг не ограничивается одним получением впечатлений, пришедших извне при посредстве чувств. Он сам совершает молекулярную работу, которую английские физиологи называют бессознательной мозговой деятельностью, помога-

---

[25]) Древние не боялись обращаться к животным, чтобы открыть происхождение некоторых наших познаний. Так, приписывая всецело богам происхождение медицины, они признают, что многие лекарства и мелкие хирургические операции обязаны своим происхождением животным. Плиний Старший сообщает в своей Естественной истории, что дикие козы Крита научили людей употреблению некоторых целительных трав, собака научила употреблению порея, и что египтяне приписывали открытие слабительного собаке, кровопускания — гиппопотаму, а промывания — ибису.

ющей ему дополнять свои приобретения, и даже делать новые, не прибегая к помощи опыта.— Школьники извлекают из этой драгоценной способности пользу: они не вполне твердо заучивают свои уроки перед сном, предоставляя последнему заботу об укреплении их в памяти.

Впрочем, мозг полон тайн; это terra ignota — неведомая страна, которую физиологи только начинают исследовать. Он, несомненно, обладает способностями, не находящими себе часто применения в той среде, в которой развивается индивид и его раса. Эти дремлющие в нем способности не могут быть следствием прямого действия внешней среды на мозг, но следствием действия этой среды на другие органы, в свою очередь воздействующие на нервные центры.— Возможно, что какое-нибудь изменение или новое приспособление лапы, глаза или всякого другого органа, производит действие на мозг, увеличивая его общую массу и усложняя его организацию. Натуралисты придают огромное значение изменению лап древесных обезьян, превратившихся из лазающих в обезьян, способных ходить выпрямившись: это было начальным этапом genus homo, — человеческого рода. Нельзя отрицать того, что превращение лапы в руку, в орган, служащий исключительно для того, чтобы хватать, и употребление оружия и орудий — были самыми действительными причинами интеллектуального развития человеческого вида. Тело животного представляет собою единое целое, ни одна часть которого не может измениться без того, чтобы не повлечь за собою изменение других частей организма. Гете называл это явление «равновесием органов».

Вот несколько примеров, которым нельзя дать иного об'яснения. Трубач, представитель куриной породы в Южной Америке, пойманный в диком состоянии и пущенный на птичий двор, берет на себя надзор за этим двором, заставляя кур, уток и даже индюшек, более крупных и сильных, чем он сам, повиноваться себе; он наблюдает за ними, когда им кидают корм, не позволяет им драться и удаляться от курятника; присутствует утром при том, как их выпускают, и вечером, когда их загоняют обратно. Каким образом ему удалось развить этот инстинкт в диком состоянии? А если он его не развивает, то каким образом существует этот инстинкт? Как он существует, раз он находит себе применение только в прирученном состоянии?

Дикари и варвары способны к гораздо большей интеллектуальной деятельности, чем та, которую они выполняют в своей повседневной жизни. На протяжении столетий европейцы перевозили с берегов Африки в свои колонии тысячи негров, — дикарей и варваров, отделенных от цивилизации веками культуры; однако ж по истечении короткого проме-

жутка времени они освоились с работами цивилизованных народов. Когда иезуиты приступили в Парагвае к воспитанию гуаранисов, те еще бродили голыми в лесах; оружием им служили только лук и дубинка; они не имели понятия о культуре кукурузы; их интеллект был еще в таком зачаточном состоянии, что они не умели считать дальше 20, причем должны были для этого пользоваться пальцами рук и ног; и, однако, иезуиты сделали из этих дикарей искусных работников, способных к трудным работам, как изготовление сложных инструментов, глобусов, декоративная скульптура, живопись и т. п. Эти ремесла и эти искусства, вместе с соответствующими им идеями, не были свойственны от природы рукам и умам гуаранисов; они были, так сказать, внесены в них иезуитами, вроде того, как вставляются новые песни в шарманку. Если мозг гуаранисов не был способен открыть их по своей собственной инициативе, то он, по крайней мере, был чудесно предрасположен или,— как говорит Лейбниц,— предобразован к их приобретению.

Равным образом достоверно, что дикари чужды абстрактным представлениям цивилизованных, как и их искусствам и ремеслам; это доказывается отсутствием в их языке выражений для общих идей. Каким образом проскользнули в человеческий мозг абстрактные представления и понятия, являющиеся для цивилизованного человека такими обыкновенными? Для того, чтобы решить этот вопрос, необходимо пуститься вместе с энциклопедистами в путь, указанный Вико, изучать дикарей и детей, исследовать язык, — самый важный, если не первый способ проявления чувств и понятий [26]); язык играет такую значительную роль, что христиане первых веков, повторяя идеи первобытных людей, говорили: «слово есть бог», греки обозначали тем же термином — logos — и слово и мысль; от глагола phrazo (говорить) они производили phrazomai, говорить себе самому, — думать. И действительно, наиболее абстрактный ум не может мыслить, не прибегая к помощи слов, не разговаривая мысленно, если не вслух, как делают это дети и многие из взрослых, бормочащие то, что они думают. Язык занимает слишком большое место в развитии интеллекта, чтобы этимологическое образование слов и их последовательные значения не отражали на себе условий жизни и умственного состояния людей, создавших и употребляющих их.

---

[26]) Вико в своем небольшом произведении: Antique Sagesse de l'Italie — Античная мудрость Италии — говорит: «Я решил отыскать в источниках латинского языка античную мудрость Италии... Мы узнаем из самого происхождения слов, какова была ее философия».

«Все проходит через слова, — говорит мадам де-Сталь, — и все отыскивается в них, если уметь их разобрать».

Прежде всего поражает один факт: очень часто одно и то же слово употребляется для обозначения и абстрактной идеи и конкретного об'екта. Слова, означающие в европейских языках материальные блага или прямую линию, выражают также добро в моральном смысле, или право и справедливость:

Ta agatha (по-гречески) — блага-богатство; to agathon — добро.

Bona (по-латыни) — блага-имущество, bonum — добро.

Goods (по-английски) — товары, блага, the good — добро и т. д.

Orthos (по-гречески), rectum (по-латыни), derecho (по-испански), right (по-английски) и т. д. выражают то, что находится на прямой линии, а также—право, справедливость.

Вот еще несколько примеров, выбранных из греческого языка: kalon — стрела, дротик, а также — добро, добродетель; phren — сердце, внутренности и—разум, воля; kakos—человек плебейского происхождения и — негодяй, злой, безобразный; kakon—зло, порок и—преступление. Слово kakos служит для образования целого ряда выражений, употребляемых для обозначения всего грязного и дурного: kakké—испражнения, kakkoô — испражняться; kakkia — порок, низость; kakkotheos — нечестивый; kakkôphonia — неблагозвучность и т. д...

Это — факт, достойный внимания, хотя его мало замечают; то же происходит с повседневными явлениями: именно потому, что они колют глаза, их не видят. И стоит задуматься над тем, каким же образом язык толпы и язык философов и юристов мог об'единить в одном слове материальное и идеальное, конкретное и абстрактное? Прежде всего, возникают два вопроса: абстрактное ли и идеальное опустилось до конкретного, до материального, или наоборот — материальное и конкретное превратилось в идеальное и абстрактное? — Каким образом произошло это претворение?

История последовательного развития значения слов разрешает первое затруднение; она показывает нам, что конкретное значение предшествует всегда значению абстрактному.

Aissa (по-гречески) — слово, употреблявшееся сначала, как доля, часть, приходящаяся кому-нибудь при разделе, под конец обозначает — решение судьбы.

Moira обозначает сначала — часть трапезы, предлагаемую гостю, долю воина при дележе добычи, потом—участь и, наконец, богиню судьбы, которой «боги и смертные равно подчинены».

Nomos — употребляется вначале для обозначения пастбища, а под конец — означает — закон.

Связь, соединяющая абстрактный смысл со смыслом конкретным, не всегда очевидна; так, очень трудно понять

с первого раза, каким образом человеческий ум мог связать пастбище с абстрактной идеей закона, прямую линию с идеей справедливости, долю приглашенного на пир гостя с непреложной судьбой. Я покажу связи, соединяющие эти различные значения в очерке о происхождении идеи справедливости и добра — для данного момента имеет значение лишь указание самого факта.

Человеческий ум применяет в работе обыкновенно один и тот же метод, несмотря на разницу в об'ектах, над которыми ему приходится оперировать; например, путь, которым он следует при превращении звуков в гласные и согласные, тот же, которым он следовал для того, чтобы возвысить конкретное до абстрактного. Происхождение букв казалось епископу Маллинкро таким таинственным, что для успокоения своего ума, он приписал — в своем сочинении De arte typographica — Искусство печати — их изобретение богу, ставшему уже однажды ответственным автором инстинкта и врожденных идей. Но исследования филологов сорвали, одно за другим, покрывала, окутывавшие тайну алфавита; они доказали, что буквы не упали с неба в готовом виде, но что человек лишь постепенно пришел к изображению звуков согласными и гласными буквами. Я укажу здесь первые пройденные этапы, полезные для моей аргументации.

Человек начинает с изобразительного письма; он представляет предмет в виде изображения: собаку представляет рисунком собаки. Затем он переходит к символическому письму и целое представляет лишь одной какой-нибудь частью его: целое животное — головой его. Затем он возвышается до метафорического письма, — он дает изображение предмета, имеющего действительное или предполагаемое сходство с выражаемой идеей: переднюю часть льва для обозначения идеи первенства, руку до локтя — для обозначения справедливости и истины, грифа — для обозначения материнства и т. д... Первый опыт звукописи производился с помощью ребусов; звук представляли в виде предмета, имеющего тот же звук. Египтяне, у которых хвост свиньи назывался deb, изображали звук deb рисунком свиного хвоста, загнутого колечком. Затем известное число изображений, более или менее измененных, удерживается уже не для фонетического значения нескольких слогов, но для значения начального слога и т. д., и т. д. [27]).

Письмо должно было неизбежно пройти этап метафоры, потому что первобытный человек думает и говорит метафорами. Американский краснокожий, желая сказать: мужествен-

---

[27]) Ф. Ленорман. Essai sur la Propagation de l'Alphabet phénicien parmi les Peuples de l'ancien Monde. — Очерк распространения финикийской азбуки среди народов древнего мира.

ный воин, говорит: он подобен льву; человек с проницательным взором — подобен орлу; чтобы подтвердить забвение им обиды, он об'являет, что зарывает ее в землю и т. д. Мы порою не в состоянии разобрать этих метафор; точно так же трудно понять, каким образом египтяне пришли к изображению в своих иероглифах справедливости и истины в виде локтя, а материнства в виде грифа. Я сейчас разберу метафору грифа, дальше об'ясню метафору локтя.

Матриархальная семья была в Египте необыкновенно долговечна; в ее религиозных мифах можно констатировать многочисленные следы антагонизма двух полов, борющихся, один — за сохранение своего высокого положения в семье, другой за лишение первого этого положения. Египтянин, подобно Аполлону в Эвменидах Эсхила, провозглашает, что именно мужчина выполняет главную функцию в акте воспроизведения рода, а что женщина «подобно оболочке плода только получает и питает свой зародыш»; египетская женщина возвращала ему этот комплимент и хвасталась тем, что может зачать без содействия мужчины. Статуя Нейфы, богини матери — «царицы небесной» — дала, по словам Плутарха, Саису эту вызывающую надпись: «Я—все то, что было, что есть и что будет; никто не поднимал моего платья; солнце—плод, рожденный мной». Ее имя между прочими начертаниями обозначалось, в качестве эмблемы, грифом и первой буквой слова — мать (mou) [28]). Иероглифы же Гораполлона сообщают нам: египтяне полагали, что у грифов нет самцов, а самки оплодотворяются ветром. Египтяне приписывали этой птице, считавшейся во всех других местах свирепой и ненасытной, такую крайнюю материнскую нежность, что она раздирала себе грудь, чтобы накормить своих птенцов. Таким образом, сделав грифа, — благодаря его странной способности воспроизведения рода, — птицей Нейфы, богини-матери, которая в свою очередь рождает без содействия мужчины, — египтяне сделали эту птицу символом матери, а затем и эмблемой материнства.

Этот характерный пример дает нам понятие о тех поворотах и изгибах, которыми идет человеческий ум, чтобы представить свои абстрактные идеи в образе конкретных об'ектов.

Если в метафорическом и эмблематическом письме изображение какого-нибудь материального об'екта становится символом какой-нибудь абстрактной идеи, то следует понимать, что слово, созданное для обозначения об'екта или одного из его свойств, стало в конце концов служить для обозначения абстрактной идеи.

---

[28]) Шампольльон Младший, — Египетский Пантеон. Pantheon Egyptien, 1825.

В голове ребенка и дикаря,—этого «дитяти человеческого рода», по выражению Вико, — существуют только образы данных об'ектов; когда ребенок говорит «кукла», то он под этим подразумевает не какую-нибудь куклу, но известную ему куклу,—ту, которую он держал в своих руках или которую ему уже показывали; если ему дадут другую, то он иногда оттолкнет ее с гневом. Точно также, каждое слово представляет для него имя собственное, символ об'екта, с которым он вошел в соприкосновение. В его языке, как и в языке дикаря, нет родовых слов, обнимающих группу об'ектов одной и той же природы, но имеется только ряд имен собственных; в языке дикарей нет также слов для общих понятий, например, «человек», «тело» и т. д., и для абстрактных идей времени, причины и т. п. В некоторых языках нет глагола «быть». У туземцев Тасмании было изобилие слов для обозначения каждого дерева различного вида, но не было слова для «дерева» вообще. У малайцев нет слова «краска», хотя имеются названия для каждой краски в отдельности. У абипонов нет слова — человек, тело, время и т. д., и нет глагола — быть; они не говорят: Я — абипон, но «я, абипон» [29]).

Но мало по малу дитя и первобытный человек переносят имя и понятие с лиц и вещей, первоначально ставших им известными, — на лица и вещи, имеющие сходство, действительное или кажущееся, с первыми; они вырабатывают, таким образом, путем аналогий и сравнений, общие абстрактные идеи, обнимающие более или менее обширные группы об'ектов; иногда имя собственное становится символическим выражением абстрактной идеи, представляющей группу об'ектов, аналогичных тому об'екту, для которого было сочинено данное слово. Платон утверждает, что общие идеи, — полученные

---

[29]) Идея времени очень медленно проникала в человеческий мозг. Вико замечает, что современные ему флорентийские крестьяне говорили: «столько-то урожаев» вместо столько-то лет. «Латиняне говорили вместо «столько-то лет» «столько-то колосьев» (aristas), — выражение еще более частное, чем жатва. Это выражение указывало только на бедность языка (и мысли, мог бы он прибавить), грамматики же видели в нем художественный образ». Представление о годе, как о солнечном обороте, человек получил после представления о временах года и лунном обороте. Плиний Старший говорит, что «лето считалось одним годом, зима — другим. Жители Аркадии, у которых год продолжался три месяца, измеряли год числом времен года, а египтяне — числом лун; вот почему многие из них — приводятся, как пример тысячелетней жизни».

Примечание ред. Разница между выражениями: «я—абипон» и «я, абипон», незаметная для русского произношения, в котором настоящее время глагола «быть» — «я есмь» опускается; но эта разница имеет значение для разговора на других языках, в которых этот глагол в настоящем времени является необходимой частью предложения (французский, немецкий, английский и другие языки).

таким способом и отображающие сходные черты группы об'ектов безотносительно к их индивидуальным различиям,—представляют собою «сущности божественного происхождения». Сократ в X томе Республики говорит, что «идея кровати» есть сущность, созданная божеством, потому что она неизменна, всегда себе подобна, между тем, как кровати, сработанные плотником, разнятся между собой.

Человеческий ум очень часто сопоставлял друг с другом самые неподходящие предметы, имеющие лишь очень смутное сходство. Так, путем антропоморфизма, члены человеческого тела сделались сравнительными словами; это доказывается метафорами, сохранившимися в языках цивилизованных народов, хотя они относятся еще к началу существования человечества; таковы утроба земли, жила рудника, сердцевина дуба, зуб пилы, мясо плодов, рукав реки, ножка (уменьш. от нога) стола, спинка (уменьш. от спина) стула и т. д. [a]). Когда же в уме человека родилась абстрактная идея «меры», он взял за единицу меры руку, ногу, палец (греческая мера orgyia равняется удвоенной длине вытянутой руки). Всякая мера — метафора. Когда говорят, что предмет имеет в длину три фута два дюйма, это значит, что его длина равняется длине трех ступней и двух больших пальцев руки. Но с развитием цивилизации пришлось прибегнуть к другим единицам меры; таковы: у греков стадий — расстояние, пройденное состязающимися в бегах на олимпийских играх, а у латинян — югер, площадь, которую могла вспахать в течение дня упряжка волов.

Абстрактное слово, как замечает Макс Мюллер, часто есть не что иное, как прилагательное, ставшее существительным, т.-е. свойство предмета становится самим предметом, превращается в абстрактную его сущность; это превращение совершается именно путем метафоры; метафора — один из главных путей, по которым абстракция проникает в человеческую голову. В первобытных метафорах говорится: пасть пещеры, язык огня, потому что пасть — представляет отверстие, а язык имеет удлиненную форму. Таким же способом, по мере того, как ощущалась в этом потребность, накапливались новые слова для сравнений. И роль этих сравнительных слов играло всегда самое выдающееся свойство предмета — то, что производило наиболее сильное впечатление на чувства. Во многих языках дикарей нет слов для абстрактных понятий твердости, округлости, теплоты и т. д., и нет их потому, что дикарь не дошел еще до создания воображаемых существ или метафизических сущностей; так, вместо твердый, он говорит — «как камень»; вместо круглый — «как луна»; вместо горячий — «как солнце»; — потому что свойства: твердый, круглый, горячий — неотделимы в его уме от камня,

луны, солнца. Только после долгой умственной работы эти качества отделяются, абстрагируются от этих конкретных об'ектов, и тогда качество превращается в существительное и служит знаком для абстрактных идей, образовавшихся в мозгу.

Среди диких народов еще не было найдено таких, у которых отсутствовала бы идея числа, — идея по преимуществу абстрактная, хотя счет у некоторых диких племен крайне ограничен. Возможно, что в умственном багаже, унаследованном от животных, человек уже нашел математические аксиомы, применяемые животными на практике; голубь, например, начинает насиживать яйца только после того, как самка снесла два яйца, как будто он знает, что один да один составляют два; собаки, хищные птицы,— все животные, стремясь к желанному об'екту, следуют всегда по прямой линии, как будто знают, что прямая — кратчайшее расстояние между двумя точками.

Понятно, что абстрактная идея числа, в противоположность тому, что полагал Вико, одна из первых, если не первая, образуется в мозгу животных и человека, потому, что, если не все об'екты имеют свойство быть твердыми, круглыми, горячими и т. п., они тем не менее имеют одно свойство, общее им всем, — свойство отличаться друг от друга по форме и по относительному положению, занимаемому ими в пространстве; а это свойство является отправной точкой счета. Именно поэтому пифагорейцы говорили, что «вещи суть числа» [30]). Необходимо, чтобы идея числа была свойственна мозговой материи; только тогда мозговая материя сможет отличить предметы друг от друга для того, чтобы начать функционировать, т.-е. мыслить. Это признал пифагореец Филолай, который первый, по словам Диогена Лаэртского, стал утверждать, что движение земли описывает круг, и об'явил, что «число пребывает во всем, что есть, и что без него невозможно что-либо познать, что-нибудь мыслить».

Но продолжение счета далее двух было одним из наиболее тяжких геркулесовых трудов, какие только представлялись человеческому уму; это доказывает мистический характер, приписываемый первым десяти [31]) числам, а также мифы и

---

[30]) Платон в Тимее дает диалог с астрономом и для этого случая забывает свои «божественного происхождения сущности» и приписывает числу и времени материалистическое происхождение: «Наблюдение дня и ночи, смены месяцев и года,—говорит он,— доставляют нам число, открывают время, внушают желание познать природу и мир».

[31]) Число 10 имело для пифагорейцев и каббалистов характер священный. Скандинавы видели в 3 и кратном ему 9 особенно дорогие богам числа: каждые девять месяцев они приносили кровавые жертвоприношения, длившиеся девять дней, в течение которых закалывалось девять жертв — людей и животных. Католическая девяти-

легенды, связанные с некоторыми цифрами: 10 — осада Трои и Веи, продолжавшаяся ровно десять лет; 12 — двенадцать олимпийских богов, двенадцать подвигов Геркулеса, двенадцать апостолов и т. д.; 50—пятьдесят сыновей Приама, пятьдесят Данаид; Эндимион, согласно Павзанию, сделал Селену матерью пятидесяти дочерей; Актеон охотился с пятьюдесятью сворами собак, когда Диана произвела его превращение; корабль, построенный Данаем, по указанию Минервы, был пятидесятивесельный, точно так же, как и корабль Геркулеса во время его похода на Трою и т. д. — Эти числа означают этапы на пути; отмечают, сколько раз человеческий ум останавливался, чтоб отдохнуть от усилий, сделанных для их достижения; и человек отметил их легендами с целью сохранить о них память.

Дикарь, исчерпав свое уменье считать, говорит много, чтобы указать на излишек предметов, которых он не может сосчитать за отсутствием чисел. Вико замечает, что у римлян число 60, затем 100, и затем 1.000 были в разные эпохи обозначениями — бесчисленного количества. Говасы с Мадагаскара говорят: вместо 1.000 — «вечер», вместо 10.000 — «ночь», а слово tapitrisa, служащее им для обозначения миллиона, в буквальном переводе значит: конец счета [a]), то же было и у нас, но со времени войны 1870—1871 гг. и американских трестов пределом нашего счета стал миллиард.

Наш язык доказывает, что человек взял свою руку и ногу за единицу длины, к ним потом присоединились пальцы рук и ног, служившие им для счета. Ф. Нансен говорит, что эскимосы, с которыми он прожил год, не имеют названий для всех чисел свыше 5; они считают по пальцам правой руки и останавливаются после того, как назвали и подняли все пальцы; для шести они берут палец левой руки и говорят: один палец второй руки, для 7 — второй палец и так по порядку до 10; после этого они таким же образом считают по пальцам ног и останавливаются на 20, — предел их счета; но их великие математики идут и дальше и для 21 говорят: — первый палец другого человека — и начинают снова весь путь по рукам и ногам. 20 — это человек, 100 — это пять человек. Римские

дневная молитва является отголоском этого культа, подобно тому как святая троица сохраняет мистический характер, связывавшийся с числом три у всех диких народов. Мы находим его во всех первобытных религиях; три Парки у греков и скандинавов; три богини жизни у ирокезов и т. д. Число пять пользовалось у китайцев исключительным преимуществом: 5 элементов, 5 способностей, 5 нот архаической (устарелой) гаммы, 5 стран света (наши четыре да еще одна, на которой находится наблюдатель) и т. д. Наше странное деление времени на недели, имеющие 7 дней, не совпадающее ни с месяцами, ни с годом,—есть наследие от халдейцев, для которых число 7 обладало магическими свойствами.

цифры, бывшие в употреблении до введения арабских цифр, являются воспоминанием этого первобытного способа счисления: I—это один палец, II—два пальца, V—это рука, средние пальцы которой растопырены, а большой, мизинец, и четвертый пальцы — согнуты; X — это две скрещенных руки. Но когда пришло время считать свыше 100 и 1.000, необходимо было уже прибегать к другим предметам, а не к членам человеческого тела. Римляне употребляли для этого камни-булыжника — calculi, откуда происходит слово счет — calcul в современных (романских) языках; латинские выражения calculum ponere (класть камень) и subducere calculum (убирать камень) указывают, что они складывали и вычитали, прибавляя или отнимая камни. Я видел в общежитии Familistère de Guise обучение детей от пяти до шести лет первым двум арифметическим действиям с помощью аналогичного способа. Все камни, употреблявшиеся для этого, были отмечены; вспомним, что камни служили уже для кидания жребия при разделе добычи и земли.

Дикари не умеют считать в уме; они должны иметь пред глазами предметы, которые они считают. Точно также при обмене они кладут на землю предметы, которые они дают, против предметов, получаемых ими: только это первобытное равенство, являющееся в конце концов осязаемой метафорой, может единственно удовлетворить их ум. В их представлениях, как и в представлениях детей, числа — это конкретные вещи; когда они говорят два, три, пять, они видят два, три, пять пальцев, камней или каких бы то ни было других предметов; на языках многих диких народов первые пять цифр носят названия пяти пальцев. И, только проходя через интеллектуальное очищение, — числа в голове взрослого цивилизованного человека представляются уже лишенными всякой формы, напоминающей какой-нибудь об'ект, и сохраняют лишь изображение условных знаков [32]). Самый крайний

---

[32]) Греки, вместо цифр, пользовались буквами алфавита, сохранив древние кадмовы буквы, что давало им число 27. Первые девять букв были единицами, следующие девять — десятками и последние девять — сотнями.

Вычислять с помощью греческих и римских цифр, среди которых не было нуля, было крайне тяжело и трудно. Только метафизики,— абстрактные, как абстракция нирваны, — способны были придумать нуль — эту чудесную цифру, — символ небытия, — не имеющую значения, но придающую значение; «действительно неделимое, — по словам Паскаля,—число, подобное тому как неделимое есть действительный нуль». Нуль играет такую значительную роль в современном счислении, что его арабское название sifr (сифр), превращенное португальцами в sifra (сифра), англичанами в cipher (сифёр), французами в chiffre (шифр), употребляющееся сначала только для обозначения нуля, служит теперь для обозначения всех числовых знаков — цифр.

идеалист-метафизик не может думать без слов, считать без знаков, т.-е. без конкретных предметов. Греческие философы, начавши свои исследования о свойствах чисел, дали ими геометрические изображения; они разделили их на три группы: группу линейных чисел (m é k o s), группу чисел для измерения поверхности, — квадратные (e p i p e d o n); группу чисел для об'ема тел, т.-е. для тройного измерения — кубические (t r i k é a u x e). Современные математики сохранили еще выражение линейного числа для коренных чисел.

Дикарь вместо — длинный, твердый, круглый, горячий — говорит: как ступня, как камень, как луна, как солнце. Но ступни неодинаковы по величине, камни бывают и более и менее твердыми, луна не всегда бывает круглой, солнце летом жарче, чем зимой. Так что, когда человеческий ум ощутил потребность в высшей точности, — он признал недостаточность сравнительных слов, служивших ему до сих пор; он выдумал тогда типы длины, твердости, округлости, теплоты, чтобы употреблять их в качестве выражений для сравнения; точно так же в абстрактной механике — математики воображают абсолютно твердый, не имеющий толщины рычаг и абсолютно не поддающийся сжатию угол; эти абстракции дают им возможность продолжить свои теоретические исследования, задержавшиеся вследствие несовершенства действительных рычагов и углов. Но угол и рычаг математиков, как и типы длины, округлости, твердости, хотя и происходят от реальных об'ектов, но свойства их,—подвергнутые умственной дистиллировке,— уже не соответствуют более никакому действительному предмету, и представляют собой только идеи, образовавшиеся в человеческой голове, — потому что об'екты в мире действительности разнятся между собой, а идеальный тип — всегда один и тот же. Платон называет реальные об'екты призраками — обманчивыми образами, а идеальный тип— сущностью божественного происхождения. В этом случае, как и во множестве других случаев, сам человек является богом-творцом.

Аналогичным способом художники создали химеры, отдельные органы которых, хотя и взятые у различных животных, не соответствуют ничему реальному, являясь лишь плодом воображения. Химера — это сама абстрактная идея, такая же абстрактная, как какая-нибудь идея красоты, добра, справедливости, времени, причины; однако, Платон не дерзнул поместить ее в число своих божественных сущностей.

Человек,— вероятно в те времена, когда среди варварских племен началось классовое расслоение, — отделил себя от животного царства и возвысил себя до степени сверхестественного существа, чьи судьбы являются предметом неустанных забот богов и небесных сил; позднее он изолировал мозг от

других органов, чтоб сделать его местом пребывания души. Естествознание возвращает человека в царство животных, последним словом в цепи развития которого он и является, а социалистическая философия возвращает и самый мозг в ряд органов человека.

Мозг обладает свойством мыслить, подобно тому, как желудок обладает свойством пищеварения; мозг может мыслить только посредством идей, создаваемых им из материалов, каковыми его снабжает естественная среда и среда социальная или искусственная, в которой человек развивается.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИДЕИ СПРАВЕДЛИВОСТИ

I

Талион и вознаграждающее правосудие

Справедливость цивилизованных обществ вытекает из двух источников: один берет свое начало в самой природе человека, другой — в общественной, социальной среде, организованной на основе частной собственности. Страсти и представления, существовавшие до возникновения собственности; порожденные ею интересы, страсти и идеи, действуя и воздействуя друг на друга, — в конце концов породили, развили и выкристаллизовали в мозгу цивилизованных людей идею справедливого и несправедливого.

Человеческие источники идеи справедливости — жажда мести и чувство равенства.

Месть — одна из древнейших страстей человеческой души; она коренится в инстинкте самосохранения, в потребности, толкающей животное и человека — давать отпор, когда они получают удар, и машинально отвечать на него, если только страх не заставляет их обращаться в бегство. Месть коренится в той потребности, которая побуждает ребенка и дикаря наносить удары неодушевленному предмету, о который они ушиблись. Месть, приведенная к ее простейшему и крайнему выражению, есть рефлективное разряжение, аналогичное непроизвольному движению, заставляющему прищурить веко, когда что-либо угрожает глазу.

Месть приобретает у дикарей и варваров интенсивность, неизвестную цивилизованным народам. «Краснокожие, — говорит американский историк Адор,— чувствуют, будто пламя сжигает дни и ночи их сердце до тех пор, пока на пролитую кровь они не ответят тем же. От отца к сыну передают они воспоминание об убийстве родственника, члена рода, будь это даже старая женщина». Сообщают случаи самоубийства краснокожих, не смогших отмстить за себя. Фиджиец, получивший оскорбление, кладет на расстояние, доступное его глазу, какой-нибудь предмет, который он убирает только после того, как утолит свою месть. Славянка Далмации показывала ребенку окровавленную рубашку убитого мужа, чтобы возбудить в нем жажду мести.

«У столетней мести — молочные зубы», — говорит афганская пословица. Бог семитов, хотя он и «долготерпелив», — «наказывает вину отцов в детях и в детях детей до третьего и четвертого поколения» (Исход. XXXIV, 7). Четырех поколений недостаточно, чтобы утолить его жажду мести: он мстит моавитянам и аммонитянам до десятого поколения, запрещая им входить в общество господне, «потому, что они не встретили вас (израильтян) с хлебом и водою на пути, когда вы шли из Египта»... (Второзаконие, XXIII, 3 и 4). Иудей, следовательно, мог подобно скандинаву сказать: «Черепок устричной раковины может рассыпаться в прах под действием лет, и другая тысяча лет может пройти над этим прахом, — но месть все еще будет гореть в моем сердце». Эриннии гомеровской мифологии — эти древние богини «мести... неутолимой жажды крови». Хор грандиозной трилогии Эсхила, трепещущий от страсти, наполняющей мучениями душу богов и смертных, кричит Оресту, колеблющемуся мстить за отца: «Пусть оскорбление будет наказано оскорблением! Пусть убийство будет отомщено убийством!.. Зло за зло — гласит древнее изречение мудрости... Пролитая на землю кровь требует другой крови. Земля-кормилица напилась крови убитого; кровь высохла, но след остался неизгладимым и вопиет о мести». Ради мести за смерть своего друга Патрокла Ахилл забывает обиду на Агамемнона; он заглушает в себе гнев, оставлявший его безучастным к поражению ахейцев. Смерть Гектора не утоляет его страсти, и он трижды волочит его труп вокруг стен Трои.

Дикарь и варвар никогда не прощают, они умеют выжидать в течение ряда лет благоприятного для мести момента. Клитемнестра в течение долгих десяти лет терпеливо выжидала часа мести; убив своего мужа, убийцу своей дочери, она, пьяная от радости и крови, восклицает: «Роса убийства пала на меня, столь сладостная сердцу моему, как дождь Зевса для полей в то время года, когда хлебное зерно выходит из своей оболочки».

Человек освящает и обожествляет свои страсти, особенно, когда они помогают ему предохранить себя в личном и социальном отношении. «Неутомимая жажда крови», месть, возведенная в священную обязанность, становится первой из обязанностей. Эриннии, «многочисленные, как проклятья, выходящие из уст разгневанной матери», устремлялись из мрачного Эреба, как только заклятья вызывали их к жизни и движению [33]). Они появлялись при солнечном свете только для того, чтобы раздуть жажду мести и неутомимо преследовать,

---

[33]) Проклятья не являются для варвара пустыми словами: слово verbum, — обладает для варвара несокрушимым могуществом; сами боги подчинялись заклятьям смертных. Евреи, как и китайцы,

на земле и на море, убийцу: ни один смертный не мог их избегнуть. Когда Орест хочет скрыться от них, хор Эринний восклицает: «Я разолью по той стране (Аттике) гибельный яд моего сердца; этот яд—роковой для земли; пусть погибнут плоды в зародыше и, подобно им, пусть погибнут детеныши зверей и дети людей. Твой бич, о месть, посеет в стране опустошенье!» Равным образом и бог семитов пролитую кровь вымещал на растениях, животных и детях. Поэтическое воображение греков олицетворяло в Эринниях — этих грозных богинях, даже имя которых боялись произносить,— ужас, внушенный первобытным народам неистовством жажды мести.

Вико в своей Новой науке так формулирует эту аксиому социальной жизни.

«Законодательство берет человека таким, каков он есть, чтобы сделать его полезным для человеческого общества. Из кровожадности (ferocia), скупости и тщеславия, — трех пороков, совращающих человеческий род, — оно извлекает армию, торговлю и двор (corte), т.-е. силу, богатство и знание республик. И эти три крупных порока, способных погубить род людской, создают социальное благо».

«Эта аксиома доказывает существование божественного провидения, которое и есть божественная мысль законодателя. Она извлекает из человеческих страстей гражданский порядок, дающий людям возможность жить в человеческом обществе, а иначе частные интересы, всецело поглощающие их, довели бы людей до жизни в одиночестве, — до жизни хищных зверей».

Бесстрастный, по выражению Аристотеля, закон возник в действительности из страсти мести, яростной и всегда кипучей. Но не божественная мысль законодателя, как полагал Вико, творит порядок из хаоса человеческих страстей; наоборот: хаос порождает порядок. Я попытаюсь доказать это.

Неумолимая и яростная жажда мести, — живущая в душе дикаря, как доказывают это предыдущие цитаты, — внушается ему условиями той естественной и социальной среды, в которой он вращается.

Дикарь, вечно воюющий с животными и людьми, дикарь, душу которого осаждают воображаемые опасности, — не мо-

---

осуждали на смерть того, кто проклинал своего отца или мать (Исход, XXI, 17). Католицизм, дающий исповеднику власть одной формулой связывать и развязывать грехи на небе и на земле, повторяет примитивную идею дикарей о могуществе слова.

жет жить в одиночку; он соединяется для стадной жизни. Он не может понять существования вне орды; изгнать его оттуда — значит осудить его на смерть [34]). Члены племени смотрели на себя, как на потомков единого предка; одна и та же кровь текла в их жилах; пролить кровь одного члена — значит пролить кровь всего племени. Сам дикарь не имеет индивидуальности; индивидуальностью обладает племя, род, а позднее — семья. Самая тесная и самая прочная солидарность связывает членов племени, членов рода в одно целое, превращает их в «сторуких» греческой мифологии. Женщины у наиболее первобытных народов, каких только удалось наблюдать, тоже являются общим достоянием, а дети принадлежат всей орде. Индивидуальной собственности у них еще нет; предметы, имеющие чисто личное значение,— оружие и украшение,— переходят из рук в руки с удивительной быстротой, как сообщают Физон и Говитт, терпеливые наблюдатели австралийской жизни. Члены диких племен и варварских родов движутся и действуют совместно, как один человек; они переселяются и охотятся, сражаются и обрабатывают землю сообща. С усовершенствованием военной тактики они выстраиваются во время битвы по племенам, родам и семьям.

Как и все прочее, они и обиду делают общим достоянием. Оскорбление, нанесенное дикарю, чувствуется всем родом, как будто оно было нанесено каждому члену лично. Пролить кровь дикаря — значит пролить кровь рода: на всех членах его лежит обязанность отмстить за оскорбление; месть носит такой же коллективный характер, как брак и собственность. Право мести у древних германцев-варваров было — в истинном значении этого слова — связью, соединявшей семью. Когда франкские племена установили вергельд, т.-е. денежное возмещение за убийство, то все члены семьи делили между собой сумму этого выкупа крови. Но франк, вышедший из семейной коммуны, уже не имел права на «вергельд», и в случае его убийства, его мстителем становился король, получавший выкуп за его кровь.

И именно потому, что род чувствует обиду, нанесенную любому из его членов, весь род в целом становится ответственным за обиду, которую причинил кто-либо из его членов. Вина становится такой же коллективной, как и нанесенная

---

[34]) Каин, изгнанный из своего рода за убийство Авеля, жалуется: «Наказание мое больше, нежели снести можно; и вот ты теперь сгоняешь меня с лица земли... Я буду изгнанником и скитальцем на земле, и всякий, кто встретится со мною, убьет меня» (Бытие, IV, 13 и 14). Изгнание — одна из самых страшных кар у первобытных народов.

обида [35]). Обиженный род мстит тем, что убивает кого-нибудь из рода обидчика. «У австралийских народов, — пишет сэр Г. Грей, — в случае какого-нибудь убийства все впадают в уныние, особенно, если убийца скрылся, потому что родственники его считают себя виновниками, и только лица, не имеющие никакого отношения к этой семье, считают себя в полной безопасности». Убийство — это об'явление войны между двумя семьями, между двумя родами, войны — путем засад и взаимного истребления. Она длится годами, ибо убийство требует отмщения смертью, которая в свою очередь взывает к мести. Иногда оба рода в полном составе начинают драться. Еще и полувека не прошло, как в Далмации «война между семьями перекидывалась на всю деревню, а иногда во всем округе загоралась гражданская война» [36]). Мстят женам и детям. Скандинавы не щадили даже новорожденных в колыбели, ибо «и в нежном ребенке скрывается волк», гласят Эдды. Даже в нынешнем веке греки еще мстили детям мужского пола старше восьми лет; одни только женщины и молодые девушки были избавлены от акта мести [37]).

И не только действительное убийство повелительно требует мести, но и воображаемое, создаваемое суеверной фантазией дикаря. — Для австралийцев естественной смерти не существует, всякая кончина есть дело порчи, насылаемой врагом, принадлежащим к соперничающему роду; на родственниках покойного лежит обязанность отмстить за него убийством. При этом не требуется убить непременно предполагаемого виновника порчи, достаточно убить любого члена его рода или даже нескольких, если это возможно [38]). Впрочем, мертвый и сам мстит за себя,—его дух приходит мучить виновника. Фразер утверждает, что одной из причин уничтожения каннибальских пиршеств является страх грядущей мести со стороны несчастного с'еденного. И дикарь убивает убийцу не только из мести, но и для того, чтобы успокоить покойника, дух которого будет мучиться до тех пор, пока не

---

[35]) Коллективная ответственность кажется еще в средине века столь естественной, что ордонансы Эдуарда I английского возлагают на всю ремесленную корпорацию ответственность за преступление одного из ее членов.

[36]) Сэр Гарднер Уилькинсон, — Далмация и Черногория 1848.

[37]) Лорд Карнарвон. — Воспоминания об Афинах и Морее.

[38]) Иисус Христос, святой Павел и апостолы разделяли это мнение дикарей. По их мнению, болезни были делом рук дьявола, врага рода человеческого (Евангелие от Матфея, IX, 33; Евангелие от Луки, XI, 14. Деяния Апостолов, XIX, 12 и т. д.). Это суеверие зажигало в христианской Европе в течение многих веков костры для ведьм.

будет пролита человеческая кровь. Чтобы успокоить душу Ахилла, греки принесли в жертву над его гробницей Поликсену, сестру его убийцы Париса.

Дикарь, не представляющий себе существования вне своего племени, составной частью которого он является, превращает индивидуальную обиду в коллективную. И месть,— акт индивидуальной защиты и самосохранения,—становится актом коллективной защиты и коллективного самосохранения. Род защищает себя посредством мести за убийство или поранение одного из своих членов. Но эта коллективная месть роковым образом влечет за собой коллективные опасности, угрожающие иногда существованию родового коллектива. Коллективная опасность этой кровавой мести заставляет дикарей заглушить в себе чувство солидарности и пожертвовать членом рода, виновником обиды, выдав его потерпевшему роду. У дикарей Австралии наблюдались случаи, что они с оружием в руках приостанавливали свои действия, удовлетворившись тем, что ограничивали свою месть нанесением причине их ссоры личного ущерба, равного с точностью причиненному ущербу — жизнь за жизнь, рана за рану. Так родился талион.

Только талион,—«душу за душу, око за око, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, ожог за ожог, рану за рану, ушиб за ушиб» (Исход, XXI, 23—25),—может дать полное удовлетворение чувству равенства первобытных коммунистических народов, все члены которых равны.

Наибольшая полнота равенства необходимо вытекает из условий, в которых протекает жизнь дикаря коммунистических племен. Дарвин сообщает в своем Путешествии натуралиста следующий характерный анекдот: он видел, как фиджиец, которому дали шерстяное одеяло, разорвал его на полосы одинаковой ширины для того, чтобы каждый индивид его орды получил по куску, так как дикарь не может допустить, чтобы кто-либо из членов его рода был чем бы то ни было наделен лучше другого. Когда Цезарь вошел в соприкосновение с германскими племенами, он был поражен духом равенства, господствовавшим в их дележе военной добычи; он приписывал это желанию создать равенство между их племенами. Цезарь рассуждал, как цивилизованный человек, живущий в социальной среде, в которой неодинаковые условия существования неизбежно порождают неравенство между гражданами. Варвары, которых он имел перед глазами, жили, наоборот, в коммунистической среде, порождающей равенство; им, следовательно, нечего было искать

равенства в своем дележе; напротив,—они находили удовлетворение своему строю равенства путем распределения всего на равные части, не имея при этом ни малейшего подозрения о социальном значении своего акта; так люди переваривают пищу, не зная ничего о химических процесах пищеварения; пчелы строят ячейки улья по самым строгим правилам геометрии и механики сопротивления и экономии пространства, не подозревая о существовании геометрии и механики. Равенство не только укореняется в сердце и мозгу первобытного человека, но оно существует даже в их физической внешности. Вольней рассказывает, как один краснокожий вождь выразил ему свое удивление по поводу большого физического несходства между белыми, которых он видел, тогда как между членами одного и того же дикого племени существует большое сходство.

Старость, окруженная почтительностью, есть первая привилегия, появляющаяся в человеческом обществе; она — единственная привилегия у дикого племени. Каковы бы ни были высшие качества характера, разума, выносливости — во время голода, жажды, страданий,—отличающие того или другого воина,—они не дают ему права на привилегию. Он может быть выбран руководить товарищами на охоте, командовать ими на войне, но раз только экспедиция закончена, он опять становится равным им. «Самый великий вождь краснокожих,— говорит Вольней,— не может даже во время похода ни ударить, ни наказать воина, а в деревне только его собственный ребенок повинуется ему» [39]). Греческий вождь времен Гомера обладал не на много большей властью; Аристотель замечает, что если власть Агамемнона и доходила до права убить во время наступления бегущего с поля сражения, зато он терпеливо переносил брань во время совещаний. Греческие военачальники исторических времен становились рядовыми по окончании срока их командования. Так, согласно Плутарху, победоносные военачальники Аристид и Филипомен были простыми солдатами.

Талион есть только осуществление равенства в оскорблении, — искупление, по об'ему равное обиде; только ущерб, с точностью равный повреждению,—жизнь за жизнь, ожог за ожог,—может удовлетворить стремящуюся к равенству душу первобытных людей. Инстинкт равенства, предписывающий равный дележ при распределении продовольствия и имущества, создал талион; введение его в быт первобыт-

---

[39]) Observations generales sur les Indiens de l'Amerique, — Общие наблюдения над американскими индейцами. Вольней, изд. 1820 г.

ного общества было вызвано необходимостью предотвратить гибельные последствия кровавой мести. Справедливость не играет ни малейшей роли у колыбели талиона; поэтому талион можно найти и у народов, имеющих столь слабое понятие о «справедливости», что у них нет даже слов: преступление, вина, правосудие. Греки гомеровских времен, принадлежавшие к эпохе относительно более высокой ступени цивилизации, не имели слова «закон»; а понять «справедливость» без наличности «законов»—невозможно [40]).

Талион, созданный и введенный в противовес кровавой мести, принятый первобытными людьми, потому что давал удовлетворение их жажде мести, талион должен был—с момента, когда он вошел в быт—получить свою регламентацию как обычай. Первоначально все члены рода могли мстить любому члену рода-обидчика; затем число лиц, имеющих право мстить, и число лиц, против которых могла быть направлена месть, стало ограничиваться. Тар (thar),—закон крови у бедуинов и почти у всех арабов,—уполномачивал каждое лицо из первых пяти ступеней родства на убийство любого родственника убийцы из первых же пяти ступеней родства. Этот обычай имел, должно быть, всеобщее распространение, так как у германцев и скандинавов «вергельд» выплачивался и получался родственниками первых пяти колен, или степеней родства.

Этот обычай, хотя и ограничил поле действий мести,—оставил ей все-таки еще слишком широкий выбор жертв. Уже у евреев можно установить дальнейшие попытки сузить поле действий мести и свести ее к самому виновнику. Иегова, не боясь противоречить самому себе, предписывает во Второзаконии (XXIV, 16): «отцы не должны быть наказываемы смертью за детей, и дети не должны быть наказываемы смертью за отцов; каждый должен быть наказываем смертью за свое преступление». Но внушить пламенной мести это ограничение было так трудно, что еще долго после того протестует предвечный против пословицы: «отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина. Живу я,—не будут впредь говорить эту пословицу во Израиле. Ибо вот все души мои: как душа отца, так и душа сына—мои; душа согрешающая, та умрет» (Иезекииль, XVIII, 2, 3, 4).

---

[40]) Это отсутствие слова «закон» поражало старинных людей; историк Иосиф Флавий с удивлением замечает, что в Илиаде слово «nomos», которым впоследствии стали обозначать «закон», никогда не употреблялось в этом смысле.

Но еще труднее было ограничить вначале круг лиц, считавших себя вправе мстить, а затем отнять у них совсем это право. Жажда мести утолялась только тогда, когда ближайший родственник жертвы наказывал виновного; так, именно Пирр, сын Ахилла, должен был пред лицом ахейского войска убить сестру убийцы его отца. Кэлло сообщает, что у некоторых племен африканской пустыни виновный предается всецело на волю ближайших родственников жертвы: они пытают и убивают его по своему усмотрению. Фразер видел в Персии, как женщина, которой выдали убийцу ее сына, нанесла ему пятьдесят ударов ножом и с утонченной мстительностью провела по его губам окровавленным лезвием ножа. В IX веке в Норвегии члены народного собрания приводили убийцу на берег моря, где он предавался смерти преследовавшей его толпой или королевским профосом. В Афинах исполнение приговора над виновным возлагалось на гражданскую власть, а самый близкий родственник присутствовал при выполнении его в качестве кровного мстителя. Хотя он и не играл уже более активной роли, но его присутствие было необходимо не только для утоления его мести, но еще и для выполнения первобытных обрядов талиона.

Талион, регламентируя и ограничивая кровавую месть, свидетельствует, что страсть, мучившая и ослеплявшая первобытного человека, утихает и начинает поддаваться чувству меры. Человек привыкает не мстить всему роду или всей семье, а только виновнику, причем эта месть ограничивается строгой отплатой — удар за удар, смерть за смерть [41]). Ввести эту регламентацию и поддерживать ее возможно было только путем коллективного вмешательства рода и семьи—как жертвы, так и виновника. Семья, остающаяся попрежнему ответственной за действия своих членов, должна заявить, желает ли она принять на себя последствия обиды или выдать обидчика; в последнем случае она должна определить искупление и соразмерить его с нанесенным ущербом; равным образом, она должна заставить виновного, в случае

---

[41]) Варвар не останавливался на полпути, он доводит последовательность до крайних логических пределов: раз он возымел идею удалить виновного от семейного коллектива, чтобы возложить на него ответственность за его действия, — он доводит эту идею до того, что готов отделить от всего тела орган, совершивший акт, для того, чтобы наказать именно орган. Диодор Сицилийский сообщает, что египтянин кастрировал, оскоплял виновного в насилии над свободной женщиной; он отрезал нос у виновной в прелюбодеянии, — «чтобы лишить женщину ее обольстительных чар»; он отрубал руку за подделку монеты или общественных печатей, — «чтобы наказать ту часть тела, с помощью которой было совершено преступление». Почти во всех странах за менее значительную кражу, не влекшую за собой смертной казни, вору отрубалась кисть руки.

его сопротивления, покорно подчиниться наказанию [42]). Таким образом люди пришли к учреждению третейских судов, на них и было возложено определить размер обиды и удовлетворения за нее.

Собрание членов племени у скандинавов и было таким первым третейским судом. Но в виду затруднений, связанных с созывом таких собраний, скандинавы рассматривали на них только случаи убийств и нанесения тяжких ран; случаи меньшей важности,—побои, ранения, не повлекшие за собой смерти или потери какого-нибудь члена,—разрешались советом старейшин.

Моисей по совету тестя своего Иофара, избрал «людей добродетельных и поставил их начальниками над тысячью, сотней, полсотней и десятком людей, чтобы судить народ во всякое время» (Исход, XVIII). Моисей, по всей вероятности, воспроизвел в пустыне обычай Египта. В Галлии существовал совет друидов, на него было возложено определять обиду и устанавливать вознаграждение за нее; если одна сторона отказывалась подчиниться его приговору, он отлучал ее от жертвоприношений, что было самым тяжким наказанием, так как отлученный становился для всех отверженным (Caesar. — De bello Gallico, VI, 13). В Афинах мщенье регулировалось ареопагом. Эсхил вкладывает в уста Эринний, проигравших тяжбу, следующие слова, рисующие бедствия, которые сделали необходимым учреждение такого трибунала: «Пусть рычание ненавистных убийственных раздоров никогда не раздастся в городах (ныне, когда для урегулирования мщения существует ареопаг); пусть никогда не прольется кровь граждан, не краснеет кровью земля; пусть в Афинах никогда не восстанет в гневе убийца, чтобы отмстить за убийство». Эти древние богини, дочери ночи, олицетворявшие первобытную месть, произносили свою надгробную речь: после учреждения ареопага они успокоились и вместе со своими функциями утратили свой жестокий характер; теперь

---

[42]) Когда у камчатских ительменов, как рассказывает путешественник XVIII века Г. В. Стеллер, совершалось убийство, то семья, к которой принадлежал убитый, обращалась к семье убийцы с просьбой выдать его; если последняя соглашалась и выдавала убийцу, то его убивали таким же способом, каким он убил свою жертву; если же семья отказывалась, то это означало, что она одобряет убийство, и тогда между обеими семьями начиналась война; победившая семья избивала всех членов мужского пола побежденной семьи, а женщин и девушек уводила в рабство.—В Полинезии в том случае, если виновный не подчиняется покорно мести обиженной стороны, он принуждается к этому своей собственной семьей. Ellis. — Polynesian Recharches, Эллис. — Исследования Полинезии.

они приняли опять свое древнее имя — Эвменид, т.-е. добрых богинь.

Возникновение ареопага должно быть отнесено к очень седой древности. В другой легенде рассказывается, что ареопаг был учрежден для произнесения приговора над Аресом, совершившим убийство; он убил сына Посейдона, изнасиловавшего его дочь, и был оправдан двенадцатью богинями, составившими трибунал; слово «ареопаг» означает «холм Ареса». Согласно другой легенде, первое убийство, которым занялся ареопаг, было убийство Прокриды, нечаянно убитой на охоте ее супругом Кефалом. Эта легенда, как и легенда об убийстве Орестом своей матери, — относит учреждение ареопага к периоду матриархата, который во времена Троянской войны уже окончательно сменяется патриархатом. Действительно, с момента, когда жена перестает быть главой семьи, она становится рабыней в доме своего мужа; теперь он получает над ней право жизни и смерти; даже сын ее получает это право, — следовательно, за ее смерть нельзя требовать мести, если убийство совершено ее мужем или сыном [43]). Ареопаг постановлял свои решения в темноте, подобно египетскому трибуналу. Вот почему богиня Фемида, — эмблема правосудия, — с повязкой на глазах. Афиняне хотели, без сомнения, напомнить этим символом, что ареопаг был учрежден для замены Эринний, дочерей ночи, которые, согласно Гомеру, жили во мраке Эреба. Ареопаг и египетский трибунал не допускали адвокатов; сам обвиняемый должен был хранить молчание. Эти два трибунала, заменившие семьи обиженного и обидчика, не судили: их роль ограничивалась отысканием виновного и выдачей его семье обиженного.

Если в таком торговом городе, как Афины, необходимость поддерживать порядок допускала учреждение постоянного трибунала для регулирования мести и наказания виновных,

---

[43]) Демосфен в одной из своих публичных защитительных речей цитирует закон Дракона, дающий каждому афинянину право жизни и смерти над пятью женщинами: его женой, дочерью, матерью, сестрой и наложницей (конкубиной). «Грагас»—(серые гуси)—древние законы Исландии, освящали тот же закон, прибавляя к нему приемных дочерей. Позднее, когда в эпоху Солона нравы изменились, и законы Дракона казались черезчур жесткими, то все же эти законы никогда не были отменены, «но по молчаливому соглашению афинян,— говорит Авл Геллий, — были как бы преданы забвенью».

Первые законы — именно потому, что они фиксировали и освящали обычаи предков,—никогда не отменялись: они существовали, хотя новые законы и противоречили им. Так, кодекс Ману сохраняет бок-о-бок и закон, устанавливающий право старшинства. Законы 12 таблиц не отменили в Риме царских законов; камень, на котором были высечены последние, был неприкосновенен; самый смелый позволял себе только повернуть его.

то почти во всех других местах приходилось предоставить самим семьям заботу об удовлетворении их жажды мести. В Англии в X веке, при короле Альфреде, обычай и закон разрешали еще семьям об'являть гражданские войны по случаю убийства. Во Франции гражданская власть, не имевшая возможности отнять у семьи право мести, пыталась ослабить ее действие установлением промежутка между актом обиды и актом мести: королевский приказ XIII века — королевский сорокоуст (la quarantaine-le-roy), приписываемый Филиппу-Августу или Людовику святому, — запрещал об'являть ради мести гражданскую войну до истечения сорока дней со времени нанесения оскорбления; если кто-либо из оскорбленных совершит в этот промежуток времени убийство, то убийца будет наказан смертью за нарушение королевского приказа. И лишь недавно французское правительство смогло уничтожить на Корсике кровавую месть (вендетту).

Жажда мести, — хотя и введенная в рамки талиона и судебных собраний, — оставалась все же неутолимой: только частная собственность могла у нее вырвать когти и зубы. Но собственность, призванная уничтожить беспорядок, вызываемый частной местью, сама рождается в недрах семьи, в крови раздоров и преступлений. Прежде, чем право старшинства не было признано и усвоено бытом, — частная собственность сама порождала братоубийственные войны за обладание отцовским имуществом; о них греческая мифология сохранила полные ужаса воспоминания в истории Атридов [44]). С тех пор частная собственность не переставала быть самой действительной и самой активной причиной постоянных раздоров, преступлений, гражданских и международных войн, причиной переворотов в человеческих обществах.

Как фурия, проникает чувство собственности в человеческое сердце, потрясая все наиболее укоренившиеся чувства, инстинкты, идеи и возбуждая новые страсти. Только одна

---

[44]) Если поверить в этом—мифологическим легендам, то кажется, что когда власть отца заменила в семье власть матери, в порядке наследования произошли глубокие потрясения. Сыновья, не наследовавшие в матриархальной семье, заявляли притязания на равные права, чтобы завладеть имуществом умершего отца и руководить семьей. Только в результате целой эпохи гражданских войн право старшинства получило признание; и удержаться оно могло только при поддержке религиозных предрассудков.—Отец почитался живым в своем гробу, поставленном в доме или в прилегающем саду; он продолжал управлять своим имуществом и давал приказания своему преемнику; подчинялись не живому наследнику, но усопшему отцу. Тогда-то на ряду с общей религиозной обрядностью всего рода был установлен частный семейный культ, который по мнению Фюстель де-Куланжа и является первичным.

частная собственность обуздала и укротила жажду мести,— эту древнюю, господствовавшую в душе варвара страсть.

И кровь, с воцарением частной собственности, не требует уже больше крови: она требует себе собственности. Талион преобразуется.

Это преобразование талиона было, вероятно, облегчено наличностью рабства и работорговли,—первой действительно международной, регулярно установившейся, торговли. Обмен живых людей на быков, оружие и другие предметы приучил варвара давать за кровь не кровь, а другой эквивалент. Еще энергичнее, чем торговля рабами, способствовало преобразованию талиона одно новое явление в семейном быту. До тех пор, пока существует матриархальная семья, женщина не уходит из своего рода, где ее навещает ее муж или ее мужья; в патриархальной семье молодая девушка покидает свою семью, чтобы поселиться в семье мужа; ее отец получает вознаграждение за потерю дочери, которая, выходя замуж, перестает теперь принадлежать ему. С этой поры и молодая девушка становится об'ектом мены, — «искательницей быков» — alphesiboia, как гласит гомеровский эпитет, — потому что греки обменивали ее на быков. Отец начал с обмена дочерей и кончил продажей сыновей, как доказывают греческие и римские законы. Отец, продавая свою собственную плоть, нарушал древнюю солидарность, об'единявшую членов семьи и связывавшую их на жизнь и на смерть. Родители, обменивавшие своих детей, свою живую плоть, на скот и другое имущество, тем более уже были предрасположены принять скот и прочее имущество за пролитую кровь, за убитого сына. Дети, следуя завету отцов, пришли в свою очередь к тому, что довольствовались каким-нибудь вознаграждением за пролитую кровь их отца и матери.

Тогда, вместо жизни за жизнь, зуба за зуб, стали требовать домашний скот, железо и золото за жизнь, за зуб и за другие увечья. Кафры требуют быков, скандинавы, германцы и варвары требуют уже денег, — они научились в сношениях с более цивилизованными народами употреблению денег [45]).

Этот переворот, — один из самых глубоких, местом его действия была человеческая душа, — совершился не сразу и не без душевных терзаний. Религия, охранительница древних законов, чувство солидарности и собственного достоинства варвара — восставали против замены крови деньгами.

---

[45]) Было время, когда историки полагали, будто каждый народ, каждая раса, имеет свои особенные нравы и обычаи; тогда считалось, что «вергельд» — германского происхождения, и что греки и латиняне

Суеверие связывало с деньгами, полученными за кровь, проклятье. Сокровище, — являющееся в Эддах причиной смерти Сигурда и истребления семьи Вольсунгов и Гикингов, — есть именно выкуп крови, который скандинавские боги Один, Локк и Генир должны были уплатить за убийство Оттера. Сакс Грамматик сохранил песню одного датского барда, негодующего на тогдашние нравы и на тех, кто носит в своих сумках кровь своих отцов. Знатные люди в Туркестане никогда не соглашаются, — говорит Палас,— принять выкуп крови. Убийца афганец, как рассказывает Эльфинстон, даже если он нечаянно совершил убийство, должен умолять семью своей жертвы, чтобы она приняла от него в виде возмещения деньги; он должен подчиниться унизительной церемонии, аналогичной той, которая в подобном случае в ходу у славян Южной Европы. — «Судьи и зрители образуют широкий круг, в середине виновный с ружьем и кинжалом на шее: он ползет на коленях к ногам обиженной стороны, которая, отобрав у него оружие, поднимает и обнимает его, говоря: бог тебя простит. Зрители приветствуют радостными аплодисментами примирившихся врагов... Эта церемония, именуемая кругом крови, заканчивается празднеством, устраиваемым за счет убийцы, в котором принимают участие все присутствующие» [46]). Бедуин, хотя и принимает выкуп крови, но принуждает убийцу и его семью считать себя его должниками.

Возмездие за кровь было вначале предоставлено произволу потерпевшей стороны; она по своему усмотрению определяла количество и качество вещей, которые противная сторона должна была дать ей для того, чтобы умилостивить ее. Саги показывают нам, что исландцы сами определяли выкуп крови и не довольствовались меньшим, чем все имущество убийцы и его семьи; чтобы утолить свою жажду мести, они начисто их обирали с целью лишить виновника и его семью радостей жизни. Чрезмерная компенсация сделала

никогда не унижались до этого варварского способа вознаграждать деньгами за кровь.

Нет ничего более неточного.

Таблица VIII римского закона 12 таблиц гласит:

II. Кто сокрушит кому член и не помирится, платит талион.

III. За сломанный зуб свободного человека — пеня 300 ассов, а за зуб раба—150 ассов.

IV. За оскорбление—25 ассов.

Аякс, посланный вместе с Улиссом и Фениксом в качестве посла к Ахиллу, чтобы склонить его принять дары Агамемнона и чтобы утишить его гнев, говорит ему: «Мы видим людей, принимающих выкуп за убийство брата, сына; сам убийца, уплатив значительную сумму, живет в своем отечестве, а потерпевший, получив удовлетворение, подавляет чувства своей взволнованной души» (Илиада, IX).

[46]) Красинский.—Черногорье и турецкие славяне 1853 г.

практически невозможным этот способ искупления и повела к нескончаемым спорам. Чтобы предотвратить это затруднение, варвары были принуждены определить дозволенные размеры выкупа. Варварские кодексы с мелочной точностью определяли выкуп, уплачиваемый натурой или деньгами, за жизнь свободного человека, сообразно его рождению и рангу, за повреждение кисти, руки, ноги и т. д., за всякое оскорбление его чести и за всякое нарушение его домашнего покоя. Король, равно как и крестьянин, находятся под защитой выкупа, уплачиваемого его родственникам; единственную разницу между выкупом короля и выкупом других членов народа составлял самый размер [47]).

Семья виновного отвечала за уплату выкупа крови, семья жертвы делила этот выкуп между своими членами, пропорционально степени родства. Грагас (закон) Исландии указывает способ дележа: все члены семьи делятся на пять кругов или степеней родства, — первый круг состоит из отца, матери и старшего сына, он получал или платил 3 марки; второй и третий круги — 2 марки, четвертый — 1 марку, пятый—ору, т.-е. восьмую часть марки.

«Вергельд» привел к учреждению официальной корпорации, призванной следить за его применением; позднее сюда были присоединены и пени. Вергельд продолжал уплачиваться родственникам жертвы, между тем как пени поступали в королевскую или общественную казну; это приблизительно то же, что существует в наши дни в капиталистических странах, где вергельд принял название—возмещение протерей и убытков.

Дух простоты и равенства дикаря привел его к талиону: жизнь за жизнь, увечье за увечье, — это было все, что он мог придумать для регламентации мести; но когда талион под влиянием частной собственности изменился, и грубое уравнение — жизнь за жизнь — было заменено экономическим — скот и другое имущество за жизнь, увечье, оскорбление и т. д., тогда ум варвара подвергся суровому испытанию: он должен был разрешить проблему, заставившую его проникнуть в мир абстракции. Он должен был, с одной стороны, взвесить материальный и моральный ущерб, причиненный семье смертью одного из ее родственников, или индивиду —

---

[47]) Установление выкупа влечет то любопытное последствие, которое Малле констатировал у скандинавов: так как смерть свободного человека и повреждение руки, ноги и т. д. оценены по тарифу, то и за долги должно отвечать тело должника. Именно эта логическая связь дала во всех странах кредитору право увечить и превращать в раба своего должника.

потерей какого-нибудь члена или оскорблением; с другой стороны, он должен был взвесить выгоду, которую доставит им передача известных материальных благ, — т.-е. он должен был определить количество и эквивалент вещей, не имеющих между собой прямой материальной соизмеримости. Варвар начал с грубого требования: за убийство он требовал социальной гибели виновника — его экономической смерти, т.-е. передачи всего его имущества. Только после долгой умственной работы он пришел к тарифной сетке за жизнь, потерю глаза, зуба и даже за оскорбления. Эта тарификация привела его к новым понятиям об отношениях людей — между собой или к вещам. Новые понятия, в свою очередь, породили в его мозгу идею «воздающей справедливости», чья задача состоит в том, чтобы соразмерять, возможно точнее, возмещения с убытком.

II

Справедливость распределяющая

Инстинкт самосохранения, первичный и самый повелительный из инстинктов, толкает дикаря, как и его предка — животное, к захвату вещей, в которых он нуждается. Все, что он в состоянии схватить, он захватывает для удовлетворения — безразлично голода или прихоти. Он обращается с материальными благами точно так же, как ученый и литератор — с благами интеллектуальными: он берет свое добро, — как говорит Мольер, — везде, где он его находит [48]). Путешественники-европейцы, — особенно те из них, которые стали жертвой этого инстинкта, — предавались чувству благородного нравственного возмущения и клеймили дикаря эпитетом вора, как будто понятие «кража» может притти в человеческую голову еще до возникновения частной собственности [49]).

---

[48]) «Природа, — сказал Гоббс, — дала каждому из нас равное право на все вещи... В естественном состоянии каждый имеет право делать все, обладать всем, что ему только понравится. Отсюда происходит привычка говорить, что природа дала все вещи для всех, и отсюда следует, что в естественном состоянии право руководствуется пользой» (О гражданине, кн. I, гл. I). Гоббс и философы, говорящие о «естественном праве», «естественной религии», «естественной философии», навязывают природе свои собственные представления о праве, религии и философии, — представления, менее всего являющиеся «естественными». Что сказали бы о математике, который стал бы приписывать природе свои представления о метрической системе и стал бы философствовать о «естественном метре» или миллиметре? Меры длины, законы, боги и философские идеи — изобретение человека: люди их выдумывали, изменяли и преобразовывали в меру своих личных и общественных потребностей.

[49]) Прудон, присвоив себе слова Бриссо, впал в ту же ошибку, утверждая свое «Собственность — кража» в качестве социальной

Укротить этот захватнический инстинкт[50]), являющийся видоизменением одного из существеннейших свойств органической материи, наложить на него узду и подавить его до того, чтобы он совсем заглох, — было одной из задач цивилизации. Для обуздания захватнического инстинкта человечество прошло гораздо более многочисленные этапы, чем для обуздания и ослабления чувства мести. Порабощение этого первобытного инстинкта способствовало построению идеи справедливости, подготовленной уже укрощением мести.

Пока дикарь бродит небольшими ордами по необитаемой земле, вдоль морей и рек, останавливаясь там, где он находит себе в изобилии пищу,—до тех пор он отдается своему захватническому инстинкту без всякого стеснения. Но уже с самых отдаленных доисторических времен необходимость добывать себе средства к существованию заставляет его удерживать этот инстинкт в известных границах. Стоит лишь населению какой-нибудь местности достигнуть известной плотности—и племена дикарей, населяющих ее, начинают делить землю на охотничьи территории, или на пастбища,—если они занимаются скотоводством. Для охраны своих средств существования, — состоящих из плодов, дичи, рыбы, иногда из стад свиней, свободно пасущихся в лесах,—дикие и варварские народы Старого и Нового света окружают свои территории нейтральными зонами[51]). Всякое лицо, переступившее границы территории своего племени, подвергается преследованию соседнего племени: племя устраивает облаву на него, а иногда даже убивает. Дикарь или варвар в пределах территории может свободно брать все, в чем нуждается, но за ее пределами он может сделать это только под страхом риска и опас-

---

аксиомы, ибо, как раз наоборот—кража есть следствие собственности, а не ее определяющая причина.

[50]) Слово захватчик существует также на языке зоологов. Литтрэ определяет его следующим образом: тот, кто обладает способностью хватать, захватывать.

[51]) Грубые дикари Огненной Земли окружают границы своих территорий широкими незанятыми пространствами. Цезарь говорит, что свевы полагали всю свою гордость в том, что окружали свою территорию обширными пустынями. Германцы называли нейтральное пространство между двумя или несколькими племенами—пограничным лесом, а славяне называли его защитным, заповедным лесом. Морган говорит, что в Северной Америке это пространство было более узким между племенами, говорящими на одном и том же языке, обыкновенно родственными и союзными друг другу, и более широкими между племенами, говорящими на разных наречиях.

ностей. Нападения на чужую территорию, очень часто поощряемые для того, чтобы развить в молодых воинах мужество и ловкость, являются также и наиболее частыми причинами войн между соседними племенами. Для того, чтобы избегнуть этих войн и жить в мире со своими соседями, дикари должны укротить свой захватнический инстинкт и дать ему волю только в пределах своей собственной территории, составляющей общую собственность всех членов племени.

Но даже в пределах своей территории необходимость охраны средств к существованию заставляет дикарей налагать и здесь узду на свой захватнический инстинкт. Австралийцы запрещают в голодные времена потребление кур и свиней, а при плохом урожае плодов хлебного дерева — потребление бананов и ямса; они запрещают ловлю рыбы в тех водах, где она начинает становиться редкой. Краснокожие Канады, исходя из других соображений, не убивали бобровых самок. Дикари, даже умирая с голоду, не прикасаются к растениям и животным, почитающимся тотемами их племени, т.-е. предками, от которых, по их утверждению, они происходят. Очень часто для того, чтобы сделать подобные запреты более действительными, им придают религиозный характер. Предмет, на который наложено запрещение, становится т а б у, и боги карают нарушителей этого запрета.

Эти ограничения захватнического инстинкта носят коммунистический характер; они предписываются только в интересах всех членов племени, и только при этом условии дикарь и варвар добровольно им подчиняются. Но даже у дикарей существуют другие ограничения, не имеющие характера защиты общих интересов.

Оба пола строго разграничены у дикарей в смысле выполнения функций: мужчина—воин и охотник, женщина—кормилица и воспитательница ребенка, принадлежащего ей, а не отцу, обычно неизвестному или не вполне установленному; на нее возлагается хранение запасов продовольствия, приготовление и распределение пищи, изготовление платья и хозяйственных принадлежностей и т. п., и она же на первых порах занимается земледелием. Это разделение, основанное на различии пола, вводится для того, чтобы помешать беспорядочным половым сношениям, и поддерживается разделением функций, поручаемых каждому полу; оно еще более усиливается религиозными и мистическими обрядами: эти обряды— особые для каждого пола; они воспрещены под страхом смерти лицам другого пола; это разделение укрепляется также созданием особого жаргона (наречия), понятного только посвященным каждого пола. Разделение полов привело к антагонизму между ними, выразившемуся в запре-

щениях, наложенных на захватнический инстинкт. Эти запрещения уже не носят больше общего характера, но принимают частный половой характер, можно сказать—классовый характер, ибо,—как замечает Маркс,—борьба классов проявляется сначала в форме борьбы полов. Вот некоторые из этих запрещений, налагаемых на пол: племена, у которых существует людоедство, запрещают обыкновенно женщинам участвовать в каннибальских пирах; некоторые изысканные сорта мяса, как мясо бобра, эму и т. п., предназначаются у австралийцев специально для воинов; подобного рода чувство заставляло греков и римлян исторических времен запрещать женщинам пить вино.

С возникновением коллективной семейной собственности ограничения, предписываемые захватническому инстинкту, становятся более многочисленными. Пока территория рода продолжает оставаться неделимой собственностью всех его членов, сообща ее обрабатывающих,—подобно тому, как они сообща охотятся и сообща ловят рыбу,—до тех пор продовольственные запасы, переданные на хранение замужним женщинам, продолжают,—как сообщает Морган,—оставаться общими. В пределах территории своего рода дикарь без стеснения берет необходимую ему пищу; в индейской деревне,—говорит Каттлин, — всякий человек — мужчина, женщина, ребенок — имеет право войти в любую хижину, даже в хижину вождя племени, и покушать вволю. Спартанцы, по словам Аристотеля, сохранили эти коммунистические нравы. Но раздел пахотных родовых земель ввел другие нравы.

Раздел земель мог иметь место только при условии полного удовлетворения завистливого чувства равенства, наполнявшего душу первобытного человека. Это чувство повелительно требовало, чтобы все имели те-же вещи, согласно формуле, данной Тезеем, мифическим законодателем Афин, в качестве правовой основы. Всякий дележ жизненных припасов или военной добычи между первобытными людьми происходил по способу наибольшего равенства. У них не могла даже зародиться мысль о возможности другого способа. Равный дележ для них то же, что неизбежность, и в греческом языке Мойра — Moira, означающее долю трапезы, причитающейся каждому сотрапезнику, с течением времени начинает означать высшую богиню судьбы, которой подчиняются боги и люди. А слово «Дикэ» (Diké), употреблявшееся в начале в смысле равного дележа, обычая, становится в конце концов именем богини правосудия [52]).

---

[52]) Один отрывок из Гераклида Понтийского, ученика Платона, содержит описание коммунистической трапезы дорийцев. Всякое лицо, принимающее участие в andreies (совместная трапеза),

Если при распределении каждому его доли пищи должно быть соблюдено самое строгое равенство, то с тем большим основанием пробуждается это стремление к равенству, когда дело коснется распределения земли, которая должна доставить эту пищу всей семье. Ибо раздел земли совершается посемейно, пропорционально количеству членов семьи (душ) мужского пола.

С полным правом говорят, что разливы Нила заставили египтян изобресть первые начатки геометрии, чтобы иметь возможность распределять поля, пограничные знаки которых уносились разливами реки. Обращение пашни после жатвы опять в общее достояние, ее общий ежегодный передел вызывали у других народов такую же необходимость, что и разливы Нила.— Первобытные люди всех стран должны были, независимо друг от друга, открыть методы межевания, не проходя при этом школы египтян. Измерять можно только тогда, когда уже есть уменье считать. Счет стада, по всей вероятности, укрепил понятие числа и развил приемы счета, раздел земель породил понятие меры, а изобретение посуды привело к понятию об'ема.

Пахотные земли разделялись на прямоугольники, на очень длинные и очень узкие параллелограммы. Actus, поземельная мера первобытных римлян, имела 40 метров в длину и полтора метра в ширину. Прежде чем первобытные люди научились измерять поверхность параллелограмма путем умножения основания на высоту, следовательно, до того еще, как они научились сравнивать параллелограммы, они чувствовали себя вполне удовлетворенными только в том случае, если земельные участки, приходившиеся на долю каждой семьи, заключались между прямыми линиями одинаковой длины; они получали эти прямые путем откладывания на земле одной и той же палки одинаковое число раз [53]). Палка,

---

получало равную часть; только архонт — член совета у древних — имел право на четыре порции: одну — в качестве гражданина, другую — как председательствующий за столом, а две остальных — для поддержания помещения и, по всей вероятности, для слуг. Каждый стол находился под наблюдением старейшей в семье, распределявшей пищу между сотрапезниками. Эта функция распределительницы, предназначавшаяся женщине, производила такое сильное впечатление на доисторических греков, что судьбу и рок они олицетворяли в богинях Мойре, Айссе и Керах, имена которых означают долю, причитающуюся при дележе припасов или добычи.

[53]) «Способы межевания древних египтян, — говорит Поль Таннери, — менее совершенны, чем приемы ученых греков, иногда они приходят к довольно неточным геометрическим формулам. Так, египтяне измеряли площадь четырехугольника произведением полусумм противоположных сторон. Эта и другие такие же неправильные фор-

служившая для измерения длины прямых полос, почиталась священной. Египтяне считали локоть, т.-е. единицу меры длины, символом справедливости и истины: то, что измерено локтем, — истинно и справедливо [54]).

Участки, заключенные между прямыми линиями, одинаковой длины — успокаивали дух равенства и не давали места спорам. Итак, проведение прямой линии есть важная часть действия; раз прямые линии проведены — отцы семейств были довольны; — их чувство равенства получало полное удовлетворение. По этой причине греческое слово orthos (ортос), выражавшее сначала то, что находится на прямой линии, переносится затем на то, что означает истинное, правосудное и справедливое [55]). Так как прямая линия приобретает власть укрощать их дикие страсти, то она, по необходимости, приобретает в их глазах священный характер. Именно путем аналитичного суждения пифагорейцы, ослепленные свойствами изучаемых чисел, приписывали числу 10 — вещий характер, да и все народы придали первым числам мистическое свойство. Поэтому понятно, что прямая линия воплощала для людей времен первых земельных разделов — все, что казалось им справедливым.

Дух равенства был так неукротим в первобытных людях, что для того, чтобы дележ земли, разделенной на узкие полосы одинаковой длины, не вызвал раздоров, полосы

мулы, перенесенные в средневековье преемниками римских землемеров, сохранились в Европе в общих чертах до эпохи Возрождения». Pour l'histoire de la Science hellene. Из истории эллинской науки. 1887.

[54]) Гахтсгаузен'а сообщает в своем любопытном Путешествии в Россию, что он видел в Ярославской губернии шесты, почитавшиеся священными межевыми мерами. Длина шестов находится в обратном отношении к качеству земли; наиболее короткая служит для измерения наилучшей земли; а наиболее длинная — для земель низшего качества: «все участки неодинаковы по величине и одинаковы по стоимости».

[55]) Корень or в греческом языке служит образованию связанных с земельным разделом трех рядов слов, кажущихся противоречивыми, но в действительности дополняющих друг друга.

1. Идея движения по прямой линии:

Or-thos—прямой, вертикальный, истинный, правосудный, справедливый: or-mé—движение вверх, взлет, порыв, страсть»; or-numi or-inô—привести в движение, возбуждать; or-ugma—ров, подземная галлерея; or-ux—заступ; or-thoô—выпрямлять; or-thosios Zeus—Зевс, исправляющий несправедливость.

2. Идея ограничения:

Or-os — рубеж, граница; or-izô — класть предел, ограничивать, определять, постановлять; or-ios—то, что служит границей; Zeus or-ios—Зевс, охранитель границ; theos orios—бог-предел.

3. Идея бдительности:

Ouros—стража, страж; pul-or-os—привратник; tima-or-os—тот, кто наказывает, мстит; or-mai—наблюдать, охранять.

эти распределяли, до изобретения письма, путем жребия с помощью камешков (галек). Поэтому греческое слово kleros, означающее гальку, камешек, переносится на жеребьевый участок, затем на родовое имущество, судьбу, условие, страну.

Идея справедливости была, при своем возникновении, так тесно связана с разделом земли, что греческое слово nomos, означающее привычку, обычай, закон, имеет корнем nem, от которого произошла многочисленная семья слов, содержащих понятие пастбища и дележа [56]).

Nomos, слово, употреблявшееся вначале исключительно для обозначения пастбища, приняло с течением времени многочисленные и несходные значения (местопребывание, жительство, привычка, обычай, закон), которые являются вместе с тем историческими осадками, отлагаемыми в процессе эволюции человечества. Если развить хронологический ряд этих значений, то можно обозреть главные этапы, пройденные доисторическими народами. Nomos — пастбище — напоминает о пастушеской, кочевой эпохе; когда же номад (nomas) перестает кочевать, — nomos употребляется для обозначения местопребывания, жительства. Но когда пастушеские народы оседают, — выбирают себе жительство в какой-нибудь местности,—они неизбежно должны разделить землю; тогда nomos получает смысл дележа. А когда земельные разделы становятся бытовым явлением, тогда nomos получает свое последнее значение — обычая, закона, так как закон является вначале не чем иным как кодификацией быта, обычая. В греческом языке византийского периода и современной эпохи nomos сохраняет уже только значение закона. От nomos происходит nomisma — то, что установлено обычаем, религиозной практикой; nomizô — соблюдать обычай, мыслить, судить; nomisis — культ, религия; Némesis — Немезида, богиня распределяющей справедливости, и т. д. Все эти слова являются также свидетелями действия, оказанного земельными разделами на человеческую мысль.

---

[56]) Nomô—делить, распределять, затем — поступать с кем-нибудь согласно закону; nomé—пастбище, дележ, участок; nomas—номад — кочевник, переходящий с места на место за своим стадом; nomos—первоначально пастбище, потом местопребывание, жительство, дележ и наконец обычай, закон; nomizô—соблюдать обычай, закон, мыслить, верить, судить; nomisma—вещь, установленная обычаем, законом, религиозной практикой, монета; nomisis—культ, религия, вера; Némesis—гнев богов против тех, кто покушается на чужие права; Немезида — богиня, распределяющая справедливость; epinomia — право на пастбище; pro-nomia — привилегия.

Филологическое происхождение указывает, что идеи дележа, жительства, привычки, обычая, закона, мысли, суждения, веры, религии,—все исходят из одного и того же источника, из необходимости делить землю.

Раздел общих родовых земель открывает пред воображением доисторических людей врата в новый мир. Он производит такой силы и глубины переворот в инстинктах, страстях, идеях и нравах, какого в наши дни не произвел бы возврат капиталистической собственности в общее достояние. Для того, чтобы в умы первобытных людей могла проникнуть странная и противоестественная идея, что они не смеют больше даже дотронуться к плодам и жатве соседних полей, находящихся на расстоянии их руки, — они должны были прибегать к ссылкам на какое угодно колдовство, которое только способно было изобрести их воображение.

Каждое поле, предназначенное жеребьем на долю какой-нибудь семьи, окружалось нейтральной зоной, как территория племени. Римский закон двенадцати таблиц определял ее ширину в пять футов. Межевые знаки определяли границу полей; сначала это были кучи камней или бревен и лишь позднее им придали форму столбов с человечьей головой, а иногда и с руками. Эти груды камней, эти обрубки деревьев были для греков и римлян богами; давалась клятва не перемещать их [57]). Земледелец не должен был приближаться к ним из страха, чтобы «бог, почувствовав удар лемеха плуга, не крикнул ему: — Остановись, это поле мое, а там — твое» (Овидий, Fastes). «Проклят нарушающий межу ближнего своего! И весь народ скажет: «аминь»,—грозит Иегова (Второзаконие, XXVII, 17). Этруски призывали все проклятия на голову виновного: «Тот, кто переместит межевой знак, — говорит одно из их священных проклятий (анафем), — будет осужден богами, его дом исчезнет, его род пресечется, его земля не будет больше производить плодов; пусть град и ржа и летний зной уничтожат его жатвы; его члены покроются язвами и станут гнить». — Пусть частная собственность принесла человечеству правосудие,— зато она изгнала из его среды братство.

Ежегодно, в терминалий — праздник межеваний — владельцы смежных полей Лациума обвивали гирляндами межевые знаки, приносили жертву медом, зерном и вином и закалывали ягненка на жертвеннике, воздвигнутом именно для этого случая, ибо запятнать священный межевой знак, даже жертвенной кровью, считалось преступлением.

Если верны слова латинского поэта [a]), что страх породил богов, то еще вернее, что с тех пор, как была введена частная собственность, боги были выдуманы только для того,

---

[57]) Платон в своих Законах говорит: «Первым нашим законом должен быть следующий: пусть никто не коснется межевого знака, отделяющего его поле от поля соседа, ибо знак этот должен оставаться недвижным; пусть никто не осмелится сдвинуть камень, ведь клятвой обязались оставить его на месте».

чтобы внушать страх.—Греки создали страшных богинь, чтобы обуздать захватнический инстинкт и устрашить покушающихся на чужую собственность. Дикэ и Немезида принадлежали к этой категории божеств; они родились после введения земельных разделов, на что указывают их имена; на них было возложено поддерживать новые обычаи и карать их нарушителей. Дикэ, ужасная, подобно Эринниям, — с которыми она соединяется, чтобы устрашать и наказывать, — умиротворяется по мере того, как люди научаются уважать новые земельные обычаи; она мало-по-малу теряет свой отвратительный вид. Немезида присутствовала при разделах и следила за справедливым распределением земель. На барельефе, изображающем смерть Мелеатра, Немезида представлена со свитком в руке, в который вписаны участки, доставшиеся каждой семье; нога ее покоится на колесе Фортуны. Чтобы понять эту символику, необходимо вспомнить, что земельные участки доставались путем метания жребия [58]).

Греки были так глубоко убеждены в том, что земледелие и раздел земли породили законы и правосудие, что они сделали богиней плодородия Деметру, богиню аркадских

---

[58]) Земледелие оказало решительное влияние на умственные способности первобытных людей; так, оно, например, изменило их взгляды насчет времени. Часы означали в греческой мифологии деление не дня, а года; их было первоначально только двое: час весны Талло, имя которого означает зеленеть, цвести, и час осени Карпос, что значит—плод. Весна и осень — важнейшие времена года для дикаря, не обрабатывающего землю и питающегося плодами, которые она сама приносит. После раздела земель число часов повысилось до трех: Дикэ, Эвномия, имя которой означает хорошее пастбище, правосудие, наблюдение за обычаем и Эйрения, что означает мир. Гезиод описывает их в своей Теогонии, как богинь, дающих людям обычай и устанавливающих между ними мир и правосудие, подобно Деметре-Тесмофоре.

Пока люди живут охотой, рыбной ловлей и сбором плодов, им безразлично, в какое время года воевать. Но когда у них появляются поля, которые им нужно засевать и убирать, они должны приостанавливать в течение известных периодов года войны между племенами и устанавливать сроки перемирия для посева, жатв и других полевых работ. Они создают тогда час мира, Эйрению и отдают эти сроки перемирия под ее покровительство. Средневековые католики отдавали их под покровительство бога и называли их перемириями бога. Эйрения происходит от слова eirô — говорить. В Лакедемонии словом eiren назывался молодой человек в возрасте старше двадцати лет, имевший право голоса в общественных собраниях. Во время периодов, посвященных полевым работам, споры между племенами и селениями разрешались, но уже не оружием, а словами,—отсюда Эйрения, что значит говорящая богиня.

Земледелие могло иметь влияние и на письмена,—на это как будто указывает древний способ письма, которым пользовались греки, китайцы и др.; он состоит в том, что пишут попеременно, слева направо и справа налево, возвращаясь по своим следам, как делают это быки на пашне.

пастухов, у которых она носила имя Эриннии, — Деметру, не игравшую никакой роли в обоих гомеровских поэмах. Деметра посвятила людей в тайну земледелия и установила между ними мир, давши им обычаи и законы. На самых старых памятниках Деметра изображается с головой, увенчанной колосьями; она держит в руке земледельческие орудия и мак, — символ плодородия благодаря бесчисленному множеству своих зерен. Но на самых поздних изображениях, представляющих ее уже как законодательницу (thesmophora), — Деметра заменяет свои древние атрибуты стилетом, — узким кинжалом, служащим для вырезывания на камне текста обычаев и законов, относящихся к разделу земли, — и свитком, в который вписывались акты собственности [59]).

Но самые страшные богини и самые ужасные проклятья и анафемы, — пусть и смущали глубоко фантастическое и наивное воображение народов, находящихся в младенческом состоянии, — однако, оказались бессильными обуздать захватнический инстинкт и закоренелую привычку завладевать предметами, в которых ощущалась нужда. Поэтому пришлось прибегнуть к телесным наказаниям неслыханной жестокости, находившейся в полном противоречии с чувствами и нравами дикарей и варваров. Правда, они добровольно подвергали себя ударам, чтобы подготовиться к жизни, полной непрерывных войн, но они никогда не придавали им характера наказаний. Дикарь никогда не бьет своего ребенка; это отцы-собственники изобрели такое отвратительное правило: сильно любить — сильно бить. — Преступления против собственности наказывались более жестоко, чем преступления против личности. — Гнусные кодексы жестокого правосудия вступили в историю вслед за превращением земли в семейную собственность и как следствие этого превращения.

Собственность отмечает свое появление тем, что научает варваров попирать благородные чувства равенства и братства. Против тех, кто покушается на чужую собственность, издаются законы, карающие виновного смертью. «Тот, кто ночью тайком срежет или скормит стаду сбор продуктов плуга, — предписывает закон двенадцати таблиц, — тот будет, если он совершеннолетний, принесен в жертву Церере и предан смерти; если же это несовершеннолетний, то он будет подвергнут палочным ударам по усмотрению магистрата и присужден к возмещению ущерба в двойном размере. Вор явный, т.-е. застигнутый на месте преступления, будет наказан, если это

---

[59]) Мифологическая галлерея Миллена (Париж, 1811) воспроизводит многочисленные медали, камеи, вазы, барельефы и т. п., на которых Деметра фигурирует со своими различными атрибутами.

человек свободный, палочными ударами и обращен в рабство... Поджигатель пшеничного скирда будет подвергнут бичеванию и предан смерти через сожжение» (таблица VIII, 9, 10, 14). Бургундский закон превосходит своей жестокостью эти римские законы. Он присуждает к обращению в рабство жену и детей до четырнадцатилетнего возраста, если они не донесут немедленно: первая—на своего мужа, вторые—на своего отца, виновного в краже лошадей или быков (XLVII, 1, 2). — Собственность ввела донос в недра семьи.

Частная собственность на движимое и недвижимое имущество со времени своего появления породила инстинкты, чувства страсти и идеи, процесс развития которых шел на уровне процесса ее изменений; они будут существовать до тех пор, пока будет существовать частная собственность.

Талион заронил в человеческий ум семя идеи справедливости; оно должно было быть оплодотворено разделом земли, положившим основу частной недвижимой собственности, и должно было принести свои плоды. Талион научил человека обуздывать свою жажду мести и подчинять ее регламентации. Собственность подчинила игу религии его захватнический инстинкт. Роль собственности в выработке права получила такой перевес и до того затемнила первоначальное действие талиона, что даже такой проницательный народ, как греки, и такие тонкие умы, как Гоббс и Локк, не заметили этого. Действительно, поэтическая Греция приписывает составление законов единственно богиням, присутствующим при разделе и обработке земли. Гоббс полагает, что до образования собственности «в первобытном состоянии совершенно нет несправедливости, которую один человек мог бы причинить другому», а Локк утверждает, что положение, — «там, где нет собственности — нет несправедливости,— столь же достоверно, как любая аксиома Эвклида, так как понятие собственности заключается в праве на вещь, а понятие, которому соответствует слово несправедливость, — в нападении или нарушении этого права» [60]). Греки и их глубокие мыслители, загипнотизированные собственностью и забывшие о человеческом существе с его инстинктами и страстями, вычеркивают талион — этот первый и главный фактор истории. Эволюцию человека и созданных им обществ можно понять и об'яснить только в том случае, если принять во внимание взаимодействие и воздействие человеческой энергии на экономические и социальные силы и обратно.

---

[60]) Гоббс.—О гражданине,—замечание, прибавленное к французскому переводу Сорбьера.—Локк.—Опыт о человеческом разуме.

Дух равенства не знал и не мог найти ничего другого для ослабления жажды мести, кроме талиона; когда начали делить пищу, добычу и землю, этот самый дух равенства повелительно требовал равных частей для всех, чтобы «все имели одинаковые вещи», согласно формуле Тезея.

Удар за удар, возмещение, равное нанесенному ущербу, и равные части при распределении средств к существованию и земли, — вот единственные идеи справедливости, доступные пониманию первобытных людей. Идея справедливости, — выражавшаяся у пифагорейцев аксиомой: не нарушать равновесия в чашках весов, — стала, со времени ее изобретения, атрибутом правосудия.

Но идея справедливости, которая по своему происхождению есть не что иное как проявление духа равенства, начинает под действием частной собственности, образованию которой она способствовала, освящать неравенство между людьми, порождаемое этой собственностью.

И действительно, собственность может упрочиться только путем приобретения права защиты против захватнического инстинкта. А это право, раз приобретенное, становится независимой и самодвижущейся социальной силой, господствующей над человеком и обращающейся против него.

Право собственности приобретает такую законную силу, что Аристотель отожествляет справедливость с уважением к законам, защищающим ее, а несправедливость — с нарушением этих законов. Декларация прав человека и гражданина революционной буржуазии 1789 г. возводит собственность в «естественное и неписанное право человека» (ст. II). А папа римский Лев XIII, — в своей знаменитой энциклике о положении рабочих, превращает частную собственность в догмат католической церкви. — Дух следует за материей.

Варвар заменил пролитую кровь собственностью; собственность заменила собой самого человека; человек в цивилизованном обществе обладает только теми правами, какие дает ему собственность.

Справедливость, — подобно тем насекомым, которые сейчас же после рождения пожирают свою мать, — разрушает породивший ее дух равенства и освящает порабощение человека.

Коммунистическая революция, отменяя частную собственность и давая «всем одинаковые вещи», освободит человека и возродит дух равенства. Тогда идея справедливости, преследующая человеческий ум со времен возникновения частной собственности, исчезнет, как самый страшный кошмар, когда-либо мучивший печальное цивилизованное человечество.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИДЕИ ДОБРА

I

Образование героического идеала

Для обозначения материальных благ и блага морального в главнейших европейских языках употребляется одно и то же слово. Можно заключить, не боясь обвинений в вольности, что это же явление должно встретиться в наречиях всех народов, достигших известной ступени цивилизации, потому что теперь известно, что все они прошли через одни и те же фазисы материальной и духовной эволюции. Вико, предчувствуя этот исторический закон, утверждает в Новой науке, что в «природе и в человеческих вещах необходимо должен существовать умственный язык, общий всем народам; этот язык единообразно обозначает сущность вещей, являющихся действующими причинами общественной жизни; он складывается во столько различных форм, сколько различных видов могут представлять вещи. Доказательством этому служит тот факт, что пословицы,— эти изречения народной мудрости,— по самому смыслу своему, одинаковы у всех древних и современных народов, хотя и выражены в самой разнообразной форме».

Я указал в предшествующих очерках — о происхождении абстрактных идей и идеи справедливости — повороты и изгибы, пройденные человеческим духом для того, чтобы в египетских иероглифах дать абстрактную идею материнства в образе грифа и идею справедливости — в мере локоть. В этом очерке я хочу последовать за человеческим духом по мучительному пути, пройденному им, чтобы слить в одном слове блага материальные с благом моральным, — с «Добром».

Слова, служащие в современных латинском и греческом языках для обозначения материальных благ и Добра, — имели своим происхождением качества человека.

Agathos (по-гречески) — сильный, мужественный, великодушный, добродетельный и т. д.

Та agatha — блага, богатства .

То agathon — Добро; to akron agathon — высшее Добро.

Bonus[61]) (по-латыни) — сильный, мужественный и т. д.

Bona — достояние, bona patria — родовое имущество.

Bonum — добро.

Agathos и bonus суть родовые прилагательные; наделяемые этим эпитетом греки и римляне времен варварства обладали всеми физическими и моральными качествами, требуемыми для идеала героя. Множественное число превосходной степени этих прилагательных (aristos, esthlos beltistos и optimus) употребляется и как имена существительные для обозначения лучших и первых из граждан: историк Веллей Патеркул называет оптиматами — optimates — римских патрициев и богатых плебеев, соединившихся против греков.

Сила и мужество — первые и самые необходимые добродетели первобытных людей, находящихся в беспрестанной борьбе друг с другом и с природой[62]). Дикарь и варвар, силь-

---

[61]) То же самое явление наблюдается во французском языке. Bon (добрый) в древне-французском языке означает мужественный; Песнь о Роланде употребляет его всегда в этом значении:

Franceis sunt bon, ti ferrunt vassalement.—Французы храбры, они смело ударят (XCI).

Говоря об архиепископе Тюрпене, Роланд произносит:

Li arcevesque est mult bon chevaliers.
Nen ad meielur en terre desuz ciel,
Bien set ferir e de lance e d'espit.

(Архиепископ очень мужественный рыцарь: — лучше его нет на земле под небесами,—он умеет хорошо бить пикой и копьем. CXLV).

Король Иоганн был прозван добрым за свое мужество. Коммен, писавший в XV веке, говорит о храбрых людях — bons homs (добрые люди). Слово goodman (добрый человек) служило в английском первоначально для обозначения солдата, затем — отца семейства, хозяина дома и, наконец, подобно французскому bonhomme стало прилагаться к крестьянам: goodman Hodge, Hodge (простяк Годж), презрительное прозвище крестьян. Без сомнения, именно тогда, когда bonhomme стало прилагаться к крестьянам, вообще,—к крестьянам, которых грабили дворянство и военщина (vivre sur le bonhomme—жить за счет крестьянина — было ходячим выражением), — это слово приняло значение «смешного», которое оно сохранило до настоящего времени. Согласно Дюканжу, слово bonhomme некоторое время означало обманутого мужа. Через прибавление окончаний good и bon становится синонимом смешного—goody, bonasse. Agathos и bonus не могли в древности приобрести такого значения; только в средневековой латыни встречается bonatus, т. е. простодушный. Писатели византийского периода употребляют agathos главным образом в смысле—нежный, добрый. Современные уличные мальчишки в Афинах употребляют, кажется, это слово в смысле—дурак.

[62]) Физическая сила ценилась так высоко, что в третьей песне Илиады Елена, указывая на греческих вождей троянским старцам, отличает Одиссея от Менелая и Аякса не по возрасту, не по лицу и характеру, а по его силе, так как Одиссей превосходил их шири-

ные и мужественные, обладали сверх меры и остальными добродетелями их идеала, поэтому они под одним прилагательным подразумевали все физические и моральные качества. Сила и мужество настолько заменяли тогда всякую добродетель, что латиняне, создав для обозначения физической силы и мужества слово virtus, стали употреблять его в смысле добродетели. Греки последовательно придавали те же значения слову areté, а метательное копье, первобытное оружие, которое по-гречески называется kalon, стало позднее служить для обозначения прекрасного; по-латыни оно называется quiris и означает римского гражданина. Варрон сообщает нам, что римляне первоначально изображали бога Марса в виде метательного копья.

Сила и мужество неизбежно должны были впоследствии воплотить в себе всю сумму добродетели, потому что все физическое и моральное воспитание дикарей и варваров сводилось к подготовке к битвам, к приобретению храбрости в борьбе с опасностями, к развитию физических сил для того, чтобы переносить усталость и лишения, и нравственных сил,—чтобы не ослабевать во время пыток, которым подвергались пленники. С самого детства тела их приобретали путем гимнастических упражнений гибкость и крепость, закалялись постом и ударами, от которых они нередко погибали. Перикл в своей речи при погребении первых жертв пелопонесских войн противопоставляет героическое воспитание,—еще бывшее в силе в Спарте, оно охраняло древние нравы,—тому воспитанию, которое получала молодежь в Афинах, где уже началась эпоха буржуазной демократии. «Наши враги,—говорит он,—с раннего детства развивают в себе мужество самыми суровыми упражнениями, а мы, нежно воспитанные, не имеем даже желания подвергать себя тем же опасностям». Ливингстон, встретивший у африканских племен те же героические нравы, произвел на их начальников впечатление подобного контраста между английскими солдатами и негрскими воинами.

Так как мужество считалось в древности воплощением всяческой добродетели, то трусость необходимо должна была стать пороком; поэтому слова, kakos и malus—по-гречески и латыни значат трус и, кроме того, также—зло, порок[63]).

ною плеч. Диодор Сицилийский, перечисляя качества Эпаминонда, приводит сначала его физическую силу, а затем уже силу его красноречия, его великодушие и стратегическое искусство.

[63]) Imbellis, imbecillis — значит: неспособный к войне; это слово употребляется латинскими писателями главным образом в смысле трус, слабый телом и духом. Malus имеет более общий смысл, оно служит определением того, кто не обладает необходимыми физическими и нравственными добродетелями.

Когда варварское общество разделилось на классы,— патриции захватили себе монополию на мужество и на защиту отечества. Эта монополия, употребляя выражение буржуазной экономии, была «естественной», хотя и для буржуа нет ничего более естественного, как посылать в колониальные экспедиции рабочих и крестьян, и даже, если это возможно, доверять защиту отечества пролетариям, не обладающим ни одним дюймом земли, ни одним зубцом машины. Патриции сохраняли за собой, как привилегию, защиту отечества, ибо тогда отечество имел только тот, кто обладал клочком земли. Чужестранцы, жившие по торговым и промышленным делам в каком-нибудь древнем городе, не могли обладать домом, в котором от отца к сыну передавалась торговля; они оставались чужестранцами, хотя бы на протяжении поколений жили в городе. Трехвековой борьбы стоило римским плебеям,—после поражения на Авентинском холме,—получить в собственность участки, на которых они строили дома. Иностранцы, пролетарии, ремесленники, купцы, колоны, крепостные и рабы были отстранены от военной службы, не имели права носить оружие, не имели даже права обладать мужеством, которое составляло привилегию класса патрициев [64]). Фукидид сообщает, что спартанская знать приказала изменнически убить 2.000 илотов, только что спасших своею храбростью республику — Спарту. С момента, как плебеям было запрещено принимать участие в защите их родной страны и, следовательно, обладать мужеством,—трусость необходимо стала господствующей добродетелью плебеев, как мужество было господствующей добродетелью аристократии. Поэтому греческое прилагательное kakos,— трусливый, низкий, злой, — становится характерным для плебея, тогда как aristos, превосходная степень от agathos, означает члена класса патрициев. По-латыни malus значит также—некрасивый, безобразный, каковыми в глазах патрициев были рабы и ремесленники, обезображенные, по словам Ксенофонта, их ремеслом, между тем как гимнастические упражнения гармонически развивали тело аристократа [65]).

---

[64]) Даже в демократических Афинах времен Аристофана купцов не принуждали к военной службе. Сикофант в его Плутусе об'являет, что он становится купцом, чтобы не итти на войну.

Плутарх говорит, что Марий «для того, чтобы победить кимвров и тевтонов, презрел законы и обычаи, призвал в войска рабов и людей без роду и племени (т.-е. бедных). Ни один полководец до него не принимал их в свои войска; они вверяли оружие, как и всякие другие республиканские почести, только достойным этого людям, явное богатство которых отвечало за их верность».

[65]) «Ремесленные работы обезображивают тело и понижают ум-

Патриций древнего Рима был bonus, а эвпатрид гомеровской Греции—agathos, потому что тот и другой обладали физическими и нравственными добродетелями героического идеала,— единственного идеала, который мог сложиться в социальной среде, в которой они вращались: они были храбры, великодушны, имели сильное тело, обладали душевным стоицизмом, были землевладельцами, т.-е. членами племени или рода, владевшими территорией, на которой они проживали [66]).

Варвары, занимавшиеся только скотоводством и зачатками земледелия, со страстью отдавались разбою и пиратству, чтобы дать исход избытку своей физической и моральной энергии и чтобы овладеть имуществом, которого они не умели и не могли добыть другим путем. В одной греческой поэме (Le Scolion d'Hybrias), от которой осталась только одна строфа, герой-варвар поет: «Мое богатство — мое копье, мой меч и мой щит, они — защита моего тела; ими я вспахиваю землю, ими я жну, ими я выжимаю сладкий сок винограда; из-за них я зовусь хозяином mnoia» — толпы рабов коммуны. Архилох, продажный авантюрист, живший войной, тоже поет: «Острием копья добываю я хорошо испеченные лепешки, острием копья добываю я доброе измаросское вино; чтоб пить его, я опираюсь на свое копье» [67]).

Цезарь сообщает, что свевы ежегодно посылали половину своего мужского населения в разбойничьи экспедиции; скандинавы по окончании посевов садились на свои суда и отправлялись грабить берега Европы; греки, во время Троянской войны, бросали осаду, чтобы предаваться грабежу. «Ремесло пирата не представлялось тогда постыдным, оно вело к славе», — говорит Фукидид. Капиталисты очень чтут это ремесло, колониальные экспедиции — не что иное как грабительские войны; но если капиталисты осуществляют свои пиратские набеги, используя для этого пролетариев,— то герои - варвары платили за них своей собственной жизнью. Обогащаться считалось тогда почетным только путем войны, поэтому сбережения сына римской семьи носили

ственный уровень, вот почему люди, занимающиеся этим делом, никогда не призываются на общественную службу». Ксенофонт, Экономика.

[66]) Эпитет стоический, прилагаемый к героям варваров, является анахронизмом только в смысле выражения. Это слово было создано для учеников Зенона, который учил в портике — по гречески stoa. Варвары обладали именно той моральной силой, к которой стремились стоики.

[67]) Рыцари конца средневековья, разоренные крестовыми походами и лишившиеся своих земель в междоусобных войнах, жили только разбоем и, подобно греческим героям, называли добычу, приобретенную в сражениях, «жатвой меча».

название peculium castrense—имущество, добытое на войне. Позднее, когда эти сбережения стали увеличиваться приданым жены, то и оно получило название peculium quasi castrense — имущество, как бы добытое на войне. Полководцы поощряли грабеж: Ификрат, афинский полководец времен Фокиона,—как передает Плутарх,—«желал, чтобы наемный солдат был жаден к деньгам и удовольствиям, потому что в поисках удовлетворения своих страстей он с тем большим усердием пойдет навстречу всякой опасности». Этот всеобщий грабеж сообщал средневековой пословице — «кто имеет землю — имеет войну» — характер точной истины. Собственники стад и жатв никогда не складывали оружия; с оружием в руках они выполняли все функции совместной жизни. Жизнь героев была долгим сражением; они умирали молодыми, как Ахилл, как Гектор. В ахейском войске было только два старика — Нестор и Феникс. Состариться было тогда таким исключительным явлением, что старость стала привилегией,—первой привилегией, проникшей в человеческое общество.

Патриции, возложившие на себя защиту отечества, естественно оставляли за собой участие в государственном управлении; оно доверялось только отцам семейств. Но когда развитие торговли и промышленности привело к образованию в городах многочисленного класса богатых плебеев, они должны были дать им, после многих гражданских войн, место в правительстве. Сервий Туллий создал в Риме класс всадников из плебеев-владельцев имущества не ниже 100.000 сестерций (около 5.250 фр. = 2.000 руб.) по оценке; каждые пять лет состав класса всадников подвергался пересмотру, и всадники теряли свое звание, если их имущество оценивалось ниже ценза — прямо или благодаря их долгам. Солон, разбогатевший от торговли, учредил сенат и трибуналы в Афинах для всех тех, кто имел средства содержать походную лошадь (hippeis) и пару быков (zeugitai). Во всех городах, о которых история сохранила память, находятся следы подобной революции, и везде богатство, дозволявшее содержать походную лошадь, давало политические права. — Новая аристократия, бравшая начало в богатстве, собранном торговлей, промышленностью и в особенности ростовщичеством, могла добиться положения и удержать свое первенство только путем приспособления к героическому идеалу патрициев и путем участия в защите города, в управлении которым она участвовала [68]).

---

[68]) Аристофан, — адвокат аристократической партии и противник афинской демократии, — противопоставляет древние нравы новым, и, по странной непоследовательности, мечет самые ядовитые стрелы

В древние времена представить себе собственника без воинских добродетелей было так же невозможно, как в наши дни представить себе директора рудника или фабрики химических продуктов без административных способностей, или различных научных познаний. Собственность была тогда требовательна; она требовала от своего обладателя моральных и физических качеств; один факт обладания собственностью заставлял предполагать обладание добродетелями героического идеала, потому что завоевать и сохранить собственность можно было только при условии наличности этих качеств. Физические и моральные добродетели героического идеала были, в некотором роде, воплощены в материальных благах, сообщавших их своим собственникам. Точно так же в феодальную эпоху дворянский титул был связан с землей; барон, лишившийся своего замка, терял свой дворянский титул, переходивший к его победителю; то же было с барщиной и податями: они регулировались качеством земли, а не качествами владевшего ею лица [69]). Следовательно, не было ничего естественнее варварского антропоморфизма, одарявшего материальные блага нравственными качествами [70]).

своей сатиры больше всего в Ламаха, Клеона и демагогов, требующих и добивающихся, несмотря на оппозицию аристократии, продолжения войны со Спартой. Времена изменились. Древняя аристократия—крови и новая аристократия—богатства растеряли много своих воинственных чувств, сохранив в целости только чувство собственности. Война их не обогащала больше, она лишала их стад, опустошала их поля, истребляла их оливковые рощи и виноградники, уничтожала их жатвы, сжигала их дома. Аристофан сам имел собственность на Эвбее, бывшей одним из полей сражения в Пелопонесской войне. Платон, — который, в качестве идеалиста, является пламенным защитником собственности, — требует в Республике от греков постановления, чтобы во всех междоусобных войнах запрещено было сжигать дома и жатвы; этот военный обычай можно позволять только в варварских странах.

[69]) Расходная книга аббатства Сен-Жермэн-де-Пре, относящаяся к IX столетию и опубликованная в 1847 г. Жераром под заглавием Polyptique de l'abbé irminon, — Поземельная книга аббатства Ирминон, — распределяет многочисленные земли монашеской общины по трем категориям: хутора — свободных, временно-обязанных и крепостных; эти земли различно облагались как личными повинностями, так и натуральными налогами безотносительно к качествам лиц, занимавших эти хутора. Таким образом, семьи крепостных, занимавшие хутор свободных, платили меньше оброка и податей, чем свободные люди, занимавшие крепостной хутор.

[70]) Обратное явление—гиппоморфизма—происходит в средние века. Дворяне, сохранившие за собой право сражаться на коне, получали такое превосходство во время сражений, что лошадь, казалось, сообщала феодальному барону воинскую честь. Поэтому он, подобно древним богачам, принял имя своего верхового животного и назвался chévalier, caballero и т. д. Его наиболее ценившиеся добродетели производились от лошади (chevaleresque, caballerescos, chivalrous и т. д.). Для Дон-Кихота лошадь была та-

Роль защитника отечества, которую собственники сохраняли за собой, не была синекурой. Аристотель в своей Политике замечает, что морские и сухопутные поражения во время пелопонесских войн уменьшили численность богатых классов в Афинах. Во время войны с японцами высшие классы Тарента потеряли такое количество своих сочленов, что стало возможным установить демократию; а за тридцать лет до того число граждан в Арголиде так понизилось вследствие неудачных войн, что право гражданства пришлось даровать периэкам — колонам, жившим за чертой городских стен. Война производила такие опустошения в рядах воинственной спартанской аристократии, что та стала бояться вступать в войну. Состояние богачей и их личность находились в безусловном неограниченном распоряжении государства. Греки отличали между ними леитургов, триерархов и т. д., которые должны были оплачивать издержки общественных празднеств и вооружения галер флота. Когда после греко-персидских войн пришлось восстановить стены Афин, разрушенные персами, то для этого пришлось разобрать общественные здания и частные дома, чтобы получить материалы для восстановления.

Так как только собственникам движимого и недвижимого имущества дозволялось быть храбрыми и обладать добродетелями героического идеала; так как без обладания материальными благами эти нравственные качества бесполезны и даже вредны для их обладателей, — что доказывает вышеприведенное избиение 2.000 илотов; так как обладание материальными благами было основой существования нравственных добродетелей, — то, следовательно, не было ничего более логичного и естественного, как отождествить нравственные качества с материальными благами и слить их в одном слове.

II

Разложение героического идеала

Экономический процесс и порожденные им политические события разрушили героический идеал и расторгли первобытный союз между нравственными добродетелями и материальными благами, — союз, столь наивно запечатленный в языке.

Раздел пахотных земель, находившихся в общем владении всех членов рода, положил начало неравенству между

ким важным признаком странствующего рыцарства, что потребовалась вся его казуистика, чтобы позволить Санхо-Панчо следовать за ним верхом на осле.

ними. Земли, под действием многих причин, сконцентрировались в руках нескольких семейств и, наконец, даже попали во владение иностранцев; поэтому все возрастающее число патрициев оказалось лишенным своих поместий; они бежали в города, где жили паразитами или,—как говорит Сократ,—трутнями. Да иначе и быть не могло. В античном, да и во всяком обществе, основанном на рабстве, ручной — и даже умственный — труд выполнялся рабами; плохо оплачиваемый труд считался унизительным, за исключением труда в земледелии и по охране стад.

Политическое положение, созданное экономическим процессом, изложено Платоном в VIII книге Республики с силой и ясностью взгляда, восхищение которыми не может быть чрезмерным.—Жестокая борьба классов возмутила покой греческих городов. Олигархическое государство, т.-е. государство, основанное на цензе, говорит Сократ, «не является по своей природе единым, оно необходимо содержит в себе два государства: одно, состоящее из богачей, а другое — из бедняков, живущих на той же земле; оба эти государства устраивают друг против друга заговоры». Под бедняками Сократ разумеет не ремесленников, или — еще того менее — рабов, но только разорившихся патрициев.

«Самым большим недостатком олигархического государства является свобода, с какой каждому разрешается продавать свое имущество и приобретать чужое, а также разрешается тому, кто его продал, проживать в государстве, не занимаясь трудом ремесленника, или купца, всадника, гоплита, т.-е. не имея никакого другого звания, кроме звания бедняка [71])... Невозможно помешать этому беспорядку, ибо если бы можно было его предотвратить, тогда одни не обладали бы чрезмерными богатствами, а другие не были бы доведены до крайней нищеты... Члены правящего класса обязаны своей властью только огромным имуществам, которыми они обладают, поэтому они остерегаются подавить строгостью закона распущенность молодых гуляк и помешать их разорению, происходящему от мотовства. Они сами стремятся скупить их имущество или присвоить его ростовщическими займами и таким путем увеличить свои богатства и свою власть».

Концентрация имущества создает в государстве класс «людей, вооруженных жалами, подобно трутням. Одни из них обременены долгами, другие отмечены бесчестьем, третьи за-раз потеряли и имущество и честь; они находятся в по-

---

[71]) Сократ хочет сказать, что, не имея возможности содержать походную лошадь и не имея средств для покупки полного вооружения,—они не могут служить ни в качестве всадника, ни в качестве гоплита, т.-е. воина, имеющего все нужные боевые доспехи.

стоянном состоянии вражды и заговора против тех, кто обогащается остатками их состояния, и против остальных граждан; они не любят ничего, кроме революции... Однако ж жадные ростовщики, опустив голову и как будто не замечая тех, кого они разорили, продолжают, по мере того, как им попадаются другие, наносить им глубокие раны посредством денег, ссужаемых ими под большие проценты; умножая свои доходы, они умножают в государстве породу трутней и нищих».

Когда же трутни стали своим числом и буйством угрожать безопасности правящих классов, их послали основывать колонии; когда и этот источник стал недостаточным, богачи государства пытались успокоить их раздачей жизненных припасов и денег. Перикл мог удержаться у власти только с помощью выселения и кормления трутней. Он выслал 1.000 афинских граждан для колонизации Херсонеса, 500 — Наксоса, 250 — Андроса, 1.000 — Фракии и столько же для колонизации Фурий в Сицилии; он распределил между ними по жребию земли острова Эгины, жители которого были перебиты или изгнаны; он содержал трутней, от которых не мог освободить Афины, он им даже раздавал деньги на зрелища. Именно он ввел обычай платить 6.000 гражданам за исполнение обязанностей судей (dikastes) [72]), т.-е. почти половине того населения, которое пользовалось политическими правами. Плата судьям, составлявшая сначала один обол в день, была повышена демагогом Клеоном до трех оболов (приблизительно 15 коп.); ежегодная сумма этой подачки доходила до 5.560 талантов (приблизительно 1 млн. франков). Это составляло значительную сумму [2]) даже для такого города, как Афины. Поэтому, когда Пизандр отменил в Афинах демократическое правление, он отменил и оплату судей и постановил, что только солдаты будут получать жалованье, а что управление общественными делами будет доверено только 5.000 гражданам, способным служить государству своим состоянием и своей персоной. Для того, чтобы содержать и удовлетворять ремесленников, бывших заодно с трутнями, Перикл должен был предпринять обширные общественные работы.

Экономический процесс, лишивший часть патрицианского класса их владений, создал деклассированный, разоренный и революционный класс, развивавшийся быстрее в городах, которые по своему приморскому положению становились центром и торговли и промышленности. Класс плебеев, разбогатевших торговлей, промышленностью и ростовщичеством, уве-

---

[72]) Число граждан, имевших в Афинах политические права, составляло 14.040,—как показывает перепись, произведенная Периклом для раздачи зерна, присланного Афинам в дар из Египта.

личивался по мере того, как увеличивалось число разорившихся и ставших паразитами патрициев. Чтобы вырвать у господствующего класса политические права, эти разбогатевшие плебеи об'единялись с лишившимися владений аристократами; но как только они их добивались, они вступали в союз с властью для борьбы с обедневшими патрициями и бедными или малосостоятельными плебеями; но раз бедняки захватывали власть в городе, они отменяли все долговые обязательства, изгоняли богачей и пускали их имущество в раздел. Изгнанные богачи прибегали к иностранной помощи (интервенции) для того, чтобы вернуться в свой город, и в свою очередь избивали своих победителей.—Эта борьба классов обагряла кровью греческие города и подготовляла их к македонскому и римскому владычеству.

Экономический процесс и порожденная им борьба классов произвели переворот в тех условиях жизни, при которых вырабатывался героический идеал.

Экономический процесс произвел глубокие изменения в способе ведения войны. Пиратство и разбой, — излюбленные промыслы варваров-героев, — стали почти невозможным делом с тех пор, как усовершенствовалась крепостная защита и охрана городов. Солон, — хотя он и был главой торгового города и сам купцом, — принужден был в угоду укоренившимся обычаям основать в Афинах школу пиратов. Но устройство многочисленных колоний вдоль берегов Средиземного моря и — как следствие этого — развитие торговли заставили приморские города учредить морскую полицию и преследовать пиратов, промысел которых терял свой престиж по мере того, как уменьшались выгоды от него.

В организации морского и сухопутного войск произошли изменения существенной важности. Как и скандинавы, опустошавшие позднее европейские берега Атлантического океана, греки гомеровской эпохи, отправляясь в морские экспедиции, не брали с собой гребцов и матросов. Их плоскодонные суда, которые, согласно Гомеру, могли поднимать лишь от пятидесяти до ста двадцати человек, управлялись только воинами; они попеременно гребли и сражались; сражения происходили только на берегу, — Илиада не сообщает ни об одном морском сражении. Усовершенствования, внесенные коринфянами в постройку судов и увеличение их тоннажа сделали необходимым употребление наемных гребцов и матросов; эти уже не принимали участия в сражениях, которые гоплиты и легче вооруженные всадники давали на море и суше.— Наемничество, раз привившееся во флоте, было перенесено в сухопутные войска. Вначале эти войска состояли только из граждан, выступавших в поход с трех или пятидневным запасом пищи; пищу, лошадей и оружие они сами же

и доставляли. В дальнейшем они кормились за счет врага, когда истощались их припасы, и возвращались к своим очагам, как только кончался обычно кратковременный поход. Но когда война, перенесенная на далекие расстояния, потребовала долгого пребывания армии в боевой готовности, государство принуждено было снабжать воинов пищей. Перикл в начале Пелопонесской войны дал впервые в Афинах жалованье воинам, которые стали тогда солдатами, т.-е. наемниками; жалованье составляло две драхмы,— приблизительно 2 франка = 75 коп. в день гоплиту. Диодор Сицилийский говорит, что именно при осаде Вей римляне ввели плату в своих войсках. С того момента, как начинают платить за то, чтобы сражаться, война, как в гомеровские времена, опять становится доходной; образовались отряды солдат, в которые вербовались бедные граждане, деклассированные и разоренные патриции подобно тому, как уже существовали артели наемных гребцов и матросов, продававших свои услуги тому, кто больше давал [73]).

Сократ говорит, что олигархическое государство, — т.-е. государство, управляемое богачами,—«неспособно вести войну, потому что ему нужно вооружить толпу, а толпы оно должно бояться больше, чем врага. Такое государство или не должно пользоваться таким войском, или оно должно предстать в сражении с действительно олигархическим войском», т.-е. таким, которое комплектовано только из богатых граждан. Но новые потребности войны принуждали богачей укрощать свои страхи и нарушать древние обычаи; они заставляли их вооружать бедняков и даже рабов. Афиняне вербовали рабов во флот, обещая им свободу, и они освободили тех, кто храбро сражался при Аргинузах (в 406 г. до нашей эры). Сами спартанцы должны были вооружить и освободить илотов; они

---

[73]) Фукидид сообщает, что коринфские послы — в целях склонить на об'явление войны Афинам спартанцев, устрашенных морскими силами Афин,—сказали им: «Нам достаточно сделать заем, чтобы переманить повышенной платой афинских гребцов». Никий в письме, посланном из Сицилии, жалуется афинскому собранию на дезертирство солдат-наемников. Несколько лет спустя матросы покинули афинский флот в Малой Азии, чтобы перейти во флот Лизандра, давшего им большую плату.

Чтобы разбить греческую армию в Сицилии, карфагеняне вербовали греческих солдат, сделавших войну своим ремеслом. Александр нашел на службе у Дария греческих наемников, которых он простил за то, что они сражались с варварами против греков, и включил в свое войско. Наемничество уничтожило чувство патриотизма, столь сильное и глубокое у варвара;—сражающиеся греческие наемники встречались во всех армиях. Когда стоики и циники задолго до христиан заговорили о братстве людей, перекидывающемся за узкие стены древнего города, они этим только дали гуманистическое и философское выражение факту, порожденному экономическими и политическими событиями.

послали на помощь Сиракузам, осажденным афинянами, отряд из 600 гоплитов, составленный из илотов и вновь отпущенных—neodamodes. Правительство спартанской республики поразило бесчестьем спартанцев, сложивших оружие при Сфактерии, хотя многие из них занимали высокое общественное положение; в то же время оно даровало свободу илотам, доставлявшим жизненные припасы во время осады Сфактерии афинянами.

Плата, превратившая воина в наемника, в солдата [74]), становится некоторое время спустя орудием социального распада. Греки при Платее клялись, «что они завещают детям детей своих ненависть к персам, чтобы эта месть длилась до тех пор, пока реки текут в море»; однако же полвека спустя после этой гордой клятвы, афиняне, спартанцы и пелопонесцы взапуски ухаживают за персидским царем с целью получить субсидию для оплаты своих матросов и солдат. Пелопонесская война ускорила падение аристократической партии и вынесла на яркий свет порчу героических нравов, подготовленную втихомолку экономическим процессом.

Богачи, сохранившие за собой, как первую из своих привилегий, право ношения оружия и защиты отечества, очень скоро усвоили обычай замещать себя в армии наемниками. Столетие спустя после нововведения Перикла, большая часть афинских войск состояла из наемных солдат. Демосфен говорит в одной из своих олинфских[a]) речей, что в армии, посланной к Олинфу, было 4.000 граждан и 10.000 наемников и что в той, которую Филипп разбил при Херонее, было 2.000 афинян и фиванцев и 15.000 наемников. Богачи не сражались, но захватывали себе военную добычу. «Богачи — превосходные стражи богатств,— говорит Афанагор, сиракузский демагог,— они предоставляют опасности народу и, не довольствуясь похищением большей части военной добычи, — захватывают ее всю целиком».

Патриции-варвары, с детства приученные к военному делу, были превосходными воинами; новые богачи, наоборот, с трудом могли выдерживать опасности войны.— Вот что говорит Сократ: «Когда богачи и бедняки находятся вместе в армии, на суше или на море; когда они взаимно наблюдают друг друга при опасных обстоятельствах, — тогда у богачей нет никакого повода презирать бедных; наоборот, когда бедняк, худой и сожженный солнцем, стоит на поле сражения

---

[74]) Слово солдат, которое в европейских языках заменило воина (soldier —по-английски, soldat—по-немецки, soldado—по-испански, soldato—по-итальянски и т. д.) происходит от слова solidus, медная монета, откуда слово solde (плата). Именно от вознаграждения, которое получает воин, происходит его имя.—Исторически солдат является первым наемником.

рядом с богачом, воспитанным в тени и обремененным тучностью; когда он видит его задыхающимся и озабоченным своей особой, — какая мысль, думаешь ты, приходит в этот момент в его голову? Не говорит ли он сам себе, что эти люди обязаны своим богатством только трусости бедняков? И когда бедняки находятся в своем кругу, — не говорят ли они друг другу: в действительности богачи — очень ничтожные люди!»

Богачи, избегая военной службы и передавая защиту отечества наемникам, потеряли физические и моральные качества героического идеала, сохранив при всем том материальные блага — первооснову своего существования; тогда произошло,—как замечает Аристотель,—то, что «богатство, совершенно перестав быть наградой за добродетель, освобождало от обязанности быть добродетельным» [75]).

Но героические добродетели, не культивируемые более богачами, стали уделом наемников, вольноотпущенников и рабов, не обладавших материальными благами; и эти добродетели, которые приводили героев-варваров к собственности, доставляли наемнику лишь плату для жалкого существования. Таким образом, экономический процесс декретировал расторжение союза материальных благ и моральных качеств, ждало от обязанности быть добродетельным» [76]).

Между этими наемниками с героическими добродетелями находилось значительное число патрициев, лишенных своего имущества ростовщичеством и гражданскими войнами; тогда как богачи насчитывали в своих рядах людей, разбогатевших торговлей, ростовщичеством и даже войной, в которой сражались другие. Так, в начале Пелопонесской войны, когда Коринф подготовлял свой поход против Коркиры, государство, — рассказывает Фукидид, — обещало гражданам, кото-

---

[75]) Подобное явление повторилось в конце средневековья. Право феодального сеньера на натуральные подати и личные услуги от рабов и вассалов основывалось на обязанности его защищать их от окружающих многочисленных врагов. Но когда экономические и политические события привели к общему внутреннему замирению,— сеньер уже утратил свою роль защитника; но это не помешало ему сохранить и даже отягчить барщины и подати, которые потеряли основной смысл своего существования.

[76]) Капиталистическая эпоха видела аналогичное расторжение, такое же резкое и такое же глубокое по своим революционным последствиям. В начале капиталистического периода, в течение первых годов XIX века, идеал мелкого буржуа и ремесленника приобрел известную прочность в общественном мнении; труд, порядок и бережливость рассматривались, как тесно связанные с собственностью; эти добродетели приводили тогда к обладанию материальными благами. Буржуазные экономисты и моралисты могут еще, как попугаи, повторять, что собственность есть плод труда, но на деле она не является уже вознаграждением за труд. Добродетели идеала ремесленника и мелкого буржуа приводят наемника только к благотворительным комитетам и госпиталям.

рые запишутся в войско, раздел завоеванных земель и предлагало те же преимущества тем, кто даст 50 драхм, хотя бы и не принимал участия в походе.

Героический идеал рухнул, сея беспорядок и смятение в нравственных идеях; этот переворот отразился и на идеях религиозных. Самое грубое суеверие продолжало процветать даже в Афинах, осудивших на смерть Анаксагора, Диогора, Сократа, — в Афинах, предавших сожжению произведения Протагора за непочтение к богам; и однако же здесь авторы комедий кидали богам и — что было еще смелее — их жрецам самые рискованные, самые циничные вызовы; демагоги и тираны оскверняли храмы богов и расхищали их священные сокровища, а гуляки оскверняли и опрокидывали ночью статуи богов, поставленные на улицах. Религиозные легенды самой седой старины, — наивно принятые, поскольку они согласовались с окружающими нравами, — стали теперь казаться оскорбительными своею грубостью. Пифагор и Сократ требовали их уничтожения, хотя бы для этого пришлось искалечить Гомера и Гезиода и даже запретить чтение их поэм. Эпикур об'явил веру в легенды и их пересказ актом атеизма. — Христианам первых веков оставалось только обобщить и систематизировать то, что было осуждено язычниками и сделано в эпоху язычества.

Для нарождавшегося тогда буржуазного общества, для общества, основанного на личной собственности и товарном производстве, пробил час формулировать нравственный идеал и религию, соответствующие новым общественным условиям, созданным экономическим процессом, и вечная хвала софистической философии Греции за то, что она наметила главные черты новой религии и нового нравственного идеала.—Моральное творчество Сократа и Платона еще не было превзойдено [77]).

III

Буржуазный нравственный идеал

Героический идеал, простой и последовательный, отражал в человеческой голове окружающую действительность без извращений и искажений. Он возводил в первые добродетели человеческой души физические и моральные качества; ими должен был обладать варвар-герой для захвата и охраны материальных благ, обладание которыми ставило его в ряды первых граждан и счастливцев земли.

---

[77]) Товарное производство следует понимать как такое, в котором работник производит не для своего потребления или для потребления своей семьи, а для продажи. Эта форма производства, которая характеризует буржуазное общество, отличается решительно от предшествовавших ей форм, когда производили — посредством ли

Действительность нарождающегося демократически-буржуазного общества не соответствовала более этому идеалу. Богатства, почести и наслаждения уже не были более наградой за достоинство и прочие добродетели героических времен, — как и собственность в нашем капиталистическом обществе не является более вознаграждением за труд, порядок и бережливость. Однако же, богатства продолжают всегда оставаться целью человеческой деятельности, и они даже все более и более становятся ее единственной и высшей целью; чтобы достичь этой, столь горячо желанной цели, уже более не требовалось проявлять некогда столь ценившиеся героические качества. Но так как человеческая природа не вполне лишилась этих качеств, — хотя в новых общественных условиях они стали бесполезны и даже вредны для того, чтобы «проложить себе жизненный путь», — и так как они стали в античных республиках причиной смут и гражданских войн, — то стало крайне необходимым обуздать и приручить эти героические позывы, дать им платоническое удовлетворение [a]) для того, чтобы использовать их для благоденствия и сохранения нового общественного порядка.

И софисты принялись за дело. Одни, как киренаики, не пытаясь извратить действительности, прямо признали и громко провозгласили, что владение богатствами есть «верховное благо», что физические и духовные наслаждения, доставляемые богатством, «конечная цель человека». Они смело проповедывали искусство добывать богатства всеми законными и незаконными средствами, избегая неприятных последствий, которые могло повлечь за собой неискусное нарушение законов и обычаев. Другие софисты, как циники и многие из стоиков, открыто восставали против обычаев и законов, желая возврата к предобщественному состоянию,— «жить согласно природе». Они рисовались своим презрением к богатствам: «Только мудрец богат», кичливо кричали они. Но это пренебрежение к благам, для них недоступным, было в слишком резком противоречии с образом жизни и чувствами общества и часто слишком отзывалось декламаторством, чтобы его можно было серьезно принять в соображение. Впрочем, ни те, ни другие не придавали общественно-полезного значения своим теориям, а этого именно требовала буржуазная демократия.

рабов, или крепостных, или наемников — только для собственного потребления. Патрицианские семейства древности, подобно сеньерам средневековья, заставляли производить на своих землях и в своих мастерских жизненные припасы, одежду, оружие и т. п., — словом, почти все, в чем они имели нужду, и только излишек от своего потребления меняли в известные времена года.

Другие софисты, как Сократ, Платон и большинство стоиков, подходили прямо к моральной проблеме; они не возводили в догмат презрение к богатству; наоборот, они признавали его условием счастья и даже добродетели, хотя богатство и перестало быть вознаграждением за нее. — Справедливый человек не должен более требовать от внешнего мира награды за свои добродетели,— он должен находить ее в своей совести, в своем сознании, которые должны руководиться вечными принципами, стоящими вне мира действительности; справедливый человек должен надеяться на получение награды только в загробной жизни. Они не гремели, подобно циникам, против законов и обычаев; наоборот, они советовали сообразоваться с ними и предлагали каждому оставаться на месте и приспособиться к общественному положению. — Именно таким образом святой Августин и отцы церкви вменили рабам-христианам в обязанность удвоить свое усердие к их земному владыке, ценой милости владыки небесного. Платон и отцы церкви взяли на себя миссию поддержать общественные учреждения с помощью морали и религии.

Сократ — интимный друг Перикла и Платона, частый гость при дворе сиракузских тиранов — был глубоким политиком, видевшим в морали и религии только средство управлять людьми и поддерживать общественный порядок.

Сократ и Платон — два тонких гения софистической философии — являются основателями буржуазной индивидуалистической морали, — той морали, которая может привести лишь к созданию противоречий между словом и делом, — к философской санкции двойственной жизни: жизни идеально-чистой и жизни практически-нечистой, — первая является наградой за вторую. Именно так «очень знатные и очень почтенные дамы» XVII века преуспевали в двойственной любви: они утешались духовной любовью, которой они услаждались с платоническим любовником, и в то же время основательно наслаждались физической любовью со своим мужем, а при нужде и с одним или несколькими действительными любовниками.

Мораль всякого общества, основанного на товарном производстве, не в состоянии избежать этого противоречия, являющегося следствием конфликтов, в которых бьется буржуа: для того, чтобы преуспеть в своих торговых и промышленных предприятиях, он должен заискивать в общественном мнении, украшая себя для этого добродетелями; но он не может применить их на деле, если хочет благоденствовать; он знает, что эти показные добродетели являются для других обязательными, «категорическими императивами», как говорит Кант; поэтому-то он, доставляя дрянной товар, требует, чтобы

ему платили чистыми денежками [78]). Буржуазия поддерживает диктатуру своего класса, только грубой силой, но и ей нужно, для усыпления революционной энергии угнетенных классов, внушить им веру в то, что ее общественный порядок есть самое совершенное, какое только возможно, осуществление вечных принципов спиритуалистической философии, частью формулированных Сократом и Платоном за четыре столетия до Иисуса Христа.

Религиозная мораль тоже не ускользает от этого рокового противоречия. «Любите друг друга» — является высшей формулой христианства, но христианские церкви, чтобы привлечь побольше клиентов в свою лавочку, только и помышляют об обращении огнем и мечом еретиков — ради их спасения, уверяют они, от вечных адских мук.

Социальная среда варвара, породившая войну и родовой коммунизм, довела до крайнего напряжения благородные качества человека, — физическую силу, мужество, нравственный стоицизм, личную и имущественную преданность коммуне, городу. — Буржуазная социальная среда, основанная на личной собственности и товарном производстве, возводит, наоборот, в главные добродетели худшие стороны человеческой души: эгоизм, лицемерие, интриганство, склонность к обману и мошенничеству [79]).

---

[78]) Язычники не пытались исказить истины и ставили торговлю под покровительство Меркурия — бога воров. Католики — продувные иезуиты; те их религиозные ордены, которые не посвящают себя всецело шантажу на наследствах, занимаются торговлей и промышленностью, как своим единственным занятием, не переставая утверждать, что поклоняются только богу, чистому от всякого обмана и неповинному ни в каком мошенничестве.

Первым актом капиталистической буржуазии, пришедшей в 1789 году к власти, было провозглашение свободы воровства путем освобождения торговли и промышленности от всякого контроля.—Средневековые цеховые мастера работали только на местный рынок, для соседей; они установили строгий контроль над производством; синдики цехов имели право доступа в любой час в мастерские с целью исследования сырья и способа его обработки; чтобы облегчить их надзор, двери и окна мастерских оставались открытыми во все время работы: средневековые ремесленники работали буквально на глазах у публики. Товары, прежде чем поступить в продажу, подвергались контролю, отмечались пломбой или каким-нибудь другим знаком, удостоверяющим, что цех ручается за их хорошее качество. Этот беспрестанный контроль, стеснявший и подавлявший полет гения воровства капиталистической буржуазии, — был одной из серьезнейших причин неудовольствия против цехов.

[79]) Буржуазные писатели имеют обыкновение наделять всеми пороками своей цивилизации дикаря и варвара, обкрадываемых, эксплоатируемых и истребляемых капиталистами под предлогом — их цивилизации; именно капиталисты развращают их физически и морально посредством алкоголя, сифилиса, библии, каторжного труда и торговли.

Буржуазная мораль, — хотя Платон и утверждает, что она нисходит с высот небес и парит над низменными интересами,—отражает так скромно пошлую действительность, что софисты, вместо того, чтобы выковать новое слово для принципа, составляющего, по Виктору Кузену,—а он знает в этом толк—«совокупность буржуазной морали», взяли ходячее слово и назвали этот принцип «добром»—to agathon. Когда христианский идеал изыскивал,—на ряду с философским идеалом и следом за ним,—свое выражение, он испытывал такую же нужду. И отцы церкви тоже наложили на него печать пошлой действительности.

Beatus (блаженный), — которое язычники употребляют в смысле богатый, а Варрон определяет, как «тот—у кого много добра,—qui multa bona possidet»,—получает в церковной латыни смысл: обладающий милостью божьей; beatitudo,— которым Петроний и писатели времен упадка пользовались для обозначения богатства, получает под пером святого Иеронима значение небесного счастья; beatissimus, — блаженнейший, — эпитет, даваемый языческими авторами человеку, имеющему все в изобилии,—становится эпитетом патриархов, отцов церкви и святых!

Язык открыл нам, что варвары, с обычным для них антропоморфизмом, воплощали свои нравственные добродетели в материальных благах. Но процесс экономического развития и политические события подготовили почву для буржуазного способа производства и обмена; они расторгли первобытный союз морального с материальным. Варвар не краснел за этот союз, потому что для приобретения и сохранения этих материальных благ он приводил в действие именно

Путешественники, приходящие в соприкосновение с дикими народами, не оскверненными цивилизацией, поражаются их нравственными добродетелями, а Лейбниц,—один стоющий всех философов либерализма,—не мог удержаться от выражения почтения к ним: «Я достоверно знаю,—пишет он,—что дикари Канады живут в согласии и в мире. Хотя у них нет ничего похожего на полицию, но в этой части света не видать никогда или почти никогда раздоров, ненависти или войн, разве только между людьми различных племен и различных языков. Я осмелился бы даже назвать это политическим чудом, неизвестным Аристотелю и незамеченным Гоббсом. Даже дети, играющие вместе, редко переходят в драку, а когда начинают немного разгорячаться, их немедленно удерживают свои же товарищи. Впрочем, отнюдь не следует воображать, что их миролюбие является следствием их вялого и нечувствительного характера, ибо ничто не может сравниться с их деятельной страстью против врага, а чувство чести развито у них особенно сильно, о чем свидетельствует страстность, с которой они отдаются мести, и твердость, с которой они умирают под пытками. Если б эти народы могли к таким крупным природным достоинствам присоединить когда-нибудь наши искусства и наши знания,—то мы рядом с ними были бы только недоносками».

те физические и нравственные качества, которыми он больше всего гордился. Буржуа же, наоборот, стыдится тех низких побуждений, которые он пускает в ход для достижения благосостояния; поэтому ему хочется верить, и под конец он начинает действительно верить, что его душа парит над материей и питается вечными истинами и непреложными принципами. Но язык, этот безупречный доносчик, открывает нам, что под густыми облаками самой чистой морали скрывается верховный идеал капиталистов—добро, бог - собственность.

Мораль, подобно другим явлениям человеческой деятельности, подпадает под закон экономического детерминизма, формулированный Марксом: «Способ производства материальной жизни обусловливает собою процесс жизни социальной, политической и духовной вообще [80]).

---

[80]) Предисловие, — «Лондон, январь 1859», — Маркса «К критике политической экономии». Изд. 1922. Университета Зиновьева, стр. 32.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИДЕИ ДУШИ

Критическое исследование эволюции идеи собственности осветило бы до некоторой степени наиболее замечательные этапы умственного развития человеческого рода.

Люис Морган.—„Первобытное общество".

I

Изобретение души

Философы-спиритуалисты, вот уже две тысячи лет, спорят до умопомрачения о душе,—о ее сущности и свойствах, о ее судьбах и местопребывании. Декарт,— без сомнения в насмешку,—помещает ее в шишковидную железу—маленькое тельце серого вещества, расположенное впереди мозжечка; другие философы, осмеиваемые Вольтером, отводят ей в мозгу более просторное жилище. Но ни один из них не задался вопросом, — когда, почему и каким образом идея души проскользнула в человеческую голову, укоренилась и развилась там. Вопрос стоит того, чтобы им заняться, хотя бы для того, чтобы найти об'яснение тому два раза повторившемуся явлению, которым историки и философы решительно не хотят заинтересоваться, а именно: почему идея души встречается у дикарей даже самой низкой ступени развития, затем исчезает у древних народов и вновь появляется лишь за несколько столетий до начала нашей эры.

Один английский фольклорист утверждает, что у крестьян цивилизованных народов можно легко найти самые грубые суеверия африканских негров; удивляться этому нечего, потому что идеи дикарей занимают почетное место в спиритуалистической философии и христианской религии. Идея души берет свое начало у дикарей.

Первобытные люди являются в гораздо большей степени идеалистами, чем это принято думать: они одухотворяют все. Личная собственность,—идеал цивилизованных людей,— появляется впервые именно у них—только в нематериальной форме. Дикарь, до обладания материальной собственностью,

уже обладает нематериальной собственностью—своим именем, которое дается ему при наступлении половой зрелости при том обряде освящения, о котором так напоминает христианское «крещение». Это имя составляет самое драгоценное его достояние, и когда он хочет выразить каким-нибудь неоценимым даром всю силу своего дружеского чувства, он заменяет свое имя именем друга. Первые шаги личной собственности встретили огромные затруднения,—ведь даже самое имя у дикаря является только пожизненной его собственностью, оно принадлежит племени, к которому и возвращается по смерти своего носителя [81]).

Душа, — этот нематериальный элемент жизни, покидающий после смерти тело и продолжающий свое существование на земле или под землей, на небе или в аду,—есть выдумка дикаря, усовершенствованная цивилизованными людьми.

В жизни и в природе существуют загадки, которые во все времена занимали человеческий ум. Как только человек начал мыслить, он пытался разрешать и разрешал их, как умел или насколько позволяли ему его познания. Много раз эти решения первобытных людей — поневоле ошибочные—становились неоспоримыми истинами, служили основанием идео-

---

[81]) Слово — verbum, logos, — последнее имеет у Платона значение разума, ума (да и чем в действительности были бы ум, разум— без слова?),—характеризует только один человеческий род. Римляне называли новорожденного «не-говорящим»—«in-fans». Это чудесное—только человеческое—свойство призводило на наивное и весьма богатое воображение дикаря такое сильное впечатление, что он приписывает словам существование, независимое от обозначаемых ими предметов; слова — души вещей, их образы — agalmata,—как говорил Гераклит: они действуют как живые существа. Греки верили, что проклятья отца или матери пробуждали Эринний в Гадесе и приводили их на землю. Проклятья обладали такой ужасной силой у евреев и китайцев, что они наказывали смертью сына, который проклял своего отца. Тот, кто знал чье либо имя, обладал магической властью над этим человеком, — вот почему дикарь скрывает свое имя от чужестранца. Еще в наши дни (Лафарг писал книгу до китайской революции 1911 г.; теперь в Китае—республика) личные имена членов царствующей семьи в Китае неизвестны народу. Под страхом смерти запрещается называть императора его именем — к нему можно обращаться только с его титулами: «Солнце народа, Синяя искра» и т. д. Личное имя бога Библия хранит в тайне; ни евреи, ни христиане не знают его — кто знал его, тому стоило бы только произнести это слово, чтобы заставить бога исполнить все свои желания. Павзаний рассказывает, что открытие посвященным имени кабирских божеств и аркадской Деспойны (владычицы) было одним из обрядов их мистерий. Бертело говорит, что эта вера в могущество слова была «смутным предчувствием могущества науки, благодаря которой человек когда-нибудь овладеет природой; она-то и породила уверенность, что можно заклинать богов и господствовать над ними лишь одной силой магических формул заклинаний». (Речь, произнесенная при открытии памятника Ренану).

логических построений, и требовались столетия, чтобы разрушить их. Так, например, мысль о том, что солнце вращается вокруг земли, возникла в самую отдаленную эпоху; и хотя эта мысль была научно опровергнута, она продолжает существовать в разговорном языке цивилизованных народов, говорящих «о восходе и закате» солнца.

Загадочные физиологические явления сна и сновидений, волновавшие Паскаля [82]) и до сих пор не получившие вполне научного об'яснения, очень сильно беспокоили первобытного человека; чтобы об'яснить их, он придумал душу, ибо он не мог и не умел придумать ничего более простого и более остроумного, как разложить человека на твердое, осязаемое и видимое тело и на подобный воздуху, неосязаемый и невидимый дух.

Дикарь не сомневается в реальности своих снов; если ему снится, что он путешествует, сражается или охотится, то он верит, что это происходит на самом деле; но вот он проснулся и находит себя опять на том же месте, где заснул,—отсюда он заключает, что в то время, как он был погружен в сон, его «другое я» — двойник по его выражению, — покинуло его тело, чтобы отправиться на охоту или сражаться; когда же этот двойник вернулся в свое жилище, в тело, — тогда именно он и проснулся. Австралиец думает, что этот уход души происходит как раз тогда, когда спящий начинает храпеть. Если двойник по какой-либо причине не возвращается, то тело не просыпается, поэтому не надо раздражать это второе «я», а то оно покинет свое жилище; наоборот, — следует остерегаться быстро будить спящего, — ведь его дух может находиться далеко, нужно будить человека медленно и с предосторожностями, чтобы дать духу во-время вернуться. В некоторых частях Индии изменять наружность спящего, раскрашивая его лицо или приклеивая ему усы, — значит совершить убийство, потому что его двойник не узнает своего жилья, не сможет в него войти, и спящий умрет. Если двойник может при жизни человека покидать тело, чтобы вести независимую жизнь, то он может, следовательно, и продолжать жить после разложения трупа. Дикарь не сомневается в этом, так как ему случается иногда во сне видеть своих предков и своих умерших товарищей,—это их духи, т.-е. их двойники, приходят навещать его во время сна. Так как он видит, что смерть на-

---

[82]) «Никто,—говорит Паскаль,—не знает, а только предполагает—спит он или бодрствует, так как человеку снится, что он бодрствует... Следовательно, если половина нашей жизни проходит во сне, то—кто знает, не является ли та половина жизни, в которой мы считаем себя бодрствующими,—другим сном, от которого мы пробуждаемся, когда полагаем, что засыпаем» (Pensées VIII, I. — Мысли).

ступает только вследствие ран или несчастных случаев, то он воображает, что у умершего от старости или болезни какой-нибудь волшебник похитил его «двойника», или же, что злой дух сбил его «двойника» во время его ночных похождений с пути и мешает ему вернуться в свою телесную оболочку. Двойник — это своего рода жизненное начало: оно поддерживает в теле жизнь и вызывает его смерть, когда покидает его.

Создав идею двойника, придуманную для об'яснения явлений сна, дикарь последовательно вывел из нее ряд идей; эти идеи впоследствии возродились и нашли дальнейшее развитие в разных религиозных и философских системах. Идеология, выработанная дикарем при посредстве этой идеи, дала ему об'яснения для целого ряда явлений, естественных причин которых он не мог открыть. Душа, которая у цивилизованного человека только воспроизводит идею дикаря о двойнике, — была одной из первых научных гипотез человеческого ума.

Душа — двойник тела; она имеет голову, руки, ноги, сердце, желудок и т. д.; она развивается вместе с телом, увеличивается и уменьшается в росте и силе по мере того, как тело растет и старится. Эскимос, у которого периоды избытка в пище сменяются периодами голодовок, воображает, что его двойник жиреет и худеет одновременно с его телом. Итак, каждая часть души помещается в соответствующем органе тела. Платон философически воспроизводит это размежевание души, а индус об'ясняет им постепенность смерти органов тела; он думает, что органы умирают один за другим по мере того, как части души покидают их, и что полная смерть наступает лишь после ухода последней части души.

Двойник, как тень — неосязаем. Тень от тела считалась его душой. Дикари на экваторе, где тела в полдень не отбрасывают тени, опасаются выходить в этот час из своих хижин из страха потерять душу и умереть. У греков существовало такое же представление; они верили, что люди и животные, проникающие в святилище Зевса на ликейской горе Лакеоне, теряли свою тень и умирали. Отражение человека в прозрачной воде или на отполированной поверхности—тоже его душа; если ударить по этому отражению, то душа умирает. Миф о Нарциссе и средневековая порча с помощью колдовства находятся, по всей вероятности, в связи с этой верой. Взять и унести нарисованное изображение человека—значит унести его душу, вот почему дикарь не позволяет срисовывать себя.

Душа — легкое дуновение, tenuis aura; греческие слова для обозначения «души»—pneûma, psyche, ánе-

mos и латинское — anima употреблялись сначала в смысле «дыхание». Святой Августин замечает, что в греческом тексте Нового завета «святой дух» всегда называется «святым дыханием» — tò agion pneûma. Иисус на кресте, «преклонив главу, предал дух», говорит святой Иоанн (Евангелие от Иоанна, XIX, 30). Эта душа-дыхание доступна слуху; австралийцы слышат духов, живущих, по их мнению, подобно дриадам греческой мифологии — на деревьях, когда они перепрыгивают с ветки на ветку. Душа уходит через естественные отверстия,—главным образом через рот или нос,— и, когда она выходит, ее можно зацепить удочкой или поймать в тыквенную бутылку. Герои Илиады думали, что душа «уходит через раны, и тогда пред глазами туман расстилается», и что ее можно извлечь, как постороннее тело; Патрокл «вырвал душу из Сарпедона с острием своего копья» (Илиада, XVI, 505).

Душа вольна оставить тело, но должна воплотиться в какой-нибудь предмет; она связана с трупом, и когда мясо гниет и разлагается, — она уходит в кости, главным образом черепные. Чтобы иметь под рукой души предков, дикари сохраняют черепа и даже простые кости умерших; караибы завертывают их в ткань; они ведут разговоры с этими костями, спрашивают у них совета.

Греки тщательно сохраняли плечевую лопатку, так как верили, что обладать костями умершего значит иметь при себе также его душу. Кимон перенес в Афины кости Тезея, чтобы афиняне могли заручиться его услугами. По сообщению Геродота,—лакедемоняне приобрели «большой перевес над тегейцами», после того, как захватили в Тегее кости Ореста и перевезли их в Спарту (I § 68). Эта же вера является источником и католического культа чудотворных мощей святых угодников. Одной из главных причин успеха христианства было то, что оно восприняло идеи дикарей, продолжавшие жить и в эпоху греко-латинской цивилизации, и связало эти идеи в целое учение. Утверждают, что мистический обычай дикарей с'едать трупы своих близких об'ясняется желанием дать их душам живое жилище и сохранить их в недрах семьи или племени. Египтяне бальзамировали покойников, желая сохранить для души ее телесное жилище в возможно лучшем состоянии. Масперо предполагает, что многочисленные статуи и статуэтки, попадающиеся в гробницах, были поставлены там для того, чтобы, в случае разрушения мумии, ее душа нашла бы тело для жилья.

Верование в пребывание души в гробнице умершего привела дикарей к представлению, что душа воплощается в намогильных столбах и камнях. Тасманийцы и перуанцы соче-

тали браком надгробные камни лиц разного пола; деревья на могилах, животные в могильных холмах почитались ими, как духи покойников; они полагали, что в уже, выползшем из могилы Анхиза, воплотилась его душа. Это верование и породило, по всей вероятности, идею о переселении душ и, быть может, также обычай дикарей делать тотемами, т.-е. предками, животных, растения и даже неодушевленные предметы.

Душа умершего бродит злополучная вокруг близких до тех пор, пока они не дадут ей могилы, где она могла бы жить; вот почему ирокезы и греки придают такое значение тому, чтобы получить обратно тела воинов, павших на поле битвы. Обычай хоронить покойников, вместо того, чтобы оставлять их без погребения добычей хищных зверей — как делали это некогда эскимосы,—дает право предположить, что идея души восходит к крайне отдаленным временам; так, антропологи предполагают, что могилы в некоторых пещерах относятся к палеолитической эпохе, — древнейшей эпохе, в которой найдены следы именно человека. Только в бронзовом веке сжигание заменило погребение, потому что изменилось понятие о душе, о чем будет сказано ниже.

Дикарь с его детскими представлениями о природе думает, что может повелевать стихиями, как своими членами; он думает, что с помощью магических слов может остановить солнце, вызвать дождь, вой бури и т. д. Духи умерших обладают этой властью над стихиями еще в большей мере, чем живые; дикарь обращается к ним, чтобы они вызвали неудавшееся ему явление; он не перестает обращаться к ним, так как постоянно в них нуждается; краснокожий, отправляясь на охоту, не преминет испросить у них благоприятной погоды или обильной добычи. Так как вожди пользуются большим вниманием, чем простые смертные, то эти последние поручают им ходатайствовать за них, и горе им, если они не имеют успеха. Когда африканские негры не могут добиться своими молитвами прекращения продолжительной засухи, они волокут своих царьков к могилам предков молить у них дождя; а если дождь не приходит, они осыпают их ударами и даже убивают за то, что те не хотят или не умеют молить.— Скандинавский король IX века Олаф был сожжен живым за то, что не мог заставить души предков положить конец голоду.

Души умерших способны вызвать все явления природы; они насылают болезни и исцеляют их. Одиссея говорит о больных, жестокие страдания которых были причинены «враждебными духами» (стих 396); а тасманийцы приносили больных к постели покойника, чтобы его дух исцелил их.

Души умерших имеют такое большое влияние на растительность, что туземцы Новой Гвинеи, засевая поле, кладут посередине его бананы и сахарный тростник, вызывают поименно души своих предков и говорят им: «Вот ваша пища, пошлите же нам хороший и обильный урожай; если он не будет хорошим и обильным, то это будет позором для вас и для нас также».

Души умерших семьи или рода готовы оказать услуги их членам; они навещают их во время сна, дают им советы и защищают их от врагов—живых и мертвых; они принимают участие в их войнах и сражаются за них; греки видели при Марафоне и Саламине, как душа Тезея сражалась во главе войск против персов (Плутарх, Тезей, § 35). Иногда случалось, что убивали замечательного своими выдающимися качествами человека, чтобы получить его могущественный дух. Можно считать почти достоверным, что таитяне убили капитана Кука, к которому питали очень сильное благоговение, только для того, чтобы его душа осталась жить у них. Подобный случай чуть было не постиг сэра Ричарда Бертона, который переоделся брамином, чтобы исследовать неизвестные области Индии; он так хорошо играл свою роль, что прослыл святым, и в одной деревне сговорились убить его. Лукиан и Павзаний сообщают, что в Афинах находилась могила одного скифа, Токсариса, душа которого совершала чудесные исцеления. Возможно, что он был умерщвлен для этой цели. Эта идея существует и в христианстве; Иисус был обречен богом на крестную смерть, чтобы оказать услугу верующим и спасти их от вечного осуждения. Все города, церкви и часовни обладали в средние века гробами или мощами святого или святой, чтобы иметь к своим услугам душу умершего. Чтобы запастись защитником против папы и султана, Венецианская республика перевезла из Александрии останки святого Марка и похитила из Монпелье останки святого Роха. Когда два города или два народа об'являли друг другу войну, то и духи сражались друг с другом. В Илиаде одни боги и богини, т.-е. обожествленные души, становятся на сторону греков, а другие—на сторону троянцев. Клисфен, тиран Сициона, воевавший против Аргоса, попросил у фиванцев уступить ему останки Меланиппа и Менестея,—двух знаменитых героев фиванского цикла, — чтобы противопоставить их души душе Адраста, аргосского героя.

Души умерших могут оказывать услуги живым только потому, что продолжают жить в своих могилах; а раз они живут, то нуждаются в вещах, необходимых для жизни. Австралиец разводит ночью около могил костер, чтобы мертвецы могли обогреться; им приносят пищу, чтобы утолить

их голод, льют кровь, молоко и другую влагу, чтобы утолить их жажду; если почва впитала влагу, — то воображают, что они пили. Когда греки гомеровской эпохи совершали в честь умерших возлияние из сладкого вина и воды, подслащенной медом или смешанной с мукой,—они произносили их имена (Илиада, XXIII, 229; Одиссея, XI, 26 и т. д.).

Обычай зарывать в могилу зерна и коренья на пропитание душ умерших мог натолкнуть, — как полагает Грант-Аллен, — на мысль о земледелии. Трудно об'яснить иначе, каким образом дикарь мог бы открыть, что брошенные в землю зерна и коренья, после более или менее продолжительного времени, дают сбор таких же зерен и кореньев; ведь если просто бросать зерна в неподготовленную почву и не защитить пробивающегося ростка от заглушающих его корней трав и растений ,— выпалывая их и перепахивая почву, — то зерна будут заглушены их буйным ростом, подобно семенам деревьев в богатых растительностью степях. Дикарь с громадным трудом собирает зерна и коренья, которыми он питается, — как же у него может явиться мысль зарывать их в надежде собрать через некоторое время, не поддающееся вычислению, подобные зерна и коренья? Поклонение душам предков натолкнуло его на неосознанные опыты над культурой растений. Действительно, закапывание хлебных зерен и кореньев в могильные курганы могло сыграть роль первого опыта культуры растений, о которой он, конечно, и не думал. Опыт проделывался при наиболее благоприятных для успеха условиях, — насыпанная на могильный холм земля тщательно очищалась от всяких трав, корней, камней, часто орошалась кровью и другими жидкостями. Защищаемые, оберегаемые и питаемые таким образом растения росли лучше, чем в диком состоянии, и давали обильный урожай; а так как дикарь не мог учесть своей неосознанной заботливости к такого рода «посеву» растений, то он, естественно, приписывал их чрезвычайно обильный рост влиянию души умершего; тогда у него могла зародиться мысль расширить вокруг могилы засеваемую площадь в надежде, что душа распространит свои благодетельные для растений услуги и на больший район; так он пришел к своего рода возделыванию обширных площадей, и всегда при деятельном содействии души умершего. — Догадка Грант-Аллена может об'яснить и то, — почему это дикари роют могилы посреди своих насаждений и почему во время посева они молят души предков об обильном урожае. Католические крестные ходы на поля с молебнами об их благословении в период посева— в течение трех предшествующих Вознесению дней — напоминают о первобытных временах.

Дикарь, не знающий, сколько ему лет, имеющий очень ограниченное представление о числах, конечно, не может

постичь идеи вечности; поэтому у него не может еще выработаться понятия о бессмертии души: первобытный человек предполагает, что душа живет до тех пор, пока длится воспоминание о покойном. Он верит, что дух его отца, деда и прадеда, которых он знал или о которых слышал, продолжает жить; точно так же продолжает жить душа всякого лица, о котором почему-либо сохранилось воспоминание [83]). Но так как могут существовать духи лиц, о которых и не сохранилось памяти, то к ним относятся так, как будто их существование не вызывало сомнений. Когда суданский негр приносит жертву своему предку, он говорит ему: «Отец, я не знаю всех твоих родных, ты знаешь их всех, пригласи их разделить с тобой эту пищу». Порфирий сообщает, что греки обращались к душам людей, имена которых были им неизвестны, с молитвами и приносили им жертвы «из страха, что если пренебречь их культом, то они могут отплатить злом... между тем, как они делают добро, когда им оказывают почести». Павзаний говорит, что по этой причине в Афинах были воздвигнуты алтари неизвестным богам, т.-е. обожествленным душам неизвестных людей.

Дикарь не отделяет себя от мира животных, — ведь в них переселяется его душа, и там она себя свободно чувствует: он принимает их за своих предков и одаряет их душой. Но так как его логика не отступает ни пред какими выводами, то он равным образом приписывает душу земле, луне, солнцу, звездам, растениям и даже неодушевленным предметам. Анаксагор дал душу—nous—вселенной. В воображении дикаря и варвара все обладает душой; поэтому они над могилами и погребальными кострами умерших

---

[83]) Если предание сохранило память об умершем от забвения, то душа его становится центром легенд. Продолжая существовать в памяти живых, эти души извлекают себе пользу чудесами, каковые дикари обычно приписывают духам; поэтому к ним взывают по всякому случаю, и, в конце концов, естественным путем, незаметно для первобытного человека, эти души становятся высшими существами,—богами.

История греческого слова «daimon» и производных от него указывает этапы этой эволюции. В единственном числе даймон означает дух, во множественном даймоны—тени усопших. Оно происходит от глагола daiomai — разделять, делить, и отражает идею дикаря, который разделяет, делит, разлагает человека на твердое тело и подобный воздуху дух. Гомер, Гезиод и Эсхил пользовались этим словом для обозначения богов, живших—подобно Христу — на земле до своего переселения на Олимп. В этом именно значении оно несколько раз встречается в Илиаде (I, 222; III, 420; V, 438; XI, 792; XVII, 98 и т. д.). Отцы церкви употребляют это слово в смысле демонов,—злых духов. Оно дает начало слову «daimônion»—«божество» у классических авторов, демон—нечистый дух—дьявол, у церковных писателей — и слову—daimonio—обоготворять, быть обоготворенным. Христиане дали этому слову — daimonio — смысл — быть во власти демонов.

закалывали животных, разбивали утварь и оружие, чтобы души этих вещей, освободившись от своей материальной оболочки, продолжали и в другом мире оказывать покойному услуги.

II

Изобретение рая

Едва только был придуман двойник, — второе «я», — этот зародыш, откуда спиритуалистическая философия развила идею души, — как изобретение обратилось против своего изобретателя: человек был всегда жертвой продукта своей головы и своих рук.

Первобытный человек страшится гораздо больше мертвеца, чем живых; он живет в постоянном страхе пред невидимыми, но всегда присутствующими духами; им он приписывает все зло, происходящее с ним, несчастные случаи, раны, болезни, старость, смерть: в Илиаде боги, т.-е. обожествленные души, направляют копья и дротики, которые ранят сражающихся. Духи могут быть добрыми друзьями, но они вместе с тем необыкновенно мстительны; они мстят за действительные и воображаемые обиды, которые были нанесены им при жизни и после смерти. Страх пред этой мстительностью побуждает и родных и врагов умирающего примириться с ним, чтобы его душа их не мучила, а потом — возможно быстрее бежать от его трупа, вокруг которого она блуждает; — бросают хижину и даже кочевье, где приключилась смерть; уходят с того места, чтобы сбить со следа душу покойника; его имя перестают произносить, а то душа, чего доброго, вообразит, что это ее зовут, и поспешит на зов. Если нельзя убежать от покойника, то его хоронят, навалив курган над ним, связав ему предварительно члены, чтобы душа его не могла вырваться; для безопасности сверху кладут еще камни. У трупа врага ломают позвоночник, отрезают большие пальцы, чтобы он не мог натянуть лука. Греки обрубали у трупа врага ноги и руки, чтобы тот не мог сражаться. Даже в протестантской Англии, — сообщает Грант-Аллен, — труп самоубийцы пробивали колом, пригвождавшим его ко дну ямы, для того, чтобы его душа не могла выйти из могилы. Боязнь духов приводила порой и к менее мрачным последствиям. — У племени Сиу она, говорят, удерживала от убийства, а у других народцев положила конец людоедству, которое навлекало месть жертвы [84]). Души хищных зверей тоже внушали трепет.

---

[84]) Temps от 10 января 1902 г. сообщает об одном норвежском миссионере, который сказал сакалавам (негритянское племя на Мадагаскаре), готовившимся его убить, что его дух останется среди них; из страха мести его духа они оставили ему жизнь.

Сорок шестая песня Калевалы [55]) драматически повествует об охоте на медведя у древних финнов; она сообщает самым подробным образом о мерах предосторожности, которые нужно предпринять, чтобы предотвратить месть затравленного зверя. Когда медведь убит и с него сдирают шкуру, его называют самыми нежными и льстивыми словами, — его называют «грациозной медовой лапушкой, древним мужем, знаменитым героем и т. п.»; а его убийца, певец-герой Вайнемейнен, старается убедить его, что он не был убит копьем, но сам себя заколол, наскочив на древесный сук.

Но, несмотря на все эти меры предосторожности, первобытный человек не может освободить своего причудливого воображения от страхов, внушаемых ему душами покойников: он убежден, что они его окружают и причиняют ему тысячи бед. Тогда ему приходит мысль отвести для них какую-нибудь территорию; разве не это же чувство одушевляло в средние века шотландских крестьян, когда они при земельных разделах отводили сатане клочок необработанной земли. Место жительства, назначаемое духам, находится обычно за морем или на вершине горы; живые тщательно его избегают. Это об'ясняет нам, почему самые древние божества обитали в пещерах и на вершинах гор и почему им поклоняются «на высотах», — по выражению Библии, — которые и становятся священными местами. Иегова, бог Авраама т.-е. обожествленный предок, явился Моисею на горе Синае, в «священном» месте, которого можно коснуться лишь «босою ногою»; да и в огражденном месте, посвященном Додоне или Зевсу, — жрецы должны были ходить босиком, Иосиф [a]) говорит, что Моисей по неведению забрел со своими овцами в это место, куда тамошние пастухи не пускали своих стад, хотя там была обильная трава (Еврейские древности, II, гл. 12).

Для того, чтобы душа пошла по своей доброй воле в посмертное жилище, ей указывают, что ей нечего больше делать среди живых. — Бодосы в Индии, предлагая покойнику рис и напитки, говорят: «Пей и ешь; до сих пор ты пил и ел с нами, теперь ты уже больше не можешь этого; ты был одним из наших,—ты больше не наш; мы больше не будем приходить к тебе, не приходи и ты к нам». Дайяки на Борнео, с целью застращать душу покойника, об'являют ей, что если она останется среди них, то жильем ей будет только тростниковая корзина; ирокезы в вечер погребения выпускают птицу, чтобы она возможно скорее унесла душу. Греки и римляне, у которых был подобный же обычай, окружили душу почетом еще до начала нашей эры. Но души были неподатливы

[55]) Финская народная былина.

и не торопились покинуть родных и друзей, и те вынуждены бывали иногда прибегнуть и к насилию, чтобы заставить их уйти. Австралийцы и негры с Золотого берега разбегаются во все стороны, бьют дубинками по воздуху, громко вопят, чтобы изгнать их из своих лагерей и деревень; они утверждают, что после такой экспедиции спится спокойней и чувствуется куда здоровее. Но эти героические методы борьбы имеют и свои опасности: Говитт видел, как один храбрый австралийский воин медленно чахнул, потому что горячо преследовал духов.

Чтобы избежать столь затруднительных и опасных крайностей, дикарь придумал остроумный способ; он украсил посмертное жилище всеми радостями и удовольствиями, какие только мог вообразить, чтобы душа, не колеблясь, отправилась туда и потеряла всякую охоту вернуться к живым. Все первобытные народы изобрели загробный рай, в котором души восхитительно и заново переживают свою земную жизнь. Душа австралийца лезет вверх по веревке, достигает отверстия в небесах и там попадает в другой мир, где все лучше, чем на земле; желая сказать о кенгуру, что он жирен и хорош, австралиец заявляет, что он похож на кенгуру заоблачной страны. Гомеровские эллины думали, что боги попадают в свое небесное жилище через отверстия в небе. Души ирокезов преследуют и убивают бизонов в обильных дичью охотничьих местах; души гренландцев обитают в стране вечной весны, где солнце не заходит, где обилие оленей, тюленей, морских птиц; души скандинавов днем сражаются, а ночью пируют в Валгалле в обществе лучезарных валькирий. В своих посмертных жилищах души умерших возобновляют свое земное существование в условиях блаженства, неведомого людям, — поэтому эллины догомеровских времен, прощаясь с покойником, говорили ему: c h a i r e — радуйся!

Греки пережили идеологию дикарей, так как прошли через условия жизни, которые ее порождают. В продолжение золотого века,—сообщает Гезиод,—души их покойников блуждали по земле, без жилища, подобно душам дикарей; когда же души стали стеснять и надоедать, им определили местом пребывания самую высокую вершину Олимпа (в Греции и Малой Азии было несколько гор, называвшихся Олимпом); она была украшена всякими удобствами, какие можно было только вообразить, чтобы доставить жизнь «блаженным», — блаженными называли греки духов Олимпа. Превращение их в богов, в эпоху И л и а д ы, относилось к столь недавнему времени, что «новых богов», как называет их Эсхил, с трудом можно было отличить от гомеровских героев. Прежде чем переселиться в качестве духов на Олимп,—они родились и жили, как

люди, на земле. Подобно воинам Илиады, они вооружены копьем и щитом; сражаются и ездят на колесницах, живут в раззолоченном дворце; справляют свои праздники при звуках песен Аполлона и муз, а Геба им подносит нектар; получив рану, они вопят от боли, у них бывают семейные свары и невзгоды, они терпят неприятности и нравственные страдания; присутствуют на священных праздниках смертных и сердятся, если их туда не зовут. Богини любят наряды, украшения и благовония, как и земные красавицы. Нравы олимпийцев те же, что и у людей, от которых они отличаются только силой, ростом и жидкостью — ichor — текущей в их жилах: она пожиже крови, благодаря амброзии, которой они питаются; от людей они отличаются также способностью делаться невидимками и превращаться в животных и в неодушевленные предметы: Афина в Илиаде превращается то в птицу, то в пламя. Неожиданно появляющихся животных греки принимали за богов, которые желали присутствовать инкогнито при каком-нибудь интересном зрелище.

Греческий Олимп, подобно посмертным жилищам других дикарей, был открыт для душ всех смертных, как мужчин, так и женщин; но когда Зевс победил титанов, защитников матриархального строя, и ввел на Олимпе патриархат,— он изгнал Кроноса, Гею, Деметру и другие божества матриархальной эпохи; он закрыл Олимп для душ людей и оставил его для духов, которые поддержали его дело и признали его патриархальную власть [86]). Поэтому эллины, еще не подготовленные в это время к упразднению посмертного рая, заменили Олимп «островом блаженных», чтоб поселить на нем души смертных; этот остров,—по словам Гезиода,—«был расположен вдали от Олимпа бессмертных... его земля приносила три раза в год сладкие, как мед, плоды». Это новое жилище, которым управлял Кронос, было аристократическим раем, куда допускались лишь полубоги и герои фиванского и троянского циклов; как и Олимп, оно впоследствии было закрыто для других, и только души Аристогитона и Гармодия [б] удостоились чести быть отправленными туда. Елисейские

---

[86]) Если освободить богатую, поэтическую греческую мифологию от плодов усиленных символических, аллегорических и мистических толкований, которыми философы и поэты классической эпохи и александрийского периода загромоздили и затемнили ее; если освободить ее от окончательной путаницы, внесенной в эти толкования немецкими мифологами и их слепыми французскими и английскими подражателями, то она станет неоценимой сокровищницей доисторических обычаев, хранящей воспоминанья о нравах, которые, по наблюдениям путешественников и антропологов, продолжают существовать у современных диких народов. В Мифе о Прометее [а]) я исследовал мифологические рассказы Гезиода, Эсхила и Гомера, которые повествуют о введении патриархата на Олимпе.

поля, о которых впервые упоминается в Одиссее (IV, 563 и след.), являются воспроизведением «острова блаженных», только они гостеприимнее его; они «расположены у пределов земли... люди ведут там жизнь блаженных, не зная ни снега, ни долгой зимы, ни дождя; их всегда освежают береговые ветры Зефира, посылаемые Океаном».

Посмертное жилище было придумано первобытными людьми, чтобы освободиться от душ покойников, терзавших их; впоследствии оно было обставлено всевозможным комфортом и удовольствиями, какие только можно было вообразить, чтобы склонить души не покидать его; в конце концов оно стало приятной надеждой, обещавшей счастливое продолжение земной жизни. — Вера в эту восхитительную обитель так глубоко укоренилась в воображении первобытных людей, достигших известной ступени развития, что они убивали отдельных лиц, с целью послать туда новости с земли, и находились мужчины и женщины, охотно жертвовавшие собой, чтобы взять на себя роль вестника.

Загробный рай был сначала свободно открыт для всех членов племени, каковы бы ни были их достоинства и недостатки: он не был наградой, но приобретенным правом; конечно, дикари, желая из сильной боязни пред душами покойников освободиться от них, не стали бы затруднять им доступа в рай. Но когда души приучились к раю и стали сами спешить попасть туда,— тогда придумали использовать рай в качестве средства нравственного воспитания. Ацтеки стали ставить препятствия на пути к нему; богиня Теогамика, спутница бога войны Гвитцилопотлли, переносила туда души воинов, умерших в сражении или замученных врагами; валькирии проносились над полями сражений, чтобы подобрать души убитых скандинавов и быстро унести их в Валгаллу; керы,— послегомеровская мифология представляет их в виде фурий, которые бегают между участниками резни, оскалившись друг на друга своими длинными, заостренными зубами и оспаривая одна у другой трупы (Гезиод. — Щит Геракла), — керы в догомеровские времена, должно быть, были проводницами душ павших в сражении воинов, подобно богине Теогамике ацтеков и валькириям скандинавов. Одиссея (XIV, 207) и гомеровский гимн Аресу показывают их нам волочащими в Гадес души воинов, отмеченных Мойрами. Ацтек, который умер не на поле брани и не на пытке, должен был, подобно египтянину, иметь пропуск и знать пароль, чтобы быть принятым в рай; туда принимались лишь души мужчин и женщин, умерших в цвете лет; души стариков отправлялись в место вечного сна, а души детей снова воплощались в чье-нибудь тело, чтобы получить возможность достичь возраста воина. Алгонкины хоронили детей по краям

дорог, чтобы их маленькие души могли проникнуть в чрево случайно проходящей женщины и снова родиться.

Когда вера в посмертное жилище прочно утвердилась, тогда возник обычай спешить с уничтожением трупа, чтобы лишить душу ее телесного местопребывания; вместо того, чтобы хоронить по прежнему обычаю, теперь труп стали сжигать. Усопший уведомлял, что нужно поторопиться с погребальным обрядом, ибо только тогда он лишался оснований оставаться среди живых: душа Патрокла явилась ночью своему другу Ахиллу с требованием ускорить похороны,— «что всего приятней для умерших». Так как духи продолжали и в другом мире жить земной жизнью, им, следовательно, необходимо было иметь животных и предметы, которыми они привыкли пользоваться: поэтому на костре закалывали лошадей, собак, а иногда и людей, разламывали оружие и другие предметы, чтобы их двойники могли продолжать служить умершим. Улисс в Эребе, «откуда нет возврата», вновь встречает своих покойных товарищей, покрытых их вооружением; но и воины и вооружение их — были «двойниками», неосязаемыми тенями. Но Гадес XI песни Одиссеи не является уже больше «обителью блаженных», радостным местопребыванием, придуманным дикарями; духи ведут там такую печальную жизнь, что гордый Ахилл, сын богини, жалуется и готов променять свое царское достоинство среди мертвых на жизнь деревенского батрака. Эта песнь сложилась в то время, когда греки уже в течение ряда поколений жили патриархальным строем, нравы которого уже больше не соответствовали идеологии дикаря.

Дикари придумали душу, чтобы об'яснять явления сновидений, а посмертное жилище — с целью освободиться от душ умерших: этим они выработали идеологические элементы, которые послужили сначала для создания идеи бога, а затем были использованы спиритуалистической философией и христианской религией для создания идеи бессмертия души и запредельного небесного рая. В идеологии дикарей не встречается никаких упоминаний об аде: по словам Тайлора, если дикари говорят об аде, то это потому что они пришли в соприкосновение с христианами, которые подсказали им эту идею. В их раю, однако, существуют различия: карайбы говорят, что в стране блаженных, где плоды растут в изобилии, где умершие с утра до вечера пляшут и пируют, там их враги — араваки — состоят их рабами, но трусы из карайбов должны служить душам араваков. Идея ада начинает ясно обрисовываться — по крайней мере, в греческой мифологии — лишь с начала патриархальной эпохи, когда Зевс, «бог отцов», становится владыкой Олимпа: но Тартар «с медным порогом и медными дверями» — это лишь темница, куда он заключает

и где пытает своих личных врагов; там, вдали от лучей солнца, он приковывает своего отца Кроноса и титанов (Илиада, VIII, 13 и 481)

III

Временное исчезновение идеи души

Идея души, занимающая такое значительное место в идеологии дикарей и варваров, живущих коммунистическим строем,— исчезает у народов бассейна Средиземного моря— за исключением египтян — на время долгого периода последующего их развития; в течение этого времени люди продолжают еще по заведенному обычаю исполнять погребальные обряды, но, так как они не имеют больше смысла для тех, кто их справляет,— обряды мало-по-малу изменяются: на кострах перестают закалывать жертвы, закон ограничивает количество сжигаемых предметов, да и делается-то это лишь из тщеславия, потому что предметы уже бесполезны для умершего, раз он не оставляет после себя души. Греки, как и в старину, продолжают еще говорить усопшему: «радуйся», но вера в потустороннюю жизнь души умерла.

Феогнид и автор Притч и Экклезиаста,—эти начальные философы буржуазного пессимизма,—советуют жить настоящим, потому что со смертью все кончается. Одна и та же участь уготована человеку и животному,— так уверяет израильский моралист. «Как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества пред скотом... Кто знает: дух сынов человеческих восходит ли вверх, и дух животных сходит ли вниз... Вот еще, что я нашел доброго и приятного: есть и пить и наслаждаться добром во всех трудах своих... это — дар божий... Наслаждайся жизнью... во все дни суетной жизни твоей... Все, что может рука твоя делать, по силам делай, потому что в могиле, куда ты пойдешь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости» (Экклезиаст, III, 19—21; V. 18—19; IX, 9—10). И мегарский поэт Феогнид тоже убежден в участи, которая уготована ему после смерти. «В недрах земли,—говорит он,— я буду покоиться, как камень безгласный». Вера в будущую жизнь до такой степени угасла, что Тиртей не может обещать тем, кто жертвует собой за отечество, никакого другого бессмертия, кроме бессмертия славы; а Перикл в знаменитой речи, произнесенной при погребении первых жертв Пелопонесской войны, может им обещать лишь «бессмертную славу и самое почетное погребение». Уже в Илиаде Зевс жалует сыну своему, Сарпедону, которого только что убил Патрокл,— «только могилу с надгробным столбом, потому что это награда

умершим (Илиада, XVI, 675 и сл.)[87]). Вера в загробную жизнь души в послегомеровскую эпоху опять появляется только у Пиндара [a]),—как замечает Целлер в своей Истории греческой философии. То же явление можно засвидетельствовать у римлян и у других народов Средиземного моря: его можно считать общим для всех народов, достигших известной ступени развития: если египтяне составляют в этом отношении исключение, то только потому, что они сохранили патриархальную семью даже в историческую эпоху. Но идея души, которую можно было бы считать вычеркнутой навсегда из человеческой головы, возродилась с новой жизнью и силой за семь или шесть веков до нашей эры и стала излюбленной темой спиритуалистической философии и главной основой буржуазной морали и христианской идеологии.

Историки, засвидетельствовавшие исчезновение и возрождение идеи души, ограничились упоминанием об этих странных явлениях, не пытаясь об'яснить их и не исследуя их определяющих причин; впрочем, они и не могли бы найти их в поле своих исследований, потому что надеяться на их открытие можно лишь в случае применения к ним исторического метода Маркса и перенесения исследований в экономическую среду. Только изучая процессы изменения собственности и способа производства, можно получить возможность найти причины, которые вызвали в человеческой голове эволюцию придуманной первобытным человеком идеи души и ее потустороннего бытия.

Собственность и производство необходимых для материальной жизни предметов прошли через ряд форм, обусловивших семейную и политическую организацию, равно как и нравы, верования и свойственные им идеи.

Коммунизм был социальной колыбелью человечества, и именно этой первой форме общественной организации соответствуют первобытные идеи души и ее загробного жилища. Пока существует эта форма, члены рода (gens),— а иногда и племени,— живут в общем доме; и так как они все равны, то они имеют общие права на имущество родовой или племенной общины; самое большее, что можно заметить,— это разница, вытекающая из различия между полами: мужчина занимается, главным образом, охотой, доставляет продоволь-

---

[87]) Илиада, представляющая собрание народных песен, сложенных в разных местах и в разные эпохи, по необходимости сообщает о разных правах и верованиях; в XVI песне Зевс не обещает своему сыну Сарпедону потусторонней жизни, а в XXIII песне душа Патрокла просит Ахилла ускорить его погребение, чтобы она могла отправиться в Гадес, «откуда она больше никогда не вернется после того, как ей воздадут почести сожжения».

ственные запасы; а на женщину падает обязанность распоряжаться ими, хранить их, приготовлять пищу, распределять ее; эти важные функции обеспечивают ей умственный и общественный перевес. Для беззаботного и непредусмотрительного дикаря женщина является провидением: она распоряжается его судьбой от колыбели до могилы. Человек вырабатывал свою идеологию на основании событий и умственных приобретений своей повседневной жизни, и он в конце концов должен был начать обожествлять женщину. Эллины и доисторические латиняне подчиняли свою судьбу надзору богинь, — Мойр и Парк, Moirai, Parcoe, имена которых означают по-латыни «бережливая», а по-гречески — «доля» каждого члена при распределении припасов и добычи. «Мойры держат руль неизбежного... Сам Зевс не может миновать судьбы», — говорит Эсхил в Прометее (V, 516—519).

Экономическое равенство неизбежно влекло за собой равенство других условий материальной и духовной жизни; поэтому, когда дикарь придумывает душу, он одаряет душой всех членов племени — и женщин, и мужчин — и открывает двери рая для всех душ; это жилище — как и земной дом — составляет общее достояние; все, безотносительно к их достоинствам и недостаткам, отправляются туда, чтобы продолжать радостную коммунистическую жизнь, которую они только что покинули; в то время как мужчины и там охотятся за дичью, женщины изготовляют одежды из кожи и занимаются хозяйством. Древняя итальянская богиня Мания, — мать манов, т.-е. духов умерших, чье изображение, поставленное у входа в дом, охраняло от всяких опасностей, — подобно греческой Прозерпине, управляла царством теней: женщина продолжала и в мире умерших управлять домом, как она это делала в мире живых. Пока существует первобытный родовой коммунизм, до тех пор идея о потустороннем существовании души и ее посмертном блаженстве сохраняет всю свою жизненность.

Но когда замужние женщины рода, жившие раньше под одной крышей, отделяются одна от другой и каждая устраивает свой дом, тогда род, который был одной общей семьей, распадается на отдельные семьи, управляемые сначала матерью, а потом отцом. Каждая семья является собственницей дома, в котором она живет, и окружающего его сада. Пахотная земля, хотя и продолжает оставаться общей собственностью, уже не обрабатывается сообща всеми: она ежегодно переделяется между семьями; эти ежегодные переделы начинают в конце концов выходить из употребления, и каждая семья уже владеет на правах частной собственности тем участком земли, который достался ей при последнем переделе. До тех пор, пока длятся переделы, земля распреде-

ляется путем жребия между главами семейств соответственно числу хозяйств, находящихся под его властью.

Эта экономическая эволюция, которую я набросал в самых общих чертах, не могла произойти, не оказав влияния на веру в душу. Разрушение общего дома отразилось на другом мире,— общий дом душ исчез. Образование патриархальной семьи и раздробление общинной собственности на отдельные участки, составившие собственность отдельных семейств, привело к другому, столь же чрезвычайному идеологическому явлению: все члены семьи, за исключением ее главы, потеряли свою душу, он один сохранил душу как привилегию,— так как он один был собственником. Всякое лицо, лишенное собственности, лишилось своей души; женщины в первые времена патриархата не владели даже своим телом, потому что их покупали и продавали, как скот; они поэтому были лишены души. Идея, что женщина не обладает душой, так глубоко укоренилась в древнем мире, что еще в течение веков продолжала существовать в христианстве, хотя признание души за всеми людьми дало христианству одно из самых сильных средств пропаганды. Мужчина патриархальной семьи разделил участь женщины и потерял свою душу, — потому что не владел никакой собственностью. Первобытный человек давал и людям, и животным душу; она росла и старилась вместе с телом; он интересовался ее последующей судьбой, но совсем не задумывался над вопросом о ее происхождении: для него люди рождались с душой, как они рождались с сердцем и руками. Теперь же только собственность патриархальной семьи дает душу своему главе; в конце концов платоновская софистика и христианская религия сделали душу атрибутом бога. Так как посмертная община была уничтожена, душа главы патриархальной семьи должна была обитать в семейной гробнице,— огражденной от прикосновения и даже взгляда чужестранца,—в центре дома, возле очага, стражем которого она становится. Чтобы, как следует, дать понять покойнику, что здесь находится его жилище, греки и римляне, опуская его в гробницу, трижды называли его по имени; римляне прибавляли священную формулу: animam sepulcro condimus — «мы опускаем твою душу в гробницу».

Мифологические рассказы позволяют нам проследить у греков главнейшие этапы эволюции идеи души. — Олимп был общим жилищем, открытым для всех духов умерших; он закрывается с тех пор, как Зевс захватил его, ввел на нем патриархат и изгнал оттуда титанов, Гею, Кроноса и других защитников матриархального порядка; он сохраняет его исключительно для духов, сражавшихся за его дело и ставших предками патриархальных семей земли. «Остров бла-

женных», расположенный далеко от Олимпа, собирает духов героев и полубогов фиванского и троянского циклов; эти полубоги, происшедшие от союза богов со смертными, были первыми предками патриархальных семейств, которые через них связываются с обожествленными духами Олимпа. Однако ни один из членов патриархальной семьи не позволил без сопротивления отнять у него его душу; они продолжали попрежнему наделять себя душой; тогда, чтобы отвратить их от всякой охоты продолжать свое посмертное существование, был придуман Эреб, куда и отсылались их души; они были так несчастны в этой мрачной обители, куда не проникал луч солнца, что сами отказались вести столь плачевное посмертное существование. Чтобы сделать идею бесконечного продолжения жизни невыносимой, был пущен в ход рассказ о Тифоне, которому Зевс по случаю его брака с богиней Авророй даровал в качестве свадебного подарка бессмертие и который впал в такую дряхлость, что стал предметом отвращения; а Главк, ставший от натирания травой, посеянной Кроносом, бессмертным, тщетно пытался утопиться, чтобы освободиться от старческой немощи.

Душа даровалась главе патриархальной семьи только из соображений необходимости. Это требует пояснений.

Патриархальная семья не ограничивалась, подобно индивидуалистичной буржуазной семье, тремя необходимыми элементами: отцом, матерью и детьми; она являлась коллективом супружеских союзов, ибо от дочери, правда, освобождались с момента ее замужества, но сыновья оставались в отцовском доме и приводили в него своих законных жен и своих конкубин (наложниц). Итак, под властью главы семьи находились семьи его дядей, братьев и сыновей; все эти супружеские союзы обладали сообща домом, неотчуждаемой землей, правом на ежегодный передел земель, остающихся в общей собственности всего племени или рода. Глава семьи был управителем всего имущества своего коллектива и его представителем при земельных переделах. Если случалось, что он умирал, не оставив законного наследника, коллектив терял свои права; поэтому главе семьи полагалось иметь сына, а если ему это не удавалось, он обязан был, согласно патриархальной морали, развестись с женой или предоставить ее какому-нибудь родственнику, который, по мере сил своих, заступал при ней его место. Дитя, рожденное в результате этого нарушения супружеской верности, требуемого религией и моралью, принималось предками и всей семьей, как законный наследник: он почитался потомком предков. Теленок принадлежит не владельцу быка, оплодотворившего корову, но владельцу коровы,— так гласит индусская формула кодекса Ману. Эта необходимость иметь законного наследника в целях сохра-

нения за патриархальным коллективом прав на собственность об'ясняет, почему предки были постоянно озабочены тем, чтобы живущий глава семьи имел сына,—«спасителя очага», как говорит Эсхил в своих Хоэфорах [a]), ибо он,—как говорит Брама,—«избавитель от ада», т.-е. от экономической разрухи; и в христианстве сын—искупитель, избавитель от ада. Когда же женщина, вслед за приданым и благодаря приданому, получила в семье кое-какие права, она отказалась покоряться моральному и религиозному требованию нарушения супружеской верности; тогда главе семьи разрешено было усыновлять какого-нибудь ребенка, чтобы последний мог наследовать ему; у римлян обряд усыновления совершался пред ложем супругов, как будто этим желали сказать, что усыновленное дитя является их отпрыском.

Глава семьи, представлявший предков и олицетворявший семью, был облечен званием собственника ее имущества, но владеть им он мог только пожизненно: он не мог ни дробить, ни завещать его по своему усмотрению; он им только управлял в интересах членов семьи. Он соединял в своем лице все права на собственность семейного коллектива, был в этом смысле неограниченным владыкой; но если он не мог отчуждать имущества семьи, зато он имел право карать, продавать в рабство и убивать ее членов. Все, и мужчины и женщины, были пред ним неимущими, бесправными и бездушными: он один обладал душой, потому что он один был собственником.

Когда умирал рядовой член семьи, ему оказывали традиционные погребальные почести, его труп сжигали по обычаю, согласно обрядам; но после того, как его обуглившиеся кости, собранные и вымытые в вине, клались в урну, им больше никто не интересовался. Другое дело, когда умирал глава семьи. — Его душа присоединялась к ряду предков, чьи восковые маски, сохранявшиеся римлянами, несли перед трупом покойного и при больших общественных торжествах; подобно своим предшественникам, он становился божеством,—в честь его устанавливали семейный культ. Живой — он был связью, соединявшей семью с предками, мертвый — он сам становился предком; остальные члены семьи, так как не обладали душой, умирали начисто; они поэтому не были предметом какого-нибудь культа; они были «смертными людьми»,—как называли их Гезиод и Эсхил.

Но душу жаловали главе семьи недаром, а для того, чтобы и при жизни и после смерти он состоял на службе у семейной собственности: при жизни он должен был управлять ею в интересах семьи, а после смерти он должен был заботиться о правильном управлении ею.

Предоставление души только одному главе семьи было вызвано высшими соображениями. Заставить женщин и

мужчин, вышедших из родового коммунизма, при котором царило равенство, признать власть отца было нелегким делом в первые времена патриархального строя. История Зевса — в том виде, как нам ее передают Илиада, поэмы Гезиода и Прометей Эсхила,— дает нам представление о тех противоречиях, которые пришлось преодолеть земным отцам, чтобы взять в свои руки власть над семьей. Боги — это отцы семейства, чьи потомки живут на земле, но на Олимпе они — сыновья Зевса, которого Илиада и Прометей Эсхила называют Отцом, потому что они подчинены его патриархальному деспотизму. Он может утвердить свою власть только с помощью силы: по бокам его трона всегда стоят двое слуг — Сила и Насилие, всегда готовых ему повиноваться,— как говорит Гимн Зевсу Каллимаха; это они поторопились вместе с Гефестом сковать Прометея. Он должен был пускать в ход свою десницу и «сильно потеть», чтобы обуздать Посейдона (Илиада, XV, стих. 227), а установления мира он достиг только путем раздела наследства Кроноса с своими двумя братьями, подвергнув позорному наказанию Геру, свою сестру и супругу. Подобные же раздоры и борьба должны были возникать на земле при вскрытии каждого завещания: дочери покойного отказывались подчиниться своим братьям, а последние спорили и дрались друг с другом, чтобы решить, кто должен взять власть. Весьма вероятно, что вначале сыновья делили между собой имущество и основывали независимые семьи, как сделали это Зевс, Посейдон и Гадес; или же к ним по очереди переходило управление семьей, как было с Этеоклом и Полиником; — равный раздел имущества между детьми мужского пола должен был предшествовать праву старшинства; в кодексе Ману встречаются оба вида наследования. Но когда право старшинства сделалось бытовым явлением, власть нового главы семьи,— в некоторых странах им бывал самый младший сын,— могла подчинить себе своих дядей, братьев и их жен с детьми только с помощью их суеверных представлений, делавших именно его представителем покойного, который из глубины своей гробницы дает ему советы и приказания. Повинуясь ему, они только подчинялись желаниям души умершего, которая вместо того, чтобы отправиться на «остров блаженных», пребывала беспрерывно в семейной гробнице. Это обстоятельство об'ясняет нам, почему поторопились закрыть доступ на «остров блаженных», как только туда были отправлены души полубогов и героев фиванской и троянской войн: слишком сильна была нужда в душах умерших отцов для управления семьей, чтобы им можно было разрешить награждать себя последующей жизнью в этом месте наслаждений; и именно для того, чтобы отнять у них всякую охоту покидать гробницу, расположен-

ную у очага, который они должны охранять,— греческая мифология и разрисовала столь мрачными красками жизнь душ в мрачном и холодном Гадесе.

Душа покойника, внушавшая столько ужаса дикарю, становится попечительным божеством для людей патриархального периода; они отводили для нее помещение в центре дома, чтобы она охраняла семью, управляла ее имуществом и давала советы отцу, который ей наследовал и не принимал никакого важного решения без совета с предками. Последние отдавали всю свою посмертную энергию единственно интересам семейного коллектива, за то коллектив воздвигал им абсолютно замкнутый культ, при котором не мог присутствовать ни один чужестранец; замужним женщинам и рабам разрешалось принимать участие в этих церемониях только после того как они прошли через обряд усыновления. Завистливый и эгоистический характер частной собственности раскрывается весь до дна в этом культе предков, так сентиментально описываемом Фюстель де-Куланжом.

Души дикарей продолжали свое земное существование в загробном жилище; они сами пеклись о своих нуждах: охотились, удили рыбу, собирали плоды, изготовляли себе оружие, одежду. Иначе происходит дело теперь, когда загробный рай уничтожен и душа должна пребывать в семейной гробнице: заботу о ее пропитании и содержании должны взять на себя родные. Мертвые уже не мучают больше живых; наоборот, они сами терзаются мыслью, что живые могут перестать давать им пропитание. Индус думает, что они постоянно повторяют: «пусть рождаются у наших потомков сыновья, которые нам приносили бы рису, молока и меду». Греки и римляне, осмеиваемые скептиком Лукианом, полагали то же самое. «Умершие,—говорит он,—питаются возлияниями и приношениями, которые мы совершаем над их гробницами; следовательно, покойник, не оставивший на земле ни родных, ни друзей, не имеет пищи и осужден на вечный голод» (De luctu). Манихейский епископ Фаустин упрекает христиан в том, что они ведут себя, как язычники, и «ублажают души покойников вином и говядиной». Святой Августин, отвечая ему, признавал, что верующие действительно приносили на могилы мучеников с'естные припасы, но,—прибавляет он,—они их тут же с'едают на месте или раздают бедным [88]).

---

[88]) Воззрение, что нужно кормить покойников, было общераспространенным. Странно, но приходится констатировать, что оно продолжало существовать во Франции до XVII века. Риказоли, итальянский посол при дворе Франциска I, пишет: «Хотя король умер, но ему утром и вечером подают его обычное блюдо: это будет продолжаться до тех пор, пока он не будет похоронен. Места вокруг стола зани-

Пришлось изменить идеологию, унаследованную от дикарей и отыскать другое об'яснение снов. Первобытный человек думал, что во сне ему является душа живого или умершего человека. Но теперь этого больше быть не могло, так как, за исключением главы семьи, никто, живой или мертвый, не мог иметь души. Поэтому принято было мнение, что посетители спящего лишь простые видения, посылаемые богами. Это об'яснение встречается уже в Илиаде, хотя эллины гомеровского времени вступили в патриархальный период всего лишь за несколько поколений до того. Близость матриархальной эпохи чувствуется в том, что когда воины делают перерыв в сражении, чтобы похвастать своей родословной, они тотчас — после трех или четырех предков из людей — приходят к богу, т.-е. неизвестному отцу, а это значит, что несколькими поколениями раньше происхождение считалось по матери. Похожий на Нестора призрак явился по приказанию Зевса к спящему Агамемнону и предложил ему начать битву (Илиада, II); чтобы успокоить Пенелопу насчет участи Телемака, Афина прислала ей видение, имеющее сходство с ее сестрой; «ее сердце исполнилось радостью, ибо сон было легко истолковать» (Одиссея, IV). Вместо того, чтобы быть физиологическим явлением, как это смутно представлял себе дикарь, сновидение становится сообщением, посланным богом, значение которого нужно было отгадать. И теперь истолкование снов приобретает важное значение,— Прометей Эсхила гордится тем, что он научил смертных об'яснять сны; это важное значение породило бесчисленный класс эксплоататоров человеческой глупости, сделавших разгадывание снов и предсказание судьбы своим ремеслом.

Первобытный человек вырабатывал свою идеологическую систему, исходя из ошибочного об'яснения сновидений: человек обладает невесомым двойником, тот действует во время его сна, переживает его после его смерти; хотя труп похоронен под холмом из земли и камней, душа выходит из своей могилы, чтобы мучить живых; с целью помешать ей приходить и мучить его, дикарь ссылает ее в мало посещаемые места,— пещеры, вершины гор, острова на краю земли и т. п., а чтобы

мают кардинал Турнон, адмирал и другие особы, которые занимали их при его жизни. Для него, — как будто он еще живет, — производят церемонию испытания, т.-е. стольники отведывают кушанья и напитки, а потом все это во имя божие отдают бедным» (Письмо от 13 мая 1547 г. Fonds Medicis. Цитировано по «Petit Temps» от 15 июля 1894 г.). Тайлор сообщает, что Сен-Фуа, живший при Людовике XIV, в своих Исторических очерках Парижа сообщает о том, как в течение сорока дней, следующих за смертью короля, пред его восковым изображением ставили стол, и епископ благословлял кушанья и произносил молитвы до и после обеда.

она потеряла всякое желание вернуться, он возможно лучше обставляет это посмертное жилище, где покойник мог бы радостно продолжать свою земную жизнь. Когда души привыкли отправляться туда по собственному побуждению, дикарь использовал эту поспешность, как средство нравственного воздействия; а так как мужество и закаленность в страданиях были качествами первой необходимости, он усеял дорогу в посмертное жилище препятствиями и опасностями, каковые воины, умершие на полях битв или на пытке, преодолевали легко благодаря божествам; те же, кто умирают от болезни, могут избегнуть и одолеть их только с помощью амулетов, вещих слов, колдовских формул.

Идеология дикаря изменялась по мере того, как развивалась его социальная среда; с того времени, как члены рода перестают жить в общем доме, и каждая из семей, составляющих род, строит себе отдельный дом, — посмертное жилище, общее для всех душ, постепенно исчезает из человеческого воображения. Но прежде чем исчезнуть, оно достигает своей цели: покойники перестают мучить живых; если они, подобно Патроклу, являются своим родным и друзьям, то только для того, чтобы попросить их ускорить им погребение, ибо только тогда они могут попасть в потусторонний мир,— и чтобы обещать больше никогда не возвращаться. Страх перед мертвыми настолько рассеялся, что люди патриархальной семьи могли уничтожить загробное жилище; они сделали это даже еще до того, как отнять душу у членов семьи. Они позволили главе семьи сохранить душу только для того, чтобы она оказывала семье услуги; вместо того, чтобы дать ей право вести счастливую жизнь на острове блаженных, в Елисейских полях или в каком-нибудь другом загробном раю, они заключили ее в семейную гробницу, где ее единственной радостью стал интерес к семейной собственности, ее постоянной заботой стала тревога, чтобы у ее потомства были всегда сыновья, которые приносили бы ей пищу.

Эта патриархальная идеология должна была в свою очередь изменяться по мере того, как развивалась ее социальная среда. Как только супружеские союзы, об'единенные под властью главы семьи, распались и поделили между собой неотчуждаемую семейную собственность,— идея души возродилась.

IV

Возрождение идеи души

За семь или шесть веков до нашей эры в городах Ионии и Греции появились таинственные культы: мистерии кабиров, корибантов, Кибелы — Матери богов, Астарты, Деметры, Деспойны, Диониса Загрея и т. д.; их мрачные обряды, полные

диких воплей, траурных сцен, громких жалоб по поводу похищения молодой богини или смерти искупительной божественной жертвы, сменялись шумными и неистовыми проявлениями радости и порой необузданными оргиями; в вакханалиях женщины с распущенными волосами, одетые подобно первобытным людям в звериные шкуры, пожирали еще трепетное тело искупительной жертвы, обычно козленка или молодой лани,—пасхальный агнец израильтян заступил место человеческой жертвы, которой теперь уже больше не приносили. Эти культы открыто отправлялись в Аттике во время Пелопонесской войны; о них говорят поэты, философы и историки. Они были введены в Риме; сенат в 186 г. до нашей эры приказал уничтожить их и подверг преследованиям посвященных в эти культы; число посвященных по свидетельству Плиния превышало семь тысяч; в их числе были матроны, принадлежавшие к самым знатным фамилиям республики. Эти культы проникли и в Иудею; пророк — Иезекииль, проповедывавший за несколько веков до так называемого Христа, пророк, на которого «низошла рука господня», видел у входа в иерусалимский храм «мерзости..., женщин, плачущих по Тамузу», между тем, как мужчины раздирали себе лицо. Святой Иероним, предпринявший пересмотр перевода ветхого завета семидесяти толковников [a]), отожествляет Тамуза с Адонисом, одной из искупительных жертв этих мистических культов. Иеремия громит гневом предвечного за то, что: «в городах Иудеи и на улицах Иерусалима... дети собирают дрова, отцы разводят огонь, а женщины месят тесто, чтобы делать пирожки для богини неба и совершать возлияния иным богам...» (Иеремия, VII, 17 и 18, XLIV, 18).

Эти подпольные культы, возродившие предшествовавшие патриархату религии, были повсюду протестом против официальных религий. Идя на компромисс, греки мирились с ними, но римский сенат и еврейский Иегова преследовали их. Чтобы показать бессилие Юпитера, Тертулиан напоминает, как консулы Пизон и Габиний запретили «вход в Капитолий — этот дворец богов — Изиде, Серапису и Гарпократу... с целью остановить бесчинства, причиной которых были пустые и позорные суеверия, восстановленные римлянами; они национализировали Сераписа с его алтарями и Вакха с его неистовством» (Апологетика, § IV). Но и Иегова оказался тоже бессильным; Тамуз, искупительная жертва мистерии Афродиты, чью смерть оплакивали иерусалимские женщины и чье воскресение они прославляли, Тамуз вновь ожил в Христе, искупительной жертве христианской религии, вытеснившей патриархальный культ Иеговы.

Эти таинственные культы, возродившие доисторические нравы, пробудившие идеи и легенды, забытые в течение ряда

поколений, находились в таком явном противоречии с обычаями и воззрениями той эпохи, на поверхность которой они всплыли, что древние, да и современные ученые приписали им чужестранное происхождение: для одних они занесены из Египта, для других из Фракии; иные, однако, допускают, что это, быть может, были древние религии пеласгов, загнанные в подполье победителями Эллады, что эти религии могли существовать нелегально, рядом с религией победителей. Ведь и в наши дни обращенные в христианство краснокожие Мексики втайне молятся старым богам.

Заслуживает внимания пол божеств этих культов, — поклоняются почти всегда богиням; если рядом с ними мы видим какого-нибудь бога, он находится в подчиненном положении по отношению к ним. Когда какой-нибудь бог выступает рядом с богиней в этих таинственных культах, он должен принять отличительные признаки женского пола для того, чтобы с ним мирились; орфические гимны навязывают Дионисию и Адонису оба пола; имеются средне-азиатские медали, представляющие Зевса с огромными грудями и браслетами на руках. — Какое унижение для Зевса Илиады!

Происхождение этих богинь неизвестно; их называли «сами от себя рожденными»; между тем, официальные боги Олимпа были рождены от известных отца и матери, росли и жили на земле, как простые смертные; христиане первых веков высмеивали это земное их происхождение, не задумываясь над тем, что и их Христос родился и жил на земле. Деметра, — мать-земля, мать богов, мать всего, как ее называет Эсхил,— была богиней одного из этих культов, бывших в ходу в городах Ионии, Цикладских островов, Великой Греции (Милет, Эфес, Абдер, Парос, Аморгос, Делос, Митилены и т. д.); Деметра достигла апогея своего торжества в Элевзине, маленьком городке Аттики, расположенном в шестнадцати километрах от Афин.—Павзаний (I, 38) сообщает об одном предании, по которому жители Элевзина должны были в доисторические времена защищать с оружием в руках против афинского царя Эрехтея культ Деметры, осужденный патриархальными героями, поклонниками Зевса. Мужчины там были устранены от выполнения обрядов, руководимых жрицей, которая одна только могла совершать жертвоприношения и посвящения; она сохранила эту власть и после того, как к ней присоединили иерофанта. Только женщины принимали участие в Тесмофорах, — они приготовлялись к ним за несколько дней очищениями и воздержанием от всякого полового сближения; чтобы очиститься от грязных следов мужского прикосновения, они сидели и лежали на известных травах, среди которых Гезехий упоминает волчьи ягоды и чеснок. На второй день они шли босиком за колесницей, от-

правлявшейся в Афины и привозившей в Элевзин мистические символы. Позднее сюда были прибавлены новые обряды, допускавшие и мужчин.

Эти возрождающиеся религии, имевшие высшим божеством богиню, принадлежали к предпатриархальной эпохе, когда женщина и мужчина жили на равной ноге. Дикари должны были ввести в своих общинах разделение полов в целях нравственности; оно поддерживалось и усиливалось специализацией функций и закончилось половым антагонизмом, приводившим порой к вооруженной борьбе и проявившимся в различии разговорного языка, божеств и религий. Каждый пол имел свой таинственный культ. Безумец, присутствовавший при отправлении обрядов другого пола, в случае разоблачения рисковал головой, что и случилось, согласно мифологической легенде, с Пенфеем,— он спрятался на дерево, чтобы подсмотреть дионисиевы обряды фиванских женщин на горе Парнассе. Женские религии, осужденные после утверждения патриархата, вышли из употребления или сохранились в большой тайне только среди женщин, живших вне патриархальных семейств; поэтому Илиада, рассказывая часто про удаль патриархальных героев, молчит об этих культах. Илиада не включает в сонм богов Деметру — великую женскую богиню, и если в ряд богов ставит Геру и Афину, то не забывает всякий раз напомнить, что они подчинены власти Зевса, патриарха на Олимпе. Религии женских богинь возродились в торговых и промышленных городах Ионии, на это указывают историки; эти религии не были религиями побежденных рас, но были религиями порабощенного пола. Если мифологи нашли в них сходство с религиями Египта и Фракии, то лишь потому, что в этих двух странах нравы матриархальной эпохи продолжали еще существовать к моменту возрождения этих религий.

Их возрождение выдвигает историческую проблему огромной важности, которой совсем не занимаются историки и философы, интересующиеся только так называемыми «историческими личностями», или политическими событиями. Почему эти религии первобытных времен вновь появляются и именно в наиболее развитых городах Ионии; в этих первых колыбелях наук, философии, искусств и лирической поэзии; поэзии, по преимуществу индивидуалистической, сменившей собою эпическую поэзию героических времен, поэмы которой были кратким руководством исторических, религиозных и практических познаний, полезных людям героической эпохи [89])?

---

[89]) Виктор Берар недавно указал в своем сочинении Финикийцы и Одиссея — 1902, что гомеровская поэма изобилует

Города, где происходили эти идеологические явления, были торговыми и промышленными центрами; именно потому, что в них процветали торговля и промышленность, они первые ввели употребление законной монеты, имеющей гарантированные вес и пробу [90]); именно в этих городах шла непрерывная кровавая борьба за власть и за обладание собственностью. Чтобы понять смуту, порожденную производством и обменом товаров, нужно составить себе понятие об организации античного города.

Когда варвары утверждались в какой-нибудь стране, они изгоняли, избивали или обращали в рабство туземцев и завладевали территорией, которую по жребию распределяли между семьями; главы семей составляли совет старейшин; на этот совет было возложено управление. Чужестранцы не имели права проживать в городах, если не занимались своим ремеслом; они жили на окраинах города в домах, которые не могли стать их собственностью, даже если они в них работали и промышляли на протяжении ряда поколений. Землей могли владеть только семьи, основавшие город, ибо только владение землей давало политические права; так как чужестранцы (ремесленники, промышленники, купцы) не были земельными собственниками, то они и оставались всегда чужестранцами, не пользующимися политическими правами. В Афинах времен Перикла чужестранец, давший занести себя в список граждан, имеющих политические права, в случае разоблачения продавался в рабство. Как бы ни были велики их численность и богатства, они все же оставались лишенными политических прав даже в тех городах, которые стали промышленными и торговыми. Плутарх передает, что в Эпидавре, в одном из наиболее процветавших городов, все гражданское сословие состояло долгое время из 180 лиц (Quest. Graec. 1 — Вопросы Греции); в Гераклее, по словам Аристотеля, оно было еще малочисленней.

Семьи, владевшие землей и управлявшие городом, составляли аристократический класс; они производили на своих землях все, в чем нуждались сами, за исключением немногих

полезными для средиземноморских пиратов и корабельщиков сведениями; эти сведения настолько точны, что почти слово в слово вошли в инструкции современных моряков.

[90]) Самые старинные имеющиеся монеты относятся к VII веку. Первые золотые и серебряные монеты велел чеканить в форме черепахи лидийский царь на острове Эгине. Греки Милета, Эфеса и Фокии овладели этим нововведением и чеканили монеты из золота и электрона (сплав золота с серебром). Раньше в качестве средства обмена пользовались золотым песком или слитками неправильной формы, кольцами, пластинками из бронзы, серебра, золота, электрона. В городах Египта и передней Азии находятся надписи, упоминающие о таких слитках, имеющих точный и определенный вес.

предметов, изготовлявшихся чужестранцами-ремесленниками или добывавшихся разбоем—самым важным занятием патриархальных героев, — поход аргонавтов и Троянская война были грабительскими предприятиями. Богатство городов вызывало в героях алчность. Шлиман нашел при раскопках Трои наслоенные один над другим следы трех пожаров; троянский пожар, о котором говорит Одиссея, был вторым.

Чужестранцы были отстранены от участия в официальных культах, воздававшихся божествам-охранителям города; замкнутость — одна из отличительных черт патриархальной эпохи; каждая семья, каждый город имели своих особых богов, свои особые религиозные обряды. Ремесленники Афин во время наивысшего расцвета города имели лишь маленький храм в Акрополе, к западу от Парфенона, храма — посвященного Афине — ремесленников, Athena ergana; если чужестранцам и разрешалось выступать в панафинеях,— шествиях, в которых принимало участие все население Афин,— то они занимали низшее положение: их дочери держали опахала над дочерьми граждан, несшими в корзинах золотые смоквы; жены ремесленников несли кувшины с водой, а сами мужья держали маленькие кораблики, вероятно, модели тех кораблей, которые они должны были содержать и вооружать на свой счет.

В старину чужестранец был врагом, поэтому с ремесленниками, промышленниками и купцами обращались, как с врагом; подобно рабам, им было запрещено носить оружие. Аристократические семьи удерживали за собой как привилегию право защиты города; но с тех пор, как плебеи из лавок и мастерских обогатились, на них, в виде компенсации, были возложены налоги для уплаты издержек на флот, на войско, общественные празднества и на то, чтобы поддерживать праздность бедных граждан.

В городах, ставших центрами торговой и промышленной деятельности, возросло число и богатство чужестранцев, образовавших сильный демократический класс, способный завязать политическую борьбу за раздел власти; аристократический же класс, разреженный войной и раздираемый внутренними раздорами, наоборот, ослабевал и беднел.

Семьи, находившиеся под властью патриарха — главы семейства, раз'единились и раздробили неотчуждаемое владение единой патриархальной семьи, чтобы дать в надел каждой из них по земельному участку; это раздробление патриархальной земельной собственности, упразднившее неотчуждаемость земельных владений, имело следствием сосредоточение земли в руках нескольких «высокомерных и надменных семейств», которых еврейский Иегова громит своим демагогическим гневом: «Горе вам, прибавляющие дом к дому, присоединяющие

поле к полю, так что другим не остается места, как будто вы одни поселены на земле» (Исаия, V, 8). Экспроприированные, хотя они и принадлежали к аристократии, теряли с потерей земли свои гражданские права. Они образовали голодный и буйный плебс, для которого работа была унижением. Государство обязано было их содержать: оно давало им подобающее званию гражданина жалованье за присутствие в собраниях, в которых обсуждались общественные дела и разбирались частные тяжбы; этот обычай, согласно Аристотелю, был общепринятым во всех демократических государствах. Им часто раздавали съестные припасы и деньги, для них оставляли мясо животных, принесенных в жертву на алтарях богов; для них за счет богатых организовывались общественные обеды. Эта буйная толпа бедных аристократов вступала в союз с плебеями из лавок и мастерских, чтобы низвергнуть аристократическое правительство и заменить его демократическим. Если восстание увенчивалось успехом, демократы отменяли долговые обязательства, отбирали у богатых их земли, изгоняли тех, кто не был убит, разделяли между собой их имущество и выбирали тирана для защиты и сохранения завоеваний области. Тиран покровительствовал промышленности и торговле с целью удовлетворить буржуазию и раздобыть средства, чтобы кормить бедных граждан: Перикл дошел до того, что давал им денег на посещение театра. Но побежденные и изгнанные аристократы возвращались из изгнания и, вступая в союз с врагами города, свергали при их содействии тирана, убивали демократических вождей и восстановляли олигархическое правительство. Немедленно вновь начиналась гражданская война, ибо невозможно было изгнать бедных, ремесленников, промышленников и купцов [91]).

Тем не менее, именно среди этих экономических переворотов и порожденной ими политической борьбы росли в промышленных и торговых городах наука, философия, поэзия и искусства; именно тогда там зародились и перебродили элементы демократической религии, которая после вековой переработки должна была заменить официальные культы аристократического язычества. Историки, не знакомые с этими

---

[91]) Французская революция, которая была классовой борьбой между демократами и аристократами, повторила на сцене, увеличенной до размеров нации, превратности гражданских войн античных городов: младшие сыновья знатных семейств делали общее дело с буржуазией, чтобы низвергнуть аристократическое правительство, отобрать у знати и церкви их земли и разделить их имущества; революционеры отдали себя под покровительство «тирана» Бонапарта, чтобы сохранить накраденные имущества и завоеванную власть; знать же вступила в союз с внешним врагом, чтобы отвоевать назад свои имущества и свои привилегии. Английская революция точно также прошла такие же этапы.

экономическими явлениями и политическими смутами или придающие им лишь небольшое значение, оказались неспособными уяснить себе разложение античного общества, замену первобытной натурфилософии софистикой Сократа и Платона, конец язычества и появление христианства. Эти крупные исторические события им непонятны; они не пытаются исследовать их причины, а если и делают это, то приходят лишь к ничтожным поводам и об'яснениям, которые ничего не об'ясняют. Так, одни повторяют вместе с первыми христианами, что гибель язычества, появление и торжество христианства— есть дело бога; другие, хвастающиеся своей рационалистической философией, приписывают происхождение христианства монотеизму евреев; но евреи никогда не были монотеистами, ибо, не поклоняясь, правда, богам своих врагов, они тем не менее так же твердо верили в их существование, как и в существование Иеговы; и затем, видеть в христианстве только монотеистическую религию,— что, впрочем, и неточно, так как его триединое божество состоит из трех различных богов,— значит значительно сузить его характер.

Артисты, поэты и философы принимали участие в гражданских войнах античных городов. Гномическая, лирическая и драматическая поэзия Греции вся проникнута ими, сама философия носит на себе их следы. Все рождается из распри: война—мать и владычица вещей,—говорил Гераклит; любовь и ненависть — две двигательные силы, организовавшие хаос. — провозглашал Эмпедокл. — Остроумная и парадоксальная критика софистов, подвергавших все обсуждению и разрушавших наиболее утвердившиеся понятия, была умственным отображением тех смут, которые были порождены экономическими переменами в социальных условиях и отношениях между классами и между людьми. Именно среди этой сумятицы экономических событий и политических кризисов, потрясших семейные и социальные устои, учреждения, частные и общественные нравы, человек вновь обрел среди обломков патриархальной семьи свою душу, которой был лишен со времени выхода своего из родового коммунизма. Вот как это произошло.

Когда супружеские союзы, об'единенные под властью главы семейства, распались, тогда семья была доведена до своего строгого буржуазного минимума: отец, мать, дети; естественно, каждый глава такой малой семьи пожелал походить во всех отношениях на главу патриархальной семьи, иго которого он только что стряхнул с себя; пожелал обладать подобно ему душой, которая продолжала бы существовать после его смерти: а так как каждый сын был предназначен стать в свою очередь главой семьи, то он уже с самого своего рождения был наделен душой: таким образом, все мужчины были одарены бессмертной душой.

Чужестранцы — ремесленники, промышленники и купцы, — населявшие города, в которых происходили эти революции, не могли организовать своей семьи по плану патриархальной: не имея права стать земельными собственниками, они не могли приобретать неотчуждаемой земельной собственности, на которой покоилась патриархальная семья. Поэтому, более чем вероятно, что среди них первобытная идея о душе никогда не угасала, они сохранили путем устных преданий и легенд воспоминания о первобытной эпохе. Этой гипотезе придает вес то, что идея души возродилась сначала именно в городах, которые они заполнили и взволновали своей борьбой, и что Гезиод передает о происхождении богов по-иному, чем Илиада. Гезиод же,—как он сам сообщает,—был сыном чужестранца, прибывшего по торговым делам из Ким Малой Азии в Аскру, город в Беотии, где он не обладал правами гражданства; по смерти своего отца он разделил его имущество со своим братом Персеем; один этот факт доказывает, что он не жил под властью патриархальной семьи, не допускавшей подобных разделов; вследствие ссор с аристократами он должен был удалиться, как полагают, в Оркономен, где и умер. Спартанцы не оказывали ему большого почета и называли его поэтом ремесленников, так как он воспроизводил религиозные традиции последних, а не патриархальных героев, как делала это Илиада. Он первый поэт, который говорит о бесприютных душах, блуждающих в количестве тридцати тысяч по земле, как во времена дикарей. «Они одеты в воздух... они стражи смертных, следящие за поведением и дурными поступками... они распределяют богатства». Эти функции делают их охранительницами ремесленников и купцов.

Многие из возрождающихся культов, — мистерии кабиров, корибантов, идских дактилов и др. — были религиями ремесленников и матросов; их божества имели отношение к обработке металлов и изготовлению некоторых инструментов. Кабиры, называвшиеся, согласно Павзанию, великими богами — theoi megaloi,—признавали своим отцом и господином Гефеста, бога-кузнеца, слесаря, оружейника и резчика по черному дереву, которого Зевс и патриархальные боги должны были допустить на Олимп, подобно тому, как земные патриархи должны были терпеть в своих городах ремесленников ради оказываемых ими услуг. На Лемносе они назывались клещами — karkinoi; они, как и Гефест, изображались в остроконечном колпаке и в тунике ремесленников, — короткая безрукавка, с разрезом на правой стороне, чтобы оставлять открытым плечо; один из богов назывался Кадмом и слыл изобретателем финикийских и древних греческих, так называемых кадмовых букв. Согласно

Страбону, они почитались в Троянской области с самой глубокой древности; финикийцы помещали их изображения на носу кораблей. Их культ был распространен по всему древнему миру. Недавно были найдены в Швейцарии и Ирландии амулеты кабиров. Исключенные из официальных религий, ремесленники принуждены были создать для своих нужд божества, имевшие отношение к их занятиям и нравам [92]). Кабиры и телькины имели очень сильное сходство с духами дикарей; они повелевали стихиями, посылали дождь, вызывали и укрощали бури, покровительствовали урожаям и стадам и т. д.; посвященный носил у кабиров на шее амулет, защищавший его от опасности, главным образом на море; христианский нарамник [a]) есть кабирский пережиток. Мистерии кабиров были доступны только мужчинам; однако, в конце концов они стали допускать к посвящению женщин и детей.

Эти религии презираемых, угнетенных и лишенных политических прав ремесленников и купцов прозябали в подполье: они, сверх того, еще и потому должны были окружать себя таинственными обрядами, что до эпохи крупной механической промышленности искусство ремесленников было облечено в тайну; их приемы составляли профессиональную тайну, ревниво скрываемую от непосвященных; тайна открывалась только посвященным: знание тайны было разрешением работать, без него работать было невозможно. Работа ремесленной промышленности, где ловкость рук и сноровка играли главную роль, способствовала усилению склонности человеческого ума к религиозному мистицизму [93]).

Если тайные религии ремесленников, моряков, купцов и мистерии женских божеств разнились во многих важных пунктах, зато у них у всех был один общий догмат, не встречавшийся в богословии официальных языческих религий: они признавали, что у всех людей есть душа, продолжающая жить после смерти индивида; все они обещали всем посвященным посмертную блаженную жизнь. Обладание душой и уверенность в будущей счастливой жизни составляли честолюбие и надежду людей, ушедших из патриархальной семьи или не имевших никогда возможности принадлежать к ней.

---

[92]) Средневековые ремесленники, принятые христианской религией, приспособили ее к нуждам своей ремесленной организации. Богословский факультет Парижа в 1609 г. осудил, как святотатство, цеховые обряды седельщиков, сапожников, портных, шапочников и ножовщиков, потому, что они при посвящении в цех подражали святым католическим обрядам.

[93]) Бертело говорит, что древние ремесленники так тщательно оберегали свои профессиональные тайны, что способы обработки металлов, — сообщаемые Аристотелем, Плинием, Витрувием и относящимся к II веку дохристианской эры лейденским папирусом, —

Только благодаря вере в душу и последующую жизнь, могли привиться и распространиться эти культы, противоречившие духу классической древности своими обрядами, таинственными оргиями и своими традициями. И если мистерии женских божеств имели в глазах ученых, философов и богачей больше успеха, то это, между прочим потому, что им неприятно было вступать в сношения с ремесленниками, матросами, лавочниками, вообще с мелким людом кабирских и других, им подобных, культов. Женщины, с таким энтузиазмом отдавшиеся впоследствии пропаганде христианства, должны были содействовать торжеству мистерий первобытных богинь, потому что они напоминали им о древнем их главенстве в семье и своим возвращением позволяли предвидеть освобождение от ужасного родительского и супружеского ига, тяготевшего над ними в течение ряда поколений. Историки молчат о деятельности женщины в этом движении к социальному и религиозному обновлению; но об этом можно предположить по несправедливым и грубым нападкам поэтов и философов, по тому, как Платон в своих Законах запрещает женщинам иметь свои домовые молельни, по обвинению в тайном поклонении богиням и выполнении чужестранных обрядов, которое возлагает на них Плутарх в своих постановлениях о браке. Но, очевидно, запрещения не производили большого впечатления, ибо одно действующее лицо у Лукиана говорит, что: «Афинянки уходят из своих домов и идут поклоняться божествам, имена которых мужчины не имеют счастья знать, — колиадам, генетилидам, фригийской богине, чья несчастная любовь к какому-то пастуху прославляется на ее празднике. Затем происходят тайные посвящения, подозрительные мистерии, куда не пускают мужчин» (О любви, § 42). Церемонии и обряды этих культов изменялись по мере своего распространения в народе, теряли в конце концов свое первобытное значение и сохранили только свой драматический характер. Посвященные элевзинских мистерий, — как говорит Климент Александрийский,—видели в них лишь одну только «мистическую драму» [94]).

значительно отступают пред техническими познаниями, которыми ремесленники обладали уже в течение тысячелетий: химический анализ жертвенных халдейских статуэток, — а им не меньше 6.000 лет, — и серебряных ваз из Энтемы, сделанных за 3.000 лет до нашей эры, дал возможность оценить их по достоинству. Бронзовые орудия и оружие, которыми дикари заменили таковые же из полированного камня, закалялись обычно с помощью мышьяка, и только рукописи XVI века содержат указания на этот сплав.

[94]) Элевзинские мистерии заставили пролить много чернил. Мифологи придают чрезвычайно темный смысл жалобам Деметры на похищение Плутоном ее дочери и ее радости, когда дочь возвра-

Вера в душу, которая у первобытного человека проистекала из ошибочного об'яснения физиологических явлений, составляет для людей промышленных и торговых городов духовную потребность, навязываемую им экономическими явлениями; она является для них такой необходимостью, что они придумали бы идею души, если бы не нашли ее в готовом виде в традициях подпольных культов, снова выплывших на свет. Это требует об'яснений, которые будут полезны для понимания героической морали и морали буржуазной.

Патриархальная семья, разлагавшаяся [a]) по мере того как рядом с ней вырастал класс буржуазии, живущий торговлей и промышленностью, сама была осколком родового первобытного коммунизма; она обеспечивала всем своим членам, без различия пола и возраста, средства к существованию. Благосостояние всех зависело от процветания семьи; ее жатвы, ее стада обеспечивали материальную жизнь; ее религиозные и исторические традиции поддерживали духовную связь. Личность каждого сливалась так тесно с коллективом семьи, что терялась в ней и—в широком смысле — терялась в городе, которым управляли старейшие, т.-е. главы семейств Каждый, обрабатывая землю, знал, что его работа пойдет ему на пользу, а, отправляясь на войну, знал, что его труды и его смерть будут полезны его городу и его семье. Когда об'единенные властью главы семьи отдельные супружеские союзы отделились друг от друга, тогда исчезло и это семейное провидение: каждая отделившаяся хозяйствующая супружеская пара могла рассчитывать только на усилия своих членов, круг которых дошел до строго индивидуалистического минимума: отец, мать, их дети. Человек, выходя из патриархальной

щается на несколько дней.—Эти сцены скорби и радости были драматизацией материнского отчаяния, когда с торжеством патриархальной эпохи проданную отцом или братом дочь хитростью или насилием уводили жить в дом мужа, и счастья матери, когда молодой в утешение ежегодно позволяли проводить несколько дней в материнском доме.

Весьма вероятно, что элевзинские жрицы знали значение этих обрядов, равно как легенд и преданий предпатриархальной эпохи, но они передавали и об'ясняли их только избранным, посвященным. Быть может, эти жрецы передали Эсхилу предания о ведении патриархального строя, эти предания он и воспроизвел в своем Прометее; быть может, они сообщили Платону о замечательной форме семьи, которую он в своей Республике (кн. V) считает достойной воинов. Эта семейная организация, о которой, кроме него, никто из писателей древности совсем не упоминает, — не фантазия философа-утописта, но точное описание одной из первобытных форм семьи: Льюис Морган вновь нашел эту семейную форму и описал ее по воспоминаниям уроженцев Гавайи, где она исчезла лишь незадолго до открытия европейцами Сандвичевых островов.

семьи и уводя с собой свою жену и своих детей, попадал в материальные и духовные условия буржуа, который работает уже не для коллектива, но для своего личного благосостояния.

Ремесленники и буржуа — купцы и промышленники — надеялись поддержать свое благосостояние не помощью семейного коллектива, все члены которого были связаны узами крови или усыновлением, но ожидали его только от успеха своих личных предприятий. Цель их усилий заключается не в благоденствии коллектива, но в благоденствии личности. Все — счастье и несчастье — ограничивается личностью индивида: счастье, это — радости, выпадающие на его долю; несчастье, это — зло, которое ему приходится терпеть. Социальная ось перемещается, ее главный двигатель — уже больше не семейный коллектив и город, но—личность. Книги ветхого завета — Псалмы, Притчи, Экклезиаст и книга Иова — излагают с цинизмом и силой, не имеющими равных себе, индивидуалистический эгоизм буржуазии, пришедшей в античном мире на смену коллективного семейного эгоизма эпохи патриархата. Человек — мера всех вещей, — провозглашает Протагор; и это изречение греческого софиста самое правдивое и самое глубокомысленное во всей буржуазной философии. Познай самого себя, — поучает Сократ, — ибо ты должен рассчитывать только на себя, чтобы достичь материального и морального счастья. Не общественное спасение, но спасение личное составляет теперь высший закон. — «Я» становится основой морали. Делай другим то, что желаешь, чтобы делали тебе, — гласит правило новой морали, приписываемое — с допущением анахронизма—афинянами Бузигесу и истолкованное ритором Изократом следующим образом: «Не делай другим того, чего не желал бы терпеть от них... Будь по отношению к другим тем, чем желал бы, чтобы они были по отношению к тебе» (Гезихий Бузигес, Изократ, Oratad Nicom). Христианство, не принесшее новой идеи, восприняло правило афинян и говорило: «Чего ты не желаешь, чтобы делали тебе, того не причиняй и другому. Люби ближнего твоего, как себя самого». «Я» мера всех вещей,—всеобщее правило. «Я единственный», — что, по воображению Штирнера, было им формулировано впервые,—есть исходный и конечный пункт всякой материальной и духовной деятельности индивидуалистической буржуазии. Все должно быть принесено в жертву этому «я», и чтобы оно могло свободно развиваться, его следует освободить от всяких обязанностей, предписываемых ему коллективом семьи и города. Брак и дети были для людей патриархальной семьи священными обязанностями; оставаться верным бесплодной супруге было религиозным преступле-

нием по отношению к предкам. А вот орфизм, — один из подпольных культов мужчин, развившийся в противовес женским мистериям и захвативший философов и ученых, — возводит целомудрие в первоначальную добродетель и рекомендует безбрачие. «Жена и дети — тягостное бремя», — говорит Демокрит. Безбрачие приняло такие размеры, что государство этой переходной эпохи должно было карать налогами холостых мужчин и даже подвергать их бесчестию. Любовь к городу, которому некогда отдавали свое время, имущество, жизнь, угасла; философы и мудрецы перестали интересоваться общественными делами и защитой отечества, каковая была доверена наемникам [97]). Патриотизм патриархальной эпохи, — узкий, но глубокий и страстный, — уступил место буржуазному космополитизму, широкому, но лишенному ясности и силы. Древнее героическое право могло об'являть каждого чужестранца врагом, потому что люди патриархальной эпохи производили на своих землях с помощью ремесленников и рабов все, в чем они нуждались; а товарное производство требует от купцов и промышленников видеть в людях всех стран только покупателей и продавцов; оно порождает новое право, ставящее всех людей в равное положение, и дает начало идее человеческого братства, — эту идею и пропагандировали стоики. Об'единявшее только членов патриархальной семьи братство ограничивалось небольшим числом членов, и оно было реальным и действенным; а братство буржуазии, обнимающее промышляющую часть человечества, — только пошлое и пустое слово.

Труды и досуги, изобилие и голод, счастье и несчастье,— все решительно было общим в патриархальной семье, все делилось между ее членами. Отныне общим законом становится — всяк за себя; каждый бережет свое имущество для себя,—он ни с кем не разделит своих барышей, и никто не поможет ему в его неудачах; наоборот, его экономическое разорение пойдет на пользу его конкуренту; «всяк за себя»—приводит «к войне всех против всех». Но в новой общественной организации, покоющейся на личной собственности и товарном производстве, успех каждого отнюдь не соответствует его усилиям: одни преуспевают там, где другие терпят неудачу; самые незаслуженные превратности составляют участь одних и самый наглый успех—участь других. Равенство—средство

---

[97]) Войска, состоявшие только из граждан-собственников, пользующихся своими гражданскими правами, заполнились наемниками. Демосфен говорит, что в армии, посланной против Олинфа, было 4.000 граждан и 10.000 наемников, а в войске, разбитом Филиппом при Херонее, было 2.000 афинских и фиванских граждан и 15.000 наемников.

материальной и духовной жизни патриархата — заменяется самым резким экономическим и социальным неравенством. Едва родившись, буржуазное общество делит и раскалывает граждан на богачей и бедняков.

Эти несправедливости судьбы и неравенства в имущественном и общественном положении чувствовались тем глубже, что еще сохранились воспоминания о такой семейной и социальной организации, при которой их не было; они внушали бедным, да и богатым, необходимость искать удовлетворения и возмещения за них; но так как на земле их невозможно было найти, то их перенесли в потустороннюю жизнь, где снова воцарится равенство, где бедный станет богачом. Золотой век первобытного коммунизма был воссоздан в царстве мертвых. Но тогда как первобытный человек надеялся, что будущая жизнь будет улучшенным продолжением настоящей земной жизни, человек нарождающегося буржуазного общества вновь вынужден придумать потустороннюю жизнь, чтобы получить там удовлетворение за несправедливость и удары, перенесенные им здесь в земной жизни. Эти надежды, несмотря на всю свою отдаленность и недостоверность, имели, однако, дар успокаивать умы; поэтому часть людей этой переходной эпохи, как Феогнид и Иов — люди, пережившие распад патриархального строя отношений и не верившие уже в будущую жизнь, — возмущались против несправедливостей судьбы и подвергали сомнению правосудие Зевса и Иеговы; другие же, посвященные в мистерии, веруя в будущую жизнь, где они получат вознаграждение за свои скорби и страдания, смирялись и возносили благодарность Деметре и другим божествам, дававшим такие обещания.

Итак, для того, чтобы новый социальный порядок стал понятным и терпимым, необходимо обладать душой, которая переживает человека. Душа, бывшая для дикаря физиологической потребностью, становится для буржуа потребностью социальной. Именно поэтому и приветствовались с таким энтузиазмом мистерии и вышли наружу во всех городах дотоле подпольные культы, — что они провозглашали существование души и обеспечивали «будущую» жизнь. Их божества отодвинули на второй план богов Олимпа. «Деметра, — говорит Изократ, — наградила людей двумя самыми прекрасными дарами, какие только могут им дать боги: земледелием, которому мы обязаны жизнью, возвышающей нас над условиями жизни зверей, и мистериями, обеспечивающими их посвященным самые приятные надежды не только до конца жизни, но и на все времена» (Панегирик, VI). Счастье «будущей» жизни есть неоценимейшая награда. «Трижды счастливы, — говорит Софокл, — смертные, отправляющиеся в Гадес после созерцания священного служения элевсинских

мистерий, ибо лишь для них одних возможна жизнь в подземном мире; для других там возможны лишь страдания». Платон отваживается дать подробности: «Мусей и его сын поведут праведных в Гадес и усадят их за пиры святых, где они, увенчанные цветами, проведут жизнь в вечном опьянении» (Республика, II, 6). Нужно быть самым тонким спиритуалистом [a]), чтобы сделать опьянение высшим благом. Демагог Иегова восклицает устами своего пророка Исаии: «Оживут мертвецы твои, восстанут мертвые тела! Воспряните и торжествуйте, поверженные в прахе: ибо роса твоя — роса растений, и земля извергнет мертвецов... Ибо вот Я творю новое небо и новую землю... А вы будете веселиться и радоваться во веки о том, что я творю: я творю Иерусалим веселием и народ его радостью» (Исаия, XXVI, 19, LXV, 17 и 18). Душа египтянина терялась в лоне Изиды, она становилась Озирисом, т.-е. богом. Опять возникло обожествление души, как в первобытные времена. Поэт-гномик Фокилид уверяет, что, «покинув нашу земную оболочку, мы станем богами, ибо в нас живут бессмертные и нетленные души». — «Счастливый и блаженный, из смертного — ты стал богом», — так гласит одна надгробная надпись в Петилии, в Италии, относящаяся к IV веку до нашей эры. Другая надпись об'являет, что смерть есть благо: «Ах, как прекрасна эта (элевзинская) мистерия, приходящая к нам от блаженных богов; для смертного смерть уже не зло, а благо». Восторженное увлечение смертью не есть только надгробная формула, но страсть, толкающая на самоубийство. Жизнь, бывшая для героев Илиады самым ценным из благ, — лишь обман и скорбь, суета сует, как утверждают Феогнид и Экклезиаст, эти буржуазные пессимисты. «Первое из благ, — говорит Софокл, — это не родиться, второе — умереть возможно скорее». Философ Клемврот из Амбракии бросается вниз с башни, чтобы одним прыжком достичь будущей жизни. Гегезий из Кирены, прозванный peisithanatos — «убеждающий умереть», поставил себе задачей учение, что смерть предпочтительнее жизни; его ученики в таком большом числе кончали самоубийством, что Птоломей-Филадельф велел закрыть его школы и запретил ему учить в Александрии.

Философы, — приняв на веру и без возражений выдумку первобытного человека, вновь введенную демократической массой, — пустились исследовать природу этой души и стали с увлечением наделять себя ею. Демокрит смастерил душу из тонких, круглых и гладких атомов, подобных атомам огня — самым легким из всех других; все жизненные явления происходят из их движений, потрясающих все тело. Гераклит, так как для него огонь, в который все обращается и в котором все кончается, был сущностью всех элементов, питающим началом, постоянно вращающимся во всех частях все-

ленной, — Гераклит не мог воздержаться от того, чтобы не сделать огонь природой души; огонь, заглушаемый опьянением и гасимый водой; таким образом, утопленник погибает вдвойне: телесно и духовно. Эта причудливая идея была распространена среди ученых христиан; епископ Синезий рассказывает, как он был мучим своей душой, когда был застигнут в море бурей.

Философы так возгордились обладанием душой (что стали презирать тело, — как позднее и должны были сделать христиане; для Гераклита тело было неподвижной, недеятельной массой, которая с момента, как душа его покидает, становится предметом отвращения, подобно навозной куче; для Эпихарма душа выполняет все функции тела так, что именно она глядит в отверстия глаз. Эврипид, повторивший орфические идеи об эфире, видит в человеке только душу — «тело есть благо, нам не принадлежащее, при жизни мы в нем обитаем, после смерти его надлежит вернуть вскормившей его земле»; тогда «душа, соединившись с бессмертным эфиром, сохраняет чувство, которое никогда не умирает». Виргилий дает следующие сведения о ее происхождении: «Души людей и животных происходят из начала, которое все проникает, поддерживает, оживляет и движет небо, землю, жидкую поверхность, блестящий шар луны, солнце и светила, вращающиеся вокруг солнца; но, приходя в соприкосновение с материей земных тел, души тупеют, становятся добычей страстей и плотских вожделений и должны после смерти искупить свои слабости» (Энеида, VI, 724 и сл.).

Демокрит, образуя душу из атомов, и Гераклит, сообщая ей природу огня, сделали ее чем-то осязаемым и материальным; Платон очищает ее от всего материального и делает ее бессмертной — она предшествует всем вещам. Однако, эта душа, не имеющая ни грана материи, является тем не менее причиной чувственных вожделений, страстей и основой разума, а для того, чтобы она выполняла эту тройную функцию, он делит ее на три части, помещаемые в различных частях тела. Низшая часть, отдающаяся чувственным вожделениям, помещается в желудке, «являющемся чем-то вроде кабака, тайной клоакой, пристанищем беспутства и разврата»; средняя часть, предающаяся гневу и мятежным страстям, пребывает в сердце; самая благородная часть помещается в голове,— это разум; только он один обладает способностью сужденья и с помощью диалектики в состоянии возвыситься до постижения высших истин; только он один нетлен; он же управляет и двумя другими частями, распоряжающимися вожделениями и страстями, необходимыми для гармонии, здоровья и силы человека.

К тому времени, когда в античном мире была снова возрождена идея души, совершенно утерялось воспоминание о том, что душу создал первобытный человек; поэтому философы полагали, что на них возложена обязанность выдать ей метрическое свидетельство о ее рождении. Но вместо того, чтобы для об'яснения ее бытия прибегнуть к явлениям природы, как сделал это первобытный человек, придумывая идею души, они обратились к чистому разуму с просьбой подняться своими собственными силами к ее источнику; разум нашел его в боге, совсем готовая идея которого была под руками. Идея бога была в идеологии дикаря одной из конечных точек эволюции идеи души; философы перевернули ряд и приняли бога за исходную точку теории души, о чем и свидетельствует спиритуалистическая идеология и платоновская софистика.

Демократическая толпа не знала результатов усиленных толкований философов, да если б и знала, то не заботилась бы о них: она восприняла без всякого стеснения и не мудрствуя лукаво, идею первобытного человека; она дала телу двойника, который по своему желанию покидал его и возвращался к нему и переживал его смерть; и, как всегда, философы в конце концов признали идею толпы, — толпы, которою они руководят, конечно, только в своем воображении. — «Когда члены уступают сладкой неге сна, — говорит Лукреций, — а простертое, тяжелое и неподвижное тело отдыхает, в это время в нас находится другое я — est aliud tamen in nobis, — волнуемое тысячью побуждений». (О природе вещей, VII, 113—117). Пифагореец Гермотим из Клазомены, который, судя по тому, что сообщает Аристотель, утверждал еще до Анаксагора, что разум—nous—является причиной всего, Гермотим уверял, что его душа покидала его для дальних странствий в поисках за новостями; его враги, с целью положить конец этому побродяжничеству души, сожгли его тело во время одной из таких ее прогулок. Знаменитый адвокат времен Августа, Лабеон, рассказывает, что души двух лиц, умерших в один и тот же день, встретившись на перекрестке, получили приказание вернуться к своим покойникам, те воскресли и поклялись в совершенной дружбе, длившейся «до тех пор, пока они снова не померли». Святой Августин, — державшийся в этом вопросе одного мнения с первобытным человеком, простым народом и с философами, — передает эту историю Лабеона, чтобы доказать воскресение мертвых, обещанное христианам (Град Божий, XXII, § 28).

Далекие от желания очистить душу от всего материального, народные массы хотели, наоборот, обладать материальной душой, чтобы наслаждаться в будущей жизни всеми

радостями, каких они были лишены на земле, — именно эти радости и обещали мистерии своим посвященным. Посмертное жилище, придуманное и возможно лучше разукрашенное дикарем, было заново отремонтировано. Виргилий, повторяя ходячее мнение, заставляет Энея посетить эту обитель счастья, где души блаженных, окруженные колесницами и лошадьми, упражняются на мягкой арене в невинной борьбе и где они радостно пируют (Энеида, VI, 637 и сл.).

Люди патриархального периода должны были давать приют и кормить лишь небольшое число душ, так как привилегия обладать душой была предоставлена только главе семьи; они могли без затруднений устроить их в семейной гробнице или в lararium — комнате, помещавшейся в самой отдаленной части патрицианского жилища, где римляне сохраняли пепел и восковые маски предков,— семейные маски (lares familiares); сюда они ежедневно приносили им пищу. Теперь же,— когда все люди пожаловали себе душу, а большинство не имело ни семейной гробницы, ни недвижимого имущества,— стало несколько затруднительно размещать и кормить это беспрерывно возраставшее множество душ; вопрос был разрешен ссылкой их за пределы города, в места погребения, как делал это первобытный человек, отправляя их на вершины гор, в уединенные места, которых он сам тщательно избегал. Чтобы побудить души оставаться спокойными, римляне время от времени приносили им дары и совершали им жертвоприношения в течение трех дней мая, в продолжение которых храмы богов были закрыты, а поклонение оказывалось только душам умерших, а не богам. Но души,— потому ли, что им не по душе были общественные кладбища, потому ли, что они находили недостаточным свое питание,— принялись бродяжничать и мучить живых, как делали это духи дикарей до изобретения загробного рая. Земля опять наполнилась блуждающими душами, численность и злоба которых все возрастали.

Философы и профаны, язычники и христиане были единодушны в признании, что воздух переполнен бродяжничающими душами, причиняющими людям страх, болезни, несчастные случаи, бедствия. «Разве мало людей встречается с духами, одни ночью, другие средь бела дня, — спрашивает один философ у Лукиана,— что касается меня, то я их видел, не раз, но десять, тысячу раз. Вначале я пугался, но теперь я настолько привык, что ничто не кажется мне более обычным, особенно с тех пор, как один араб подарил мне кольцо из железа с креста казненного и научил меня магической формуле, составленной из многих слов» (Неверу-

ющий, § 17). Комментируя стихи послания к эфесеянам (II, 2; VI, 12), в которых апостол Павел говорит о «духах злобы поднебесной», святой Иероним говорит, что отцы церкви считали, будто воздух переполнен злыми духами — plenus est contrariis spiritibus; евангелия сообщают, что Иисус и апостолы исцеляли больных, изгоняя живущих в них бесов[98]). Злые духи отцов церкви, Иисуса и его апостолов не могли быть восставшими ангелами, так как бог «наложил на них цепи заключения и низверг в бездну», подобно тому, как Зевс заключил духов побежденных им титанов. Впрочем, христианское учение о духах составляет только продолжение того же учения язычников, которое было в свою очередь повторением учения о духах дикарей, учения пересмотренного и дополненного для того, чтобы поставить его на уровень последнего слова прогресса демократической цивилизации. Платон занялся утилизацией этого множества заполняющих воздух духов; он назначил каждому человеку духа для сопутствования в течение жизни и сопровождения в Гадес после смерти; так как духов девать было некуда, то другие философы предоставили по два духа в распоряжение каждого, одного доброго, другого — злого; христиане по своему обыкновению позаимствовали у платоновской философии идею этих ангелов-хранителей, прикомандированных к каждому отдельному лицу. Апулей, серьезно изучавший, — по примеру своего учителя Платона,— злых духов, их нравы, делающие воздух небезопасным, сообщает, «что их волнуют те же страсти, что и людей; они любят почести, несправедливость их раздражает, а приношения успокаивают». Христиане думали, что обжорство — главный грех этих духов, что они проникают в тело человека, чтобы питаться его пищей, и что следует только поститься, чтобы изгнать их.

Философы, а впоследствии Иисус и апостолы, думали, что для освобождения живых от бесприютных душ, их надо переселить в животных. Оказывается, Платон и его ученики так высоко одухотворяли душу лишь для того, чтобы заставить ее потом переселиться в скотину. На это скотская будущность, предоставленная философами человеческой душе, не могла по самому характеру своему быть по нутру простому народу, желавшему для души большей чести: философы забросили идею переселения душ; они даже были принуждены для удовлетворения народа осудить эту идею. Порфирий, хотя и был платоником, нашел, однако, неприличным переселение душ в животных, ведь могло же слу-

---

[98]) Ев. Матфея, IX, 32; XI, 18; XII, 22; XVII, 15; Ев. Марка, I, 23; IX, 17; Ев. Луки, IV, 33; VII, 33; VIII, 27; IX, 39; XIII, 11; Ев. Иоанна, X, 20; Деяния апостолов, XVI, 16; XIX, 13 и т. д.

читься, что сын сядет верхом на осла, воплотившего в себе душу его матери; будет еще более непристойно—shoking,— возражает святой Августин, — если душа матери переселится в другую женщину, с которой сын будет жить в блуде.

Как нарочно, — таинственные культы, возрождавшиеся у народов Средиземного моря, сохранили идею посмертного жилища, придуманного дикарем, чтобы прямо избавиться от духов, мучивших живых. Эта выдумка была так удачна, что, например, Илиада ни разу не упоминает о духах-мучителях, а души покойников навещают в Илиаде живых лишь для того, чтобы поторопить их с погребальным обрядом и известить, что после этого они никогда больше не покинут загробного жилища. О «духах» начинают снова говорить только в Одиссее, но, хотя ее главным действующим лицом является один из воинов Илиады, она принадлежит уже к другой среде, и другой эпохе, с другими нравами и другими идеями [99]).

Мистерии возродили посмертное жилище первобытного человека и его идею, что оно будет открыто для всех членов племени; они обещали доступ в рай всем посвященным без различия их достоинств и недостатков, но зато закрыли наглухо райские врата перед всеми непосвященными, число которых было очень велико. Это оскорбляло, как сама несправедливость. Плутарх передает слова Диогена: «Как разбойник Патекион будет после смерти счастливее Эпаминонда — только потому, что он посвященный элевзинских мистерий!»

Демократическая цивилизация греко-латинского мира вполне восприняла от первобытного человека идеологию души; эту идеологию она должна была изменить, приспособить к новым условиям общества, основанного на личной собственности и товарном производстве.

Изобретение ада

Буржуазная демократия, нарождавшаяся в промышленных и торговых городах, не удовлетворялась взятой ею у дикаря идеологией души; она дополнила ее изобретением ада,

[99]) Одиссея — поэма пиратов и моряков Средиземного моря; Илиада — поэма патриархальных героев. Язык Одиссеи богаче отвлеченными словами и терминами для выражения понятий, созданных разумом; в этом неоспоримый признак ушедшего вперед умственного развития; в Одиссее мы находим и другое понимание божества. Боги Илиады почти что не отличаются от людей: они участвуют в их борьбе, сражаются против них или вместе с ними за их дело; боги Одиссеи настолько выше, что люди не осмеливаются меряться с ними и так далеки от них, что уже не участвуют в раздорах людей.

следов которого мы не находим у тех первобытных народов и варваров, которые еще не пришли в соприкосновение с цивилизованными народами.

Только за несколько столетий до нашей эры начинает намечаться идея места мучений, где умершие получили бы наказание за содеянные ими в земной жизни грехи. Тартар греческой мифологии, расположенный под Гадесом, с его медными дверями и порогом, куда никогда не проникает луч солнца, тартар,— который, быть может, был использован для создания ада платоновской философии и христианской религии,— был только подземной темницей; такие темницы, должно быть, были в патрицианских жилищах, куда бросали непокорных, восставших против власти главы семейства;—так, действительно, в такую темницу заключил Зевс Кроноса и Титанов, отказавшихся подчиниться его владычеству. Кары, которым были подвергнуты Сизиф и Тантал — в Гадесе и Прометей на Кавказе, имели характер личной мести: Зевс терзал их за нанесение именно ему оскорбления.

Месть, породившая закон талиона, составляет для первобытного человека средство личного самосохранения. Первобытный человек развивает чувство мести, дает ему ту жизненность и силу, которых она не могла бы иметь у современных цивилизованных людей, потому что для них личная месть потеряла значение как средство самосохранения. Просто смерть обидчика не удовлетворяет—нужно причинить ему путем пыток инквизиции усиленную смерть, как говорили средневековые благочестивые христиане, возродившие страшную месть дикарей и варваров. Люди первого периода патриархального строя, терзаемые жаждой мести, могли понять только страшно мстительных богов: Зевс карает своих живых и мертвых врагов, а Иегова простирает свою месть до седьмого поколения. Они налагают наказание не за то, что виновные ослушались повелений «нелицеприятной справедливости», а за то, что они преступили приказания их верховной воли; их мотив — не общественное воздействие, а личная месть; они — представители земной патриархальной власти; такая власть об'единяет в своем лице интересы семейного коллектива, и всякую обиду кого-либо из его членов она воспринимает, как личное оскорбление; на таком же основании правосудие при старом порядке [a]) отправлялось от имени короля, верховного самодержца народа, каким и был в своей семье ее глава.

Но идея посмертного наказания должна была неизбежно исчезнуть одновременно с исчезновением идеи души; возродилась она лишь тогда, когда буржуазная демократия вновь ввела последнюю. И действительно, после Иксиона и Тан-

тала, относящихся к первому периоду патриархального строя, греческая мифология уже больше не упоминает о муках в аду. Но наказания мертвым при своем возрождении теряют характер личной мести и облекаются в характер коллективной мести, классовой мести, так называемого «общественного возмездия»,— теперь мстит уже не отдельное лицо, но коллектив, охраняющий общие интересы. Это превращение личной мести в общественное возмездие совершается в то самое время, когда в общественных отношениях утверждается индивидуализм,— ибо борьба классов в античных городах разделила людей на два враждебных лагеря. — Ремесленники, лавочники и бедные граждане, борясь против аристократии за из'ятие у нее имуществ и общественной власти, представляли одно целое, спаянное их вожделениями, гневом и ненавистью. Победив, они не разбирались во врагах, а мстили всем, кого могли захватить, мстили коллективно — на их богатстве и их личностях. Эта классовая борьба необходимо должна была отразиться на понимании будущей жизни, возрожденной в мистериях; все они обещали счастье своим посвященным; непосвященные же, т.-е. их классовые враги, должны были погружаться в тину болот и прудов, пылающих серой. Мистерии соперничали с официальными религиями; они возрождали почести тем божествам и те надежды, которые преследовались официальными культами; поэтому в первое время своего возрождения они вербовали своих посвященных только среди тех, кто, страдая от существующего общественного строя, желал его ниспровержения; между тем их классовые враги, т.-е. непосвященные, были как раз те, кто извлекал выгоду из общественного строя и желал его сохранения. История христианства подтверждает именно эту точку зрения: ведь христианство вербовало своих первых верующих как раз из среды ремесленников, мелкого люда, бедняков и женщин, т.-е. тех, кто восставал против условий существующего социального порядка.

Идея, что для обеспечения вечного блаженства достаточно быть посвященным какой-нибудь мистерии, если и могла родиться и удержаться, то только в малочисленных сектантских общинах, которые из духа общности закрывали глаза на недостатки и пороки своих членов, но она не могла получить распространения в народных массах. Идея же души не была монополией мистерий; именно потому, что идея души была порождена новыми экономическими условиями развивающегося буржуазного общества и овладела умами демократических масс,— именно потому и могли ожить мистерии и размножиться до того, что каждый город имел свой особый подпольный культ; именно потому они и могли подняться до оппозиции официальным религиям и унизить их в обще-

ственном мнении. Итак, в то время как мистерии, чтобы завербовать посвященных, продолжали им обещать будущее блаженство, точь-в-точь, как это делало христианство первых веков, — в самих демократических массах стало крепнуть другое представление о будущей жизни. Этой будущей жизнью занялись, чтобы использовать ее на благо нарождающегося буржуазного общества,— ведь и первобытный дикарь использовал свое представление о будущей жизни для развития мужества. Было выработано учение о возмездии, соразмерявшем и блаженство и кары загробного мира с достоинствами и недостатками умершего, дела которого подлежали суду трибунала. Иосиф сообщает, что иудейские ессеи, не признавшие переселения души, полагали, что души праведных, освободившись от сковавших их телесных уз, отправятся в места отдохновения и покоя, между тем, как души злых будут страдать от вечных мук (Иудейские древности, XII). Наказание людей неправедных, равно как вознаграждение праведников, занимало все умы. Платон, один из главных софистов, содействовавших выработке буржуазной и христианской морали, взялся изобразить кары виновных; он передает в X книге Республики историю армянина Гера, который, будучи принят за мертвого, был оставлен на поле сражения. Он воскрес, подобно Христу, чтобы рассказать о страданиях и загробной жизни. «Души, — говорил он, — терпели десятикратное наказание за каждую причиненную ими в течение жизни несправедливость..., так что наказание за каждое преступление всегда удесятеряется...; ужасные люди, огненные с виду, увлекали преступников, связанных по ногам и рукам, и, бросив их на землю, ободрав с них кожу, волокли через дорогу в терновник и бросали в тартар». — Отцам церкви осталось только видоизменить и усовершенствовать мучительную казнь, предложенную язычником-софистом, чтобы создать христианский ад. Идея наказаний и воздаяний в будущей жизни приобрела такую популярность, что поэты и шарлатаны овладели ею. Пиндар предупреждал людей, что «всякое преступление, оскверняющее владение Зевса, должно принесть в юдоли мрачной и по воле рока неотвратимый приговор непреклонного судьи» (Олимпийские оды, II). Виргилий, показав Энею счастье блаженных, заставляет его лицезреть мучения тех, кто ненавидел своих братьев, бил своего отца, изменял своим клиентам, сохранял свои богатства, ничего не давая из них своим близким родственникам, кто нарушил клятву верности, следовал за неприятельскими знаменами (Энеида, VI, 608 и сл.). Орфейские жрецы, по словам Платона и Теофраста, еще за столетия до христианских священников осаждали

двери богачей, убеждая их, что получили от богов власть с помощью молитв, известных обрядов и волшебств искупать грехи живых и мертвых и обеспечивать блаженство в будущей жизни.

Буржуазная демократия античного мира, не дожидаясь христианства, прочно установила идею наказаний и воздаяния в будущей жизни; поэтому язычники упрекали христиан в том, что они не принесли ничего нового. Тертуллиан не мог удержаться от того, чтобы не признать их правыми: «Проповедуем ли мы о суде божьем, — говорит он, — над нами смеются, потому что философы и поэты тоже устанавливают в аду суд. Грозим ли мы подземным огнем, как наказаньем для нечестивых,— смеются еще пуще, потому что, согласно сказанию, в царстве Плутона течет огненная река. Говорим ли мы о рае, этом месте блаженства, уготованном богом для душ святых и отделенном от этого обитаемого мира огненной полосой,— мы находим распространенную у всех веру в Елисейские поля» (Аполог. XLVII).—Язычники действительно сработали все части, необходимые для изготовления новой религии. Воскресить идею души и рая из идеологии первобытного человека, придумать ад и учение о последующем возмездии, усиленно потрудиться над спиритуализмом и моралью буржуазной демократии — было большим делом; но его было недостаточно; осталось еще собрать и расположить эти религиозные элементы и эти философские принципы в одну демократическую и космополитическую религию: это и стало делом христиан.

Мистерии, хотя многим из них была присуща идея космополитического божества [100]), требуемого буржуазной демократией, не могли выполнить этой задачи; в этом им мешали пол и природа их божественных персонажей, а также и невозможность превратиться в всемирную религию, доступную всем.

Мистерии Самофракии еще могли удовлетворить каких-нибудь корабельщиков Средиземного моря, вообще, мелкий люд, лавочников, ремесленников, но подведомственные им боги - кабиры не были достаточно благородны для буржуазной демократии: домогаясь социального господства, буржуазия притязала и на верховное положение в небесах для богов своей религии; кабиры — самое большее — могли стать покровителями ремесленных цехов, каковыми впоследствии стали христианские святые. С другой стороны— мистерии

---

[100]) «Многоликая и многоименная» Геката, чей культ распространялся в Греции орфиками, была, подобно Изиде, почитаема почти повсюду.

Деметры, Кибелы, ассирийской богини, Афродиты, Изиды и других богинь тем менее могли отвечать этим потребностям по причине пола своих божеств и подчиненной роли, которую у них играли боги. Ведь товарное производство,— разрушившее патриархальную семью, потрясшее общественный и политический порядок античных городов,— спаяло непосредственных товаропроизводителей и промышленников в один революционный класс и подготовило его успех; но оно отнюдь не стремилось освободить женщину от супружеского ига и, еще того менее, вернуть ей управление семьей; а мистерии эти как раз и напоминали о том, что женщина когда-то была ее владыкой. Семейная форма товарного производства стремится к опеке над женщиной,— следовательно, ей нужны мужские боги. Митраизм [a]) был очень распространен в военных кругах: христиане сделали так много позаимствований у этого культа, что, желая скрыть их, добросовестно уничтожали книги и документы, упоминающие об этом культе; но и митраизм не был подходящим культом, хотя его бог и был мужчиной, был неподходящим именно потому, что он был исключительно мужским божеством, а нужно было, чтобы новая религия дала место также и женщине, занявшей в буржуазной семье менее подчиненное положение, чем в патриархальной.

Эти затруднения можно было бы преодолеть посвящением женщины в культ Митры, ведь мужчины были же допущены к женским элевзинским мистериям; или можно было бы облагородить богов кабирских мистерий или других культов ремесленников и мелкого люда, или придать мужские черты богиням женских мистерий, а это не было невозможным: ведь в египетском пантеоне встречаются богини, снабженные мужскими половыми органами, да и сама Афродита в некоторых местностях носила бороду. Все — так, но существовали другие непреодолимые препятствия.

Мистерии были только местными культами, посвящать себя им можно было только в местах их происхождения; следовательно, было трудно, а может быть и невозможно, дать им космополитическое распространение; новая же религия должна была быть космополитичной, как и сама торговля. Мистерии Деметры,— самые знаменитые и самые распространенные в греко-латинском мире,— позволяли вначале посвящать себе только жителей Элевзина и Афин; они первоначально были известны только в Аттике; Геродот сообщает, что спартанский царь Демарат, захватив Элевзин в IV веке, понятия не имел о божественном Иолхе, действующем лице мистерии, спутнике богини. Все-таки после греко-персидских войн Афины,— хотя им и не удалось предупредить Карфаген и стать первой морской державой на Средиземном море,—

стали значительным торговым центром, куда стекались иностранцы; здесь, в Афинах, пришлось в конце концов предоставить иностранцам политические и религиозные права, пришлось разрешить им посвящать себя и в элевзинские мистерии, хотя бы при непременном условии — жить обязательно в Аттике и говорить на греческом языке, чтобы их понимала богиня, не желавшая знать варварских языков, и чтобы самим понимать ее учение; впоследствии и пребывания в Аттике уже не требовалось, — нужно было только побывать в Элевзине и там записаться в общество посвященных. Государство, сделавшее мистерии Деметры официальным культом, было коммерчески заинтересовано в том, чтобы затянуть посвящение на несколько лет, и тем усилить приток иностранцев в Афины, где праздновались малые мистерии. Посвященные иностранцы должны были ежегодно возвращаться в Афины, чтобы путем нового ходатайства сохранить достигнутые священные привилегии; это условие поневоле ограничивало число посвященных и побуждало их создавать культ мистерий в других городах. Хотя все эти таинственные культы проповедывали учение о бессмертии души и о будущей жизни, но они оставались изолированными, не об'единенными никакой жреческой организацией. Египетские жрецы пытались охватить культом Изиды весь мир; они ездили по всему античному миру, вербовали верующих; но, судя по сообщениям Апулея, в этом культе существовали три, довольно обременительных, ступени посвящения, и каждая сопровождалась дарами, натуральными или денежными; это ограничивало число посвященных и закрывало доступы бедным или малосостоятельным людям, — а новая религия должна была быть непременно демократической, широко открытой для народных масс.

Чтобы построить свою религию, буржуазная демократия могла использовать первобытные предания, воскрешенные мистериями, но она не могла принять их местной обособленности, их отбора новообращенных и их других ограничительных особенностей; более того, она была вынуждена отказаться от некоторой части их догматов, считаясь с требованиями товарного производства. Было сделано несколько попыток организовать эту новую религию: орфизм и был одной из самых первых и знаменитых попыток этого рода. Его неизвестные основатели, принадлежавшие, должно быть, к интеллигентным слоям, использовали предания и легенды варварской Фракии, устранив женские божества, как потом должны были сделать и христиане; бог Лионисий-Загрей, сын Зевса — как Иисус, сын Иеговы — становится подобно ему искупительной жертвой, убитой и с'еденной титанами, и воскрешенной его отцом: проповедник этого бога Орфей

спускается в ад, чтобы спасти душу своей супруги. Иисус христиан, ежедневно вкушаемый верующими, сочетает в себе приключения обоих этих действующих лиц. Орфизм не был местным культом, он переходил из города в город; все его мистерии были общедоступными; он не скрывал своего учения; посвященные открыто распространяли его в своих речах и писаниях. Но вместо обещаний счастья немедленно после кончины, орфизм заставлял душу подвергаться шести и даже девяти хождениям на земле и под землей, обеспечивая ей лишь в высшей степени сомнительную будущую жизнь; но такая мучительная и мало достоверная последующая жизнь не могла удовлетворить стремлений демократических масс. Орфизм под конец ограничился тесным кругом ученых и философов; они рафинировали его до утонченного идеализма, презиравшего тело — «эту темницу души», свели его к аскетизму, непреклонному даже в мелочах; а бессовестные и грубые шарлатаны унизили его в общественном мнении. — Христианство должно было перенять его дело и извлечь пользу из его догматов и из его учения.

VI

Идея души и последующей жизни у христиан первых веков

Идея души и вытекающие из нее следствия — учение о последующем воздаянии и идея рая и ада, — были распространены во всех слоях населения античного мира уже в течение столетий, когда этими идеями завладели христиане для построения новой религии, которой сумели придать демократический и космополитический характер.

Апостолы последовали умному примеру св. Павла, заставившего уничтожить неприятную формальность обрезания, сохранение которой значительно сократило бы число новообращенных; апостолы призывали к новой вере мужчин и женщин, без различия — к какой народности и общественному классу они принадлежат; они принимали без особого разбора, без какого-либо обряда посвящения и без вступительного взноса. — Деяния Апостолов передают, что однажды только в один день было обращено и завербовано три тысячи лиц. Везде, где удавалось собрать несколько верующих, апостолы их об'единяли в общины или церкви, как они их называли, которые должны были стать центрами привлечения новых членов. Элевзинская богиня не понимала потребности своего времени, она требовала от посвященных знания греческого языка — все остальные языки были для нее варварскими, а вот об'явившийся в Иерусалиме бог был более осведомлен о потребностях товарного произ-

водства, а эти потребности требовали, чтобы для торговых сношений со всеми цивилизованными и варварскими народами были использованы все наречия, а потому он и не делал никаких затруднений в отношении языка. Он дал апостолам «дар языков», дар, которым и без того обладали уже многие евреи, промышлявшие и занимавшиеся мелкими ремеслами по городам античного мира. Апостолы обращались прежде всего к мелкому люду, к ремесленникам, беднякам; а те ведь больше, чем богатые, нуждались в вере в загробную жизнь; эта вера должна была укрепить дух и утешить их в переносимых ими несправедливостях и страданиях, тем более, что они уже разуверились в возможность положить им предел путем восстания.

Впоследствии, когда христиане стали обращать в веру лиц из богатых и образованных классов, они должны были позаимствовать мораль и спиритуалистическую философию у платоновской софистики, чтобы дополнить свое религиозное учение; но раньше апостолы нашли в той еврейской среде, где они вращались, идеи души, рая и ада в упрощенной и грубой форме, как раз необходимой, чтобы придать пропаганде непосредственную силу, проникнуть в суеверные, невежественные и несчастные массы, а их-то и хотели обратить в новую веру.

Города Иудеи были ареной таких же экономических переворотов и политической борьбы, которые потрясали промышленные и торговые города Малой Азии, Греции и Италии. Патриархальная семья разложилась, ее супружеские союзы распались,—образовалась буржуазная семья. Граждане,— вновь обретшие в себе нематериальную душу, но утратившие свое материальное богатство,— вступили в союз с ремесленниками, лавочниками, промышленниками, чтобы овладеть имуществом и политической властью богатых. Иегова, патриархальный бог Авраама, изменил своим убеждениям и стал демагогическим богом бедняков и буржуа, чего не сумел и не смог сделать Зевс и другие патриархальные боги греко-латинского язычества. — За семь веков до христианской эры Иегова мощным голосом своих пророков громил богачей в Иудее и торжественно возвещал, что справедливость будет оказана беднякам, которые разделят между собой имущества своих угнетателей.

Исаия пророчествует: «Господь вступает в суд... и будет препоясанием чресл его правда... Горе вам, богачи, скупающие земли, прибавляющие дом к дому, присоединяющие поле к полю, так что другим не остается места, как будто вы одни поселены на земле... Я накажу,— говорит предвечный,— мир за зло, и нечестивых — за беззакония их, и положу конец высокоумию гордых и унижу надменность притесни-

телей... И младенцы их будут разбиты пред глазами их; дома их будут разграблены и жены их обесчещены». (Исаия, III, 14; XI, 5; V, 8; XIII, 11 и 17). Восставшие демократы заставили Иегову взять на себя ответственность за совершенные ими грабежи и избиения. Это божеское соучастие характерно именно для еврейской демократии. Греки и римляне не заставляли своих богов и богинь вмешиваться в свои гражданские войны: Иегова — единственный демократический бог в пантеоне народов Средиземного моря; именно потому, что евреи превратили его из патриархального бога в неистового демагога,— он удостоился чести быть избранным в верховное божество буржуазной демократии.

Бедняки шли в новую веру потому, что апостолы рассказывали им о пророчестве Исаии: «Беднейшие будут накормлены, и нищие будут покоиться в безопасности... Я сделаю то, что люди будут дороже золота офирского... Я творю Иерусалим... и не будут строить домов, чтобы другой жил, не будут насаждать, чтобы другой ел..., не будут трудиться напрасно..., вся земля отдыхает, покоится, восклицает от радости». Предвосхищая самые смелые фантазии Фурье,— предвечный обещал мир животным, так же, как и людям: «Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком, и теленок, и молодой лев, и волк будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицей; и детеныши их будут лежать вместе, и лев, как вол, будет есть солому» (Исаия, XIV, 30; XIII, 12, LXV, 19—22; XIV, 7; XI, 6—7).

Но этому предвечному демагогу не достаточно было обещать земное блаженство; он возвещает, что построит очаровательный Иерусалим, что «оживут мертвецы твои, восстанут мертвые тела. Воспряните и торжествуйте, поверженные во прахе, ибо роса твоя—роса растений, и земля извергнет мертвецов... А вы будете веселиться и радоваться во веки о том, что я творю: ибо вот, я творю Иерусалим веселием и народ его радостью» (Исаия, XXVI, 19, LXV, 18). И чтобы преисполнить меру радости этих избранных, им будет дано увидеть своих врагов-богачей «горящими в огне неугасимом». Этими демагогическими предсказаниями апостолы приводили бедняков в состояние энтузиазма; непрерывно повторяли они им, что близок конец мира, и они войдут в обещанный Иерусалим, где будут жить в раздольи, между тем как их угнетатели будут гореть в вечном огне.

Нужно было опьянить этими грубыми надеждами первых христиан, кипевших ненавистью и гневом, терзаемых никак неутолимыми вожделениями; они чувствовали себя чересчур бессильными, чтобы — как сделали это демократические массы Греции и Иудеи — восстать и лишить силь-

ных мира их власти, разделить их богатства. — Героический век демократии миновал. Иисус и апостолы осудили употребление меча; они проповедывали смирение, подобно стоикам и евреям, населявшим своими многочисленными колониями главные города Римской империи [101]). Первые христиане были так неспособны к какому бы то ни было восстанию, так далеки от всякой мысли о земном освобождении, что апостолы, призывающие к новой вере бедняков и рабов, не помышляют об их освобождении; наоборот, они твердят: «Каждый оставайся в том звании, в котором призван» (Первое послание к коринфянам, VII, 20). Апостолы Петр и Павел предписывают рабам не бежать от рабства, а удвоить угодливость к земному господину, чтобы заслужить милость господина небесного. Апостолы и отцы церкви, вопреки их демагогически напыщенным речам, не угрожали правам богачей; а так как последние желали, точно так же как и бедняки, счастья в будущей жизни, то как только они перестали бояться потерять блага настоящей жизни, они приобщились к новой религии, обещавшей им жизнь будущую. Этот двойственный характер — демагогический, с одной стороны и олигархический, с другой — обеспечил христианству успех, как у бедных, так и у богатых.

Первые христиане, — отнюдь не бунтари, какими были демократы античных городов, — удовольствовались, как и орфики, организацией небольших общин, отвергавших «твое» и «мое»; эти общины они называли церквами. Деяния Апостолов приводят ценные подробности об этих обществах; члены их, причащаясь тела христова, делались святыми; эти общины осуществляли в очень скудном размере счастье, обещанное демагогическим Иеговой своим сторонникам; они давали святым очень скудный паек,— ничто в сравнении с кутежами, которые устраивали себе демократы

---

[101]) Обескураживающее чувство бессилия было в момент появления христианства общераспространенным в античном мире; оно существовало уже столетия и породило пессимизм Феогнида и греческих поэтов, а также авторов Экклезиаста, книг Псалмов, Притч и Иова.

С разложением патриархальной семьи, отдельный человек утратил помощь и покровительство, которую он встречал у ней в превратностях жизни; он чувствовал себя изолированным в обществе, члены которого вели взаимную борьбу, где человек человеку был волк; он должен был рассчитывать только на свои силы. Те, кто не обладали богатствами, — этим оружием в общественной борьбе, — были заранее обречены на бедствия; и так как они не видели выхода из своего положения, они предавались отчаянию; это чувство отразилось в стоицизме, этой принижающей философии побежденных обществом; под маской мужества стоицизм проповедывал еще до христианства трусливое смирение раба.

Греции и Иудеи, победив и перебив богачей и захватив их имущества. Святые и верующие, — верующими называли христиан, живших вне общины,— не могли здесь, на земле, утолить свою ненависть, свой гнев и насытить свои вожделения, поэтому они смирялись и возлагали на будущую жизнь полное удовлетворение своих страстей. Церкви были, на худой конец, лишь возбуждающим средством к тем наслаждениям, которыми они дали себе обещание насладиться. Когда же христианство стало господствующей религией,— первоначальные общины превратились в монастыри грубых и жестоких монахов, в орудие пап и епископов в их насильнической политике.

Будущая жизнь, обещанная всем принявшим веру, была неотразимой приманкой новой религии. Двери для всех были широко открыты; апостолы наделяли всех приходящих учением и загробным счастьем безо всяких формальностей посвящения, которые запрещали непосвященным доступ в мистерии; они обращали в христианство большими массами,— подобно средневековым папским легатам, пред битвой исповедывавшим и разрешавшим от грехов войска, шедшие избивать еретиков. Деяния Апостолов (II, 41—42) раскаазывают, что в один день обратилось 3.000 бедняков и «постоянно пребывали в учении апостолов, в общении, в преломлении хлеба и в молитвах». Апостолы, в особенности святой Петр, были людьми со смекалкой, — они подготовляли дух к вере, наполняя желудки.

Идея, которую христиане первых веков составили себе о душе, походила на идею первобытного человека. Душа была своего рода двойником; и сон и смерть освобождали его от телесной оболочки. «Те, которые спят, мертвы», — говорит святой Павел (Первое послание к коринфянам, XV, 20); чтобы разбудить их, нужно было только вновь водворить двойника в трупы. Богатые христиане, как сообщает Тертуллиан (Аполог. § 42), подобно египтянам, бальзамировали умерших, чтобы сохранить душе ее жилище; именно по этой причине христианство запретило сжигание трупов и утвердило погребение. Еще во времена святого Августина [a]) у христиан существовала вера в воскресенье мертвых путем возврата души в тело умершего; чтобы доказать истинность этого, Августин заимствует доказательства у языческих авторов и приводит вышепереданную историю Лабеона.

Апостолы, — быть может за исключением святого Павла,— не знали результатов усиленных толкований греческих спиритуалистов и софистов; а если б они даже и знали,— не приняли бы их в расчет. Нематериальная душа философов не показалась бы им чем-нибудь стоющим; как и их ново-

обращенные, они заботились только о теле, желая его воскресения. Исаия и его демагогический предвечный лучше обделывают свои дела. «Как воскреснут мертвые? И в каком теле придут?» — спрашивали святые у святого Павла. Вопрос был затруднителен; путаясь в тонкостях софистики относительно «тела животного» и «тела духовного», он в конце концов решил с маху,— тленные тела «воскреснут нетленными». (Первое послание к коринфянам, XV, 35, 44). Святой Августин не позволил себе сомневаться в слове апостола и с своей стороны тоже обещает нетленность тела, к которому христианство еще не проповедывало презрения, подобно орфизму. Святой Павел был прежде всего демагогом-агитатором, хотя и любил хвастать своей ученостью. Он знал, что когда нужно в чем-нибудь убедить массы, то какой-нибудь верный или неверный факт, — если о нем постоянно долбить, если его с убеждением преподносить, — куда действительнее самых тонких рассуждений софистики: не колеблясь, он об'являет, что Иисус воскрес во плоти и крови, что его видел Кифа, видели потом двенадцать и затем более чем пятьсот братьев, видел Иаков, видели все апостолы и, наконец, он видел, он — Павел. Раз Иисус воскрес, — заключает он, — воскреснут мертвые, ибо «если мертвые не воскресают, то и Христос не воскрес». (Первое послание к коринфянам, XV, 5—8, 13). Кто же не будет побежден столь неопровержимым доводом? Святой Августин снабжает другим такого же рода доказательством: «о воскресении Иисуса Христа и его вознесении на небо во плоти, в которой он воскрес, проповедуют во всем мире; если это не заслуживает веры, — каким же образом верит в это весь мир?» (Град Божий, XXII, § 5). В доказательство ссылались еще на предсказания Исаии и на святого Луку, передавшего это предсказание. Эти неоспоримые доводы породили в христианах такую твердую уверенность в воскресение, что они пустились даже в споры, воскрес ли Иисус с крайней плотью или даже без нее. — Апостолы и отцы церкви, немногим возвышавшиеся над умственным уровнем суеверных масс, первые поддавались собственным доводам; поэтому-то их пропаганда была так сильна.

Христиане первых веков, — еще меньше идеалисты, чем первобытный человек,— не могли постичь существования души без существования тела. Ориген утверждал, что один бог бестелесен, а святой Василий прямо придавал ангелам видимое тело. Тертуллиан приводит решительные основания бессмертия тела: «Человек, — говорит он, — должен необходимо стать тем, чем он был, чтобы получить от бога заслуженные им награду или наказание..., потому что душа может чувствовать только в соединении с прикрепляющей ее материей,

а эта материя есть плоть; и потому что душа заслужила в теле и вместе с телом то обхождение, которое она испытает на основании божьего суда» (Апологетика, § 48). Апостолы, отцы церкви и верующие не могли представить себе наказаний и наслаждений будущей жизни, в которых не участвовало бы тело.

Но «воскресение» вызвало затруднения, разрешением которых терзались умы отцов церкви, — дикари устранили эти затруднения, признав бесплотность души. Святой Августин в назидание верующим сохранил некоторые результаты таких глубокомысленных размышлений. Спрашивается: каким образом воскреснут тела? Будут ли они молоды или стары, красивы или безобразны? Так как на небе должно царить равенство, то решено было, что все тела воскреснут с одинаковым ростом, одинаковой красотой и одинакового возраста; безобразия будут исправлены, а так как Христос умер в цвете сил, то его возраст будет возрастом блаженных; старики помолодеют, чтобы не превысить его, а молодые постареют, чтобы достичь его лет. — Будут ли приняты в рай женщины? По поводу этого вопроса очень много спорили и серьезно спорили. Было бы невежливо захлопнуть перед их носом дверь, как этого хотелось бы; — они были слишком многочисленны в церквах и занимали в них слишком большое место; затем богатые женщины жертвовали без счету, а все они были мужественными и восторженными пропагандистками. Пришлось покориться и допустить их на небо, потому что на земле очень нуждались в их имуществе и в их самоотверженности; но проникнуть туда они могут тогда лишь, когда у входа оставят свой пол; было решено, что они возродятся мужчинами — несомненно из страха, что избранные начнут распутничать в раю с таким же увлечением, с каким святые распутничали в церквах, на что жалуются святые Петр и Павел. — Дикари, не видевшие ничего безнравственного и позорного в половых сношениях, разрешили этот вопрос, об'явив, что эти сношения будут продолжаться в другом мире, где к тому же не будет неудобства рожать младенцев, так как женщины станут тенями, а тень неспособна к зачатию. — Другие отцы утверждали, что женщины воскреснут со своим полом, но от него никакой пользы на небе не будет, так как единственным занятием и единственной радостью избранных будет созерцание бога. Эта важная и значительная проблема не была еще решена во времена святого Августина; но разрешена ли она теперь? Святой епископ гиппонский примкнул ко второму мнению; но его ошеломляющий «гений» был занят и другими, столь же значительными вопросами. Так как избранные должны будут всегда созерцать бога, то, следовательно, они не будут

иметь возможности закрывать глаза? «Было бы очень неприятно никогда не смыкать век, — замечает он в высшей степени рассудительно, — но было бы еще неприятнее терять из виду Господа, хотя бы на одно мгновение». И этот яркий светоч церкви выпутывается из затруднения посредством уверения, что избранные будут продолжать видеть лик бога даже с закрытыми веками. Град Божий,— это «мастерское произведение учености и благородного изображения христианства», — не что иное как многословное и часто спутанное и пошлое размазывание горячей и заразительной Апологетики Тертуллиана; Град Божий посвящает всю двадцать вторую и последнюю книгу столь затруднительным проблемам, которые были выдвинуты догматом воскресения.

Христианство, шедшее следом за мистериями, обещало бессмертие души и счастье в последующей жизни. «Я хлеб живый, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который я дам, есть плоть моя, которую я отдал за жизнь мира... Ядущий мою плоть и пиющий мою кровь имеет жизнь вечную, и я воскрешу его в последний день... Ядущий мою плоть и пиющий мою кровь пребывает во мне и Я в нем» (Евангелие от Иоанна, VI, 51, 54, 56). Новые культы, возрождавшиеся в античном мире, воспроизводили в своих обрядах нравы первобытных времен; посвященные мистерий Диониса и орфизма устраивали трапезу, за которой ели сырое мясо в воспоминание тех времен, когда люди еще не знали употребления огня для варки пищи; христианское причащение с его мистическим вкушением бога-человека вызывает воспоминание о людских трапезах первобытного человека. Верующие, принявшие участие в этой трапезе,— за которой Иисус был вместо агнца жертвой и основным блюдом, — спасаются, чтобы они ни делали, потому что в них живет Христос, спасаются помимо своей воли, потому что, если бы бог осудил на вечные муки своего сына Иисуса, это было бы верхом непристойности. Итак, вкушающие тело Иисуса могли «как золото валяться в грязи и не запачкаться».

Христианство, подобно мистериям, начало с того, что обеспечило своим верующим самую безусловную безнаказанность; эта вера была еще распространена во время святого Августина, находившего ее слишком прямолинейной. И все-таки этот мягкосердечный отец церкви, осуждающий на вечное поджаривание непосвященных в новую веру, уверяет, что «верующие, впавшие в ересь и вернувшиеся к идолопоклонству»,— самые страшные преступления, какие только может совершить христианин, — «отнюдь не умрут навеки, потому что они вкусили тело спасителя. Размер их безбожия не-

сомненно сделает их наказание более долгим, но оно не будет вечным». (Град Божий, XXI). Ад и его вечные муки был придуман только для неверующих; католическая церковь и теперь еще исповедует этот догмат. Вне церкви — нет спасения, — говорит она.

Апостолы призывали к новой вере всех людей, не беспокоясь о их национальности, социальном положении и нравственности; они их собирали и организовывали против общества неверных — врага, которого следовало ненавидеть, раз не было мужества сразиться с ним. Но, если космополитический и демагогический христианский бог не знал ни евреев, ни римлян, ни греков, ни варваров; если он не отличал рабов от свободных людей, бедных от богатых, преступных и порочных от невинных и добродетельных,— он все же тем не менее разделял людей на два враждебных лагеря: верующих и неверующих. Те,— что принимали веру, получали крещение и причащались плоти христовой, — были «посвященные»; они становились «братьями во Христе», даже если погрязали в пороках и продолжали их удовлетворять в церквах, в чем упрекают их святые Павел и Петр; они были уверены в вечном счастье. Но неверующие, будь они даже образцами добродетели, были осуждены гореть вечно «в адском пламени». «Их тело не умрет и огонь, их сожитающий, не угаснет».

Но вечное поджаривание вызывало возражения. Говорили: гореть и не погибнуть, — да это не в природе человеческого тела. «Священное писание, — отвечает непоколебимый святой Августин, у которого на все готов ответ, — учит нас, что до грехопадения природа человеческого тела была бессмертной и что при воскресении мертвых оно будет восстановлено в своем первобытном состоянии»; итак, оно будет гореть, не погибая. «Адское пламя сделает тело нетленным, — провозглашает Тертуллиан, — ибо есть два вида огня; один — разрушающий, другой — сохраняющий; так вулканические горы всегда горят и всегда существуют» (Апологетика, § 48). Святой Августин, возобновляя аргументы Тертуллиана, прибавляет: «Посмотрите на саламандру: она живет в огне». Но огонь — это элемент, сообразный с природой саламандры; он не заставляет ее страдать,— замечает неверующий.— Бог изменит это и устроит так, чтобы огонь был сообразен с природой тела осужденных, — возражал ученый отец. Но к страданию, вечно продолжающемуся, привыкнут, и настанет момент, когда его перестанут ощущать. На этот счет будьте спокойны, бог будет постоянно возобновлять страдания осужденных, — торжествующе отвечал кроткий святой.

Христианский бог, — которого философы и моралисты либеральной буржуазии изображают слащавым и гуман-

ным,— был в первые века нашей эры жестоким палачом, неутомимым и изобретательным. «А вам, оскорбляемым,— говорит святой Павел, — отрадно вместе с нами явление господа Иисуса с неба, с ангелами силы его, в пламенеющем огне совершающего отмщение непознавшим бога и непокоряющимся благовествованию господа нашего Иисуса Христа, которые подвергнутся наказанию вечной погибели от лица господа и от славы могущества его» (Второе послание к фессалоник., I, 7—9). Зевс заставлял мучить врагов своих далеко от своих глаз: Прометея на Кавказе, а Тантала в Тартаре; христианский бог, думая, что у его верующих такая же безжалостная душа палача, как и у него, обещает им в качестве небесного блаженства увеселительное зрелище вечных мук осужденных (Исаия, LXVI, 24).

Христианство не принесло «любви к ближним»; оно воскресило древнюю месть с ее жестокостью и обрядностью. Дикарь и варвар успокаивались лишь тогда, когда отомщали собственной рукой; когда гражданская власть отняла у отдельных людей право мстить, — сын жертвы или, в случае его отсутствия, ее самый близкий родственник присутствовал при наказании виновного, чтобы удовлетворить свою месть, которую ему не разрешено было производить собственноручно,— это было в ходу еще в Афинах Перикла и философов. Иисус, как говорит святой Павел, сам отмстит за себя неверным; бог, его отец, и избранные будут вечно насыщаться их страданиями: мучительная казнь неверных была самым поразительным доказательством славы и могущества господа.

Когда христианство стало проникать в более цивилизованные слои языческого общества, — бог и его сын Иисус тоже должны были цивилизоваться, чтобы стать на их уровень; они потеряли дикую привычку мстить за себя собственноручно и присутствовать при мучениях жертвы; они переложили наказание неверных с себя на подчиненных, на демонов, которых заставили мучить осужденных вдали от себя, в аду. — Дикарь освобождался от мучивших его духов, отсылая их продолжать последующую жизнь в обители наслаждений; христиане думали, что освободить города и деревни от демонов можно только заключением их в ад, дав им приятное занятие — вместо живых людей мучить мертвых. Уже язычники собирались до них дать демонам это развлечение; Платон предоставил им мучить грешников. Гезиод сумел лишь превратить их в полицейских и жандармов Зевса и госпожи Справедливости.

Христианство не принесло ничего нового; оно даже не выдумало своих нелепостей и своих грубых суеверий, но оно обладало несравненным искусством, неизвестным мисте-

риям и орфизму, — удовлетворять потребности ума и чувства, вожделения и страсти демократических масс; оно сумело сочетаться с ненавистью бедных к богатым, и в то же время — успокоить богатых, откладывая до другого мира исправление несправедливостей судьбы, вознаграждение добродетели и уравнение их положения и благосостояния. Вопреки своим первоначальным демагогическим замашкам, — оно стало предохранительным клапаном для состоятельных классов; ему удалось придать себе демократический и космополитический характер, — чего требовали товарное производство и товарообмен, — путем отмены обрядов посвящения, которыми окружали себя мистерии; это удалось ему еще и потому, что оно не сохраняло своего культа неподвижно в одном каком-нибудь городе или в одной нации; наоборот, оно переносило его во все места, принимая в свое лоно всех людей без различия происхождения и положения и связывая все общины в одну церковную организацию, которая в конце концов превратилась в господство попов. Христианство начало с того, что стало привлекать грубый и суеверный бедный люд, возрождая и материализуя первобытные предания и идею души, введенные в моду мистериями; когда же оно обеспечило себе этот опорный пункт и приобрело силы для обороны и нападения, оно, — нахватавшись верхушек спиритуалистических выводов греческой философии и прикрыв свою жестокость слащавой и лицемерной маской, какую должна носить религия эксплоататорской и гуманной буржуазии, — оно предприняло борьбу за захват умственно развитых и образованных классов общества.

ВЕРА В БОГА

I

Религиозность буржуазии и религиозность пролетариата

Буржуазное свободомыслие под ауспициями двух знаменитых ученых — Бертело и Геккеля — воздвигло себе в Риме, на виду у Ватикана, трибуну, чтобы громить своими ораторскими громами католицизм, — клерикальная иерархия и якобы непреложные догмы которого представляют для Ватикана религию.

Не думают ли свободомыслящие, что они освободились вообще от веры в бога, — главной основы всякой религии, — раз они творят суд над католицизмом? Думают ли они, что буржуазия — класс, к которому они принадлежат — может обойтись без христианства, одним из проявлений которого является католицизм?

Христианство, — хотя оно и могло бы приспособиться к другим социальным формам, — есть по преимуществу религия обществ, покоящихся на частной собственности и эксплоатации наемного труда; вот почему оно было, есть и будет религией буржуазии, что бы там ни говорили и ни делали. Свыше десяти веков все движения буржуазии—даже для организации, освобождения или захвата власти одним из ее новых слоев, — осложнялись религиозными кризисами; буржуазия всегда прикрывала свои материальные интересы, — к торжеству которых стремилась, христианством, провозглашая, что хочет переобразовать и вернуть его к чистому учению божественного учителя.

Буржуазные революционеры 1789 г., [a]), воображая, что можно искоренить во Франции христианство, преследовали духовенство с ни с чем несравнимой энергией: наиболее последовательные из них, полагая, что невозможно будет сделать что-нибудь до тех пор, пока существует вера в бога, упразднили его декретом, как какого-нибудь заштатного чиновника, и заменили его богиней Разума. Но когда революция перебесилась, Робеспьер восстановил декретом «высшее существо», — имя «бога» было бы еще плохо принято; а еще через несколько месяцев священники вышли из своих сокровенных уголков, открыли церкви, — верующие хлынули

в храмы, и Бонапарт, чтобы удовлетворить буржуазную чернь, подписал Конкордат [а]), тогда-то родилось христианство — романтическое, сентиментальное, картинное, шутовское, приспособленное Шатобрианом ко вкусам торжествующей буржуазии.

Умники из свободомыслящих утверждали и продолжают утверждать, вопреки очевидности, что наука в состоянии освободить человеческий мозг от идеи бога, делая эту идею бесполезной для понимания механизма вселенной. Однако же люди науки, за небольшими исключениями, находятся еще под обаянием веры в бога. — Если ученый в своей собственной области, по словам Лапласа, не нуждается в гипотезе бога для об'яснения изучаемых явлений, то он не рискнет об'явить ее бесполезной там, где надо отдать себе отчет в явлениях, которые не входят в круг его исследований; но все ученые признают, что бог более или менее необходим для правильного функционирования социального механизма и для нравственного воздействия на народные массы [102]). Однако, идея бога не только не рассеялась в умах людей, но самое грубое суеверие процветает не в темных деревнях, не среди невежд, а в цивилизованных столицах и среди образованных буржуа: одни вступают в переговоры с духами, чтобы получить вести из загробного мира; другие преклоняют колена перед святым Антонием Падуанским [б]), а чтобы найти потерянный предмет или угадать номер выигрышного билета в лотерее, выдержать экзамен в политехническую школу и т. п.; обращаются за советами к хиромантам, сновидицам (сомнамбулам), гадалкам, чтобы узнать будущее, истолковать

---

[102]) Научное обозрение — Revue scientifique — от 19 ноября 1904 г. дает подтверждение его (Лапласа) уверениям. М. Г. Пиерон в своем отчете об одном сочинении о Научном материализме признает, что «бог есть последняя удобная причина всего того, что нельзя об'яснить... что вера составляла всегда дополнение к науке.. и что наука не имеет никакого отношения к верованиям и вере... но что религия не абсолютно несовместима с наукой — при условии, однако ж, что она будет заключена в совершенно непроницаемую клетку». Он протестует также против «ряда современных ученых, которые ищут в науке лишь доказательств существования бога и истинности религии... как и против софизма тех из них, которые ищут в науке только доказательств небытия бога».

До современной нам эпохи — не признавать беспрерывную деятельность бога для поддержания порядка вселенной — значило бы отрицать его существование.—Сократ упрекал Анаксагора в том, что он в своих об'яснениях движения небесных тел устраняет вмешательство богов; а Платон сообщает, что афиняне считали атеистами тех философов, которые признавали, что движения планет и явления природы управляются известными законами (Законы, VII § 21); в другом месте он доказывает существование бога фактом сотворения мира, порядком, который в нем царит, и согласием всех народов, греков и варваров (там же, X, § 1). «Бог — это тот, кто поддерживает равновесие мира»,—говорили египетские жрецы.

сон и т. п. Научные знания, которыми они обладают, не защищают их от самого невежественного суеверия.

Но в то время, как во всех слоях буржуазии религиозное чувство продолжает жить и проявляется в тысяче форм, — промышленный пролетариат проявляет необоснованное, но непоколебимое безразличие к религии.

Г. Бутс [a]), — на основании широкого исследования религиозного состояния Лондона, «обойденного округ за округом, улица за улицей и часто дом за домом», — констатирует, что «народные массы не исповедуют никакого рода религии и не проявляют никакого интереса к религиозным обрядностям... Большая часть населения, которая носит имя рабочего класса и которая колеблется между мелкой буржуазией и последними бедняками, взятая в целом. остается вне сферы действия всех религиозных сект... Она пришла к тому, что рассматривает церкви, как просто места собраний тех, кто имеет состояние, и тех, которые расположены принять покровительство людей, поставленных в лучшее положение, чем она... Большинство рабочих нашего времени думают больше о своих правах и о переносимых ими несправедливостях, чем о своих обязанностях, которые они не всегда исполняют. Смирение и сознание греховности, быть может, не свойственны природе рабочего» [103]). Эти неоспоримые утверждения об инстинктивной нерелигиозности лондонских рабочих, — которых обычно рисуют столь религиозными, — может сделать самый поверхностный наблюдатель и в промышленных городах Франции: если там и встречаются рабочие, притворяющиеся религиозными или действительно религиозные,—такие очень редки,— то это потому, что религия является перед ними в форме благотворительной помощи; если другие являются фанатиками свободомыслия, то это потому, что им приходилось терпеть от вмешательства священника в их семейные дела или в их отношения с хозяином.

Безразличие в религиозных вопросах,— важнейший признак, по Ламенэ, нерелигиозности, — является врожденным у современного рабочего класса. Если политические движения буржуазии прикрывались религиозной или антирелигиозной формой, то у пролетариата крупной промышленности Европы и Америки нельзя заметить никакого стремления к выработке новой религии для замены христианства, никакого желания преобразовать его. Экономические и политические организации рабочего класса обоих частей света не интересуются никакими учеными спорами о религиозных догмах

---

[103]) Религиозные влияния. — Третья часть анкеты, предпринятая Ш. Бутсом о Жизни и труде лондонского населения.

и спиритуалистических идеях; но это не мешает им вести войну с духовенством всех религий, потому что оно служит классу капиталистов.

Как же это происходит, что буржуа, которые получают более или менее обширное научное образование, все еще находятся в плену религиозных идей, от которых освободились рабочие, лишенные этого образования?

II

Естественные причины идеи бога у дикарей

Произносить пространные речи против католицизма,— как свободомыслящие,— или игнорировать бога — как позитивисты, — легче, чем об'яснить, почему вера в бога так устойчива, несмотря на прогресс и распространение научных знаний; почему так прочно христианство, несмотря на насмешки Вольтера, преследования со стороны революционеров и критику ученых (экзегетов). Очень удобно разглагольствовать и игнорировать, но весьма неудобно об'яснять, потому что для этого надо начать исследовать, — как и почему вера в бога и спиритуалистические идеи проскользнули в человеческий ум, укоренились и развились там; а ответ на это можно найти, только восходя к идеологии дикарей, у которых уже отчетливо наметились общие черты спиритуалистических идей, засоряющих мозги цивилизованных людей.

Идея души и ее бессмертие есть изобретение дикарей; они сдарили себя нематериальным и бессмертным духом, чтобы об'яснить явления сна. Дикарь не сомневается в реальности своих снов. Если он во время сна охотится, сражается, мстит, а при пробуждении находит себя опять на том месте, где лег спать, — он об'ясняет это тем, что другой «он», — двойник, как он говорит, неосязаемый, невидимый и легкий, как воздух, — покинул его тело, об'ятое сном, ушел далеко на охоту или в бой; а так как ему случается видеть во сне своих предков или покойных товарищей, то он заключает, что их дух переживает их разложившиеся трупы.

Дикарь, — «дитя человеческого рода», как называет его Вико, — имеет, как и дитя, детские представления о природе; он думает, что может повелевать стихиями, как своими членами, что может приказывать дождю итти, ветру дуть, и т. п.; если, например, он боится, что ночь застигнет его в дороге, он установленным способом связывает определенные сорта трав, чтобы остановить солнце — точно так же, как сделал это, правда, молитвой, библейский Иисус (Навин). Так

как духи умерших имеют бо́льшую власть над стихиями, чем люди, он вызывает их, чтобы они произвели явления, которых ему не удалось произвести. Так как храбрый воин, искусный кудесник имеют больше влияния на природу, чем простые смертные, то и духи их должны, очевидно, иметь бо́льшую власть над ней, чем духи обыкновенных людей; поэтому дикарь выбирает их из толпы духов, чтит их дарами и жертвами, умоляет их ниспослать дождь, когда засуха угрожает его ниве, даровать победу, когда он выступает в поход, исцелить, когда он болен. — Первобытные люди, исходя из ошибочного об'яснения сна, выработали те элементы, которые позже послужили к созданию единого бога, который, в конечном счете, есть не что иное, как дух, более могущественный, чем другие духи.

Идея бога не есть ни врожденная идея, ни идея a priori, но идея a posteriori [a]); таковы — все идеи, потому что человек может мыслить, только приходя в соприкосновение с явлениями реального мира, которые он и об'ясняет, как умеет.

III

Экономические причины веры в бога у буржуа

С полным правом можно было бы ожидать, что чрезвычайное развитие и распространение научных знаний и доказательств необходимой связи явлений природы приведут к идее, что вселенная, управляемая законом необходимости, не зависит от капризов человеческой или сверхчеловеческой воли и что, следовательно, бог станет бесполезным, потому что у него будут отняты многочисленные функции, исполнение которых невежество первобытного человека возложило на него; однако же следует признать, что вера в бога, властного по своему желанию изменить необходимый порядок вещей, существует и у людей науки, и что встречаются образованные буржуа, которые просят у бога дождей, побед, исцелений и т. п.

Если ученым и удалось создать в буржуазных кругах убеждение, что явления естественного мира подчиняются закону необходимости так, что определяемые предшествуемыми явлениями, сами определяют последующие явления, — все же им остается еще доказать, что и явления социального порядка также подчиняются закону необходимости. Но экономисты, философы, моралисты, историки, социологи и политики, — которые изучают человеческие общества и даже претендуют на управление ими, — не добились и не могли добиться того, чтобы создать убеждение, что

социальные явления наравне с явлениями природы зависят от закона необходимости; и потому, — что они не могли укрепить этого убеждения, — вера в бога является необходимостью для буржуазных умов, даже наиболее культурных.

Философский детерминизм царит в естественных науках только потому, что буржуазия разрешила своим ученым свободное изучение действий сил природы, в познании которых она заинтересована, потому что пользуется ими для производства своих богатств; но в силу своего общественного положения она не может дать той же свободы своим экономистам, философам, моралистам, историкам, социологам и политикам, а поэтому они не посмели перенести философский детерминизм в область наук о социальном мире. — Католическая церковь, по подобной же причине, запретила некогда свободное изучение природы, и необходимо было свергнуть ее социальное владычество, чтобы создать естественные науки.

Исследование проблемы веры в бога у буржуазии возможно только при условии точного представления о роли буржуазии в обществе.

Социальная роль современной буржуазии состоит не в том, чтобы производить богатства, а в том, чтобы заставить наемных рабочих производить эти богатства; в том, чтобы присвоивать их себе и распределять их между членами своего класса, оставляя людям физического и умственного труда лишь необходимое для их пропитания и размножения.

Богатства, похищенные у рабочих, составляют добычу буржуазного класса. Варвары-воины после взятия и разграбления города складывали вместе награбленные вещи, делили их на возможно равные части и распределяли путем жребия между теми, кто рисковал своей жизнью, для того чтобы их добыть.

Организация общества позволяет буржуазии овладевать богатствами, причем так, что ни один из ее членов не принужден рисковать своей жизнью: овладение этой колоссальной добычей без страха опасности есть один из крупнейших успехов цивилизации. Богатства, награбленные у производителей, не делятся на равные части для распределения путем жребия; они раздаются — в форме арендной платы, ренты, дивидендов, процентов и прибылей, промышленных и торговых, — соразмерно стоимости движимой или недвижимой собственности, т.-е. величине капитала, которым обладает каждый буржуа.

Обладание собственностью, капиталом, а не физическими, умственными или нравственными качествами — есть необходимое условие для участия в распределении богатств. — Дитя в пеленках наравне с взрослым может иметь право при дележе богатств; богатством владеет умерший, пока

живой не станет преемником его имущества. Распределение происходит не между людьми, а между собственниками. — Человек — ноль; только собственность имеет значение.

Дарвинову борьбу — которую животные ведут между собой из-за средств к существованию и размножению, — ошибочно приравнивали к той, которая неистовствует среди буржуазии при разделе богатств. Качества силы, храбрости, ловкости, терпения, хитрости и т. п., которые обеспечивают животному победу, суть неот'емлемые части его организма, тогда как собственность, — а только она дает буржуа часть богатств, которых он не произвел, — не сливается с его личностью. Эта собственность может возрастать или уменьшаться и приносить ему, следовательно, большую или меньшую часть богатств, причем ее увеличение или уменьшение не вызывается деятельностью физических или умственных способностей буржуа. Самое большее, что можно было бы сказать, это то, что плутовство, интриги, шарлатанство, словом, самые низменные умственные качества позволяют буржуа захватить бóльшую часть, чем та, которую стоимость именно его капитала позволяет ему вычесть из общей добычи; в этом случае он обкрадывает своих собратьев — буржуа. Итак, если борьба за существование, в числе других обстоятельств, служит причиной прогресса в мире животных, то борьба за богатство есть причина вырождения для буржуа.

Социальная миссия захвата богатств, произведенных наемниками, делает буржуазию паразитическим классом: ее члены, за исключением немногих, число которых беспрерывно уменьшается, не содействует созданию богатств, и работа их не соответствует части богатств, которая достается на их долю.

Если христианство, — бывшее в первые века религией толпы нищих, которых государство и богачи содержали ежедневной раздачей жизненных припасов, — стало религией буржуазии, паразитического класса по преимуществу, то это потому, что паразитизм есть сущность христианства. Иисус в своей нагорной проповеди поучительно изложил этот его характер. Именно здесь он формулировал «Отче наш», молитву, с которой каждый верующий должен обратиться к богу, чтобы испросить у него «хлеба насущного», вместо того, чтобы просить работы; и далее, — чтобы ни один христианин, достойный этого имени, не введен был во искушение прибегнуть к труду для получения вещей, необходимых для жизни. — Христос прибавляет: «Посмотрите на птиц небесных: они не сеют и не жнут, но ваш отец небесный кормит их... Не заботьтесь, и не говорите, что будем мы есть завтра, что будем пить, во что оденемся?.. Ваш отец небесный знает, что вы нуждаетесь во всех этих вещах». Небесный отец буржуазии — это класс наем-

ников физического и умственного труда; он — тот бог, который заботится о всех ее потребностях.

Но буржуазия не может открыто признать своего паразитического характера, не подписывая себе тем самым смертный приговор. Поэтому, давая полную свободу людям науки, чтобы они, не стесненные никакой догмой, не останавливаемые никакими соображениями, отдались самому свободному и углубленному изучению сил природы, которое она прилагает к производству богатств, — буржуазия в то же время запрещает своим экономистам, философам, моралистам, историкам, социологам и политикам беспристрастное изучение социального мира и осуждает их на изыскание об'яснений, которые оправдывали бы ее удивительное богатство [104]).

Поглощенные одной заботой о полученных или предстоящих к получению гонорарах, — они с увлечением пустились искать, нет ли, по счастливой случайности, другого творца общественных богатств, кроме наемного труда, и нашли, что работа, бережливость, порядок, честность, знание, ум и множество других добродетелей промышленной и торговой буржуазии, земельных собственников, финансистов, акционеров и рантье способствуют производству богатств, оказывая свое действие другим способом, чем наемный труд, — физический и умственный, — а потому первые вправе взять себе львиную долю, а последним оставить долю вьючного животного.

Буржуа слушает их с улыбкой, — ведь они ему возносят похвалы; он даже повторяет эти бесстыдные уверения и провозглашает их вечными истинами; но как бы ограничен ни был его ум, его совесть не может это признать, потому что ему стоит лишь оглянуться вокруг, чтобы увидеть, что те, кто работает всю свою жизнь, если они не обладают капиталом, — беднее Иова, и что те, — кто обладают лишь знаниями, умом, бережливостью, честностью и применяют их на деле, — должны ограничить свое честолюбие ежедневным пропитанием и редко

---

[104]) Поучительна история политической экономии. Пока капиталистическое производство, в начале своего развития, еще не преобразовало всю массу буржуазии в паразитов, — физиократы, Адам-Смит, Рикардо и другие, могли беспристрастно изучать экономические явления и искать общие законы производства; но с тех пор, как машина и пар стали содействовать наемному труду в создании богатства, — экономисты ограничиваются собиранием фактов и статистических цифр, полезных для торговой и биржевой спекуляции, и уже не пытаются группировать или классифицировать их для того, чтобы извлечь из них теоретические заключения, ибо эти заключения могут быть только угрозой для господства класса собственников; вместо того, чтобы заниматься наукой, они замахиваются кулаками на социализм; они даже пытались опровергнуть теорию стоимости своего Рикардо, потому что социалистическая критика завладела ею.

чем-нибудь свыше этого. Тогда буржуа говорит: «Раз экономисты, философы и политики, имеющие много ума и литературных познаний, не могли, несмотря на все их добросовестные исследования, найти более действительных причин для об'яснения богатств буржуазии, то это только потому, что в деле имеется неясность, неизвестные причины, тайны, которых нельзя исследовать». — И пред буржуа встает «Непознаваемое» общественного порядка.

Ради спокойствия своего социального порядка, буржуа заинтересован в том, чтобы наемники думали, будто его богатства являются плодом его бесчисленных добродетелей; но сам буржуа в действительности так же мало думает о том, что эти богатства — гонорар за его качества, как и о том, что трюфеля, которые он ест с жадностью свиньи, поддаются культивированию. Единственая вещь, которая имеет для него значение, это — обладание богатствами, и беспокоит его только одна мысль, что он может потерять их — даже не по своей вине. Он не может отбросить от себя эту неприятную перспективу, потому что даже в тесном кругу своих знакомых он видал, как одни лица теряли свое имущество, в то время как другие, бывшие перед тем в стесненном положении, становились богачами. Причины этих неудач ускользают от него так же, как и от тех, кто их испытал. Словом, буржуа констатирует постоянный прилив и отлив богатств; причины этого кроются для него в области «Непознаваемого» и он приходит к тому, что приписывает эти превратности судьбы удаче или случаю [105]).

Нет надежды, что буржуа дойдет когда-нибудь до положительного познания закона распределения, потому что по мере того как развивается машинное производство, собственность обезличивается и принимает коллективную, безличную форму акционерных обществ, бумаги которых в конце

---

[105]) Буржуазный ум мучился во все времена постоянной неуверенностью в своем счастьи, которое греческая мифология представляет в виде женщины с завязанными глазами, стоящей на крылатом колесе. Феогнид из Мегары, поэт V века дохристианской эры, поэзия которого, по словам Изократа, изучалась в греческих школах, говорил: «Никто не причинен в своих выигрышах и потерях, — боги распределяют богатства... Мы, люди, питаем суетные мысли, но мы ничего не знаем. Боги заставляют все совершаться по своему желанию... Юпитер склоняет весы то в одну сторону, то в другую, — по своему желанию, дабы кто-нибудь стал богат, а потом в мгновение лишился бы всего... Ни один человек не бывает богатым или бедным, благородным или простолюдином без вмешательства богов». Авторы Экклезиаста, книг Псалмов, Притч и Иова заставляют Иегову играть ту же роль. — Греческий поэт и еврейские писатели одинаково выражают буржуазную мысль.

Мегара, как и Коринф, ее соперник, — один из первых приморских городов, где развились торговля и промышленность. Здесь

концов увлекаются в биржевой водоворот. Там они переходят из руки в руки, причем ни покупатель, ни продавец не видели собственности, которую эти бумаги представляют, и не знают точно географического места, в котором она расположена. Собственности обмениваются, теряются одними и приобретаются другими — способом, который до такой степени приближается к игре, что биржевые операции носят название «игры». Все современное экономическое развитие стремится мало-по-малу превратить капиталистическое общество в обширный международный игорный дом, где буржуа выигрывают и теряют капиталы, благодаря событиям, которых они не знают, которые ускользают от всякого предвидения, всякого расчета и которые, кажется им, зависят от удачи, от случая. — «Непознаваемое» царит в буржуазном обществе как в игорном доме.

Игра, которая откровенно ведется на бирже, была всегда одним из условий торговли и промышленности: риск так велик и непредвиден, что часто операции, лучше всего задуманные, рассчитанные и проведенные, не удаются, тогда как другие, предпринятые наобум и предоставленные своему течению, — удаются. Этот успех и неуспех, обязанные неожиданным причинам, обычно неизвестным, и, как кажется, зависящим лишь от случая, предрасполагают буржуа к настроению игрока; а биржевая игра укрепляет и оживляет это предрасположение. Капиталист, — состояние которого помещено в биржевые ценности, который не знает причин колебаний их цен и дивидендов, — профессиональный игрок. А игрок, — который в состоянии приписать свои выигрыши и свои потери только удаче или неудаче, — в высшей степени суеверен; у всех завсегдатаев игорных домов имеются магические формулы заклинаний судьбы: одни бормочут молитву святому

образовался многочисленный класс ремесленников и буржуазии; они возбуждали гражданские войны, чтобы овладеть властью. Приблизительно за шестьдесят лет до рождения Феогнида, демократы после одного победоносного восстания отменили все долги, следуемые аристократам, и потребовали возвращения уплаченных процентов. Феогнид, хотя и член аристократического класса, хотя и питал страшную ненависть к демократам, которые ограбили и изгнали его, и выпить «черную кровь» которых он хотел, — не мог, однако, избегнуть влияния социальной буржуазной среды. Он весь пропитан ее идеями, чувствами и даже языком. Так он несколько раз производил исследования над находящимся в обращении золотом; к этому должны были постоянно прибегать купцы, чтобы узнать стоимость монет и слитков, пущенных в оборот. И потому-то гномическая поэма [a]) Феогнида, как и книга Ветхого завета, сообщавшая основные положения буржуазной премудрости, стала книгой, которую изучали в школах демократических Афин. «Он писал, — говорит Ксенофонт, — трактат о человеке, как ловкий наездник написал бы трактат об искусстве верховой езды».

Антонию Падуанскому или какому-нибудь другому небесному духу, другой ставит лишь тогда, когда выиграл известный цвет, третий держит в левой руке кроличью лапку и т. п.

«Непознаваемое» социального порядка окружает буржуа, как «Непознаваемое» естественного порядка окружало дикаря. Все или почти все акты цивилизованной жизни стремятся к развитию в буржуа суеверной и мистической привычки, существующей у игрока, — привычки относить все к случаю. Например, кредит, без которого невозможны никакая торговля, никакая промышленность, есть акт веры в случай, в неизвестное, который совершает тот, кто его дает, потому что он не имеет никаких положительных гарантий в том, что в день уплаты тот, кто его получает, в состоянии будет выполнить свои обещания, так как его платежеспособность зависит от тысячи и одной случайностей, столь же непредвиденных, как и неизвестных.

Другие экономические явления изо-дня в день внушают буржуа веру в мистическую силу без материальной основы, отвлеченную от всякой материи. Назовем только один пример: банковый билет обладает общественной силой, так мало соответствующей ничтожному количеству его материи, что подготовляет буржуазный ум к идее силы, существующей независимо от материи. Это жалкий клочок бумаги,— он не был бы удостоен быть поднятым с пола, если бы его магическое могущество не давало тому, кто им владеет, всего, что есть наиболее материального и желательного в мире: хлеба, говядины, вина, домов, земли, лошадей, женщин, здоровья, уважения, почестей и т. д.,— чувственных удовольствий и духовных наслаждений; бог не сумел бы сделать большего. Буржуазная жизнь соткана из мистицизма [106]).

Торговые и промышленные кризисы выдвигают пред устрашенным буржуа неисчислимые силы такого непреодолимого могущества, они сеют такие же ужасные бедствия, как и гнев христианского бога. Когда кризисы устремляются на цивилизованный мир, они разоряют буржуа тысячами и разрушают продукты и средства производства на сотни миллионов. Экономисты в течение столетия отмечают их периодическое возвращение и не могут при этом создать

---

[106]) Ренан, скептический и культурный ум которого затуманен мистицизмом, чувствовал определенную симпатию к безличной форме собственности. Он рассказывает в своих «Воспоминаниях детства» (VI), как вместо того, чтобы жертвовать все свои доходы на покупку недвижимой собственности, земли или дома, — он предпочитал купить «биржевые ценности, эти более легкие, хрупкие, эфирные вещи». Банковый билет точно такая же эфирная ценность, как и акции обществ, и рентные бумаги.

подходящего об'яснения их происхождения. Невозможность найти на земле их причины побудила английских экономистов искать их на солнце: его пятна, говорят они, губя засухой урожай Индии, уменьшают ее способность покупать европейские товары и вызывают кризисы. Эти серьезные ученые научно приводят нас к судебной астрологии средневековья, которая подчиняла все события человеческих обществ влиянию звезд, и к вере дикаря во влияние падающих звезд, комет и лунных затмений на их судьбы.

Экономический мир кишит для буржуа тайнами, не поддающимися исследованию; экономисты смиряются,— не надо углублять их. Капиталист, которому, благодаря своим ученым, удалось подчинить силы природы, так ошеломлен непостижимым действием экономических сил, что он об'являет их не поддающимися исследованию,— они подобны богу,— и думает, что разумнее всего переносить со смирением несчастья, которые они ниспосылают, и принимать с благодарностью счастье, которое они даруют. Он говорит вместе с Иовом: «Бог дал, бог взял, да будет имя его благословенно». Экономические силы кажутся ему фантасмагорическими (кошмарными), подобно благодетельным и зловредным существам [107]).

Неведомые страхи социального порядка,— которые окружают буржуа и которые поражают его, — неизвестно для него, почему и как — в его промышленности, его торговле, его счастьи, его благосостоянии, в его жизни,— так же мучительны для него, каким было для дикаря «неведомое» естественного порядка, которое потрясает и распаляет его чрезвычайно богатое воображение. Антропологи об'ясняют колдовство, веру в душу, духов и бога у первобытного человека, его незнанием естественного мира; то же об'яснение пригодно и для цивилизованного человека; его спиритуалистические идеи и его вера в бога должны быть приписаны незнанию социального мира. Неопределенная продолжительность его благоденствия и непознаваемые причины его счастья и несчастья предрасполагают буржуа, подобно дикарю, к признанию существования высших существ, которые по своей фантазии влияют на социальные явления в благоприятную или неблагоприятную сторону, как говорит об этом Феогнид и книги Ветхого завета. И для того чтобы умилостивить их, он и предается самым грубо-суеверным занятиям:

---

[107]) Кризисы производят на буржуа такое сильное впечатление, что они говорят о них, как о телесных существах. Знаменитый американский юморист Артемий Уард рассказывает, как, наслышавшись положительных утверждений нью-иоркских финансистов и промышленников, «что кризис уже пришел, он уже здесь», — он подумал, что кризис находится в гостиной, и принялся искать его под столом и креслами, чтобы увидеть, какой у него вид.

общается с загробными духами, возжигает свечи пред святыми образами и молится триединому христианскому богу или единому философскому богу.

Дикаря, живущего среди природы, смущает, главным образом, неведомое естественного порядка, которое, наоборот, не очень тревожит буржуа: этот знает лишь природу прикрашенную, декоративную, подстриженную, посыпанную песочком, приглаженную, прирученную. Многочисленные услуги, которые оказала ему наука для его обогащения, и те, которых он ждет от нее,— властно порождают в его уме слепую веру в ее могущество; он не сомневается, что наука когда-нибудь кончит тем, что разрешит неизвестные естественные вопросы и даже продолжит его жизнь до неопределенного времени, как обещает это микробоманиак Мечников, но иначе обстоит дело с неизвестным социального мира, — вот единственно, что смущает буржуа; он не допускает, чтобы это возможно было об'яснить. Это неведомое социального мира, а не естественного мира, незаметно вводит в его ум, небогатый воображением, идею бога, над изобретением которой он не трудился и которую он нашел совсем готовой для усвоения. — Непонятные и неразрешимые задачи делают бога столь необходимым, что он изобрел бы его, если бы в этом была нужда.

Буржуа, смущенный приводящими в трепет приливом и отливом счастья и несчастья и непонятной игрой экономических сил,— еще более смущается резким противоречием между поведением его и его собратий и ходячими идеями о справедливости, морали и честности; он сентенциозно повторяет эти идеи, но остерегается руководствоваться ими в своих поступках, хотя и требует от лиц, входящих с ним в сношения, чтобы они строго с ними сообразовались. Например, если купец доставляет клиенту попорченный или фальсифицированный товар, — он хочет, чтобы ему заплатили хорошей и настоящей монетой; если промышленник обманывает рабочего при измерении его труда, — он требует, чтобы тот не терял ни минуты времени, за которое он ему платит; если буржуа патриот,— а все буржуа патриоты,— захватывает отечество более слабого народа, то целость своего отечества, — которое по словам Сесиля Родса [a]) есть сама социальная справедливость, — становится его коммерческой догмой. Справедливость, мораль и другие более или менее вечные принципы имеют для буржуа значение, лишь когда они служат его интересам; они имеют два лица: одно, прощающее и улыбающееся, которое смотрит на него, и другое, обращенное к другим, нахмуренное и требовательное.

Вечное и всеобщее противоречие между делами и представлениями о справедливости и морали, способное, казалось, поколебать у буржуа идею справедливого бога, наоборот,

укрепляет ее и подготовляет почву для идеи бессмертия души, которая угасла уже у народов, пришедших к патриархальному периоду; эта идея поддерживается, укрепляется и постоянно оживляется у буржуа его обыкновением ждать вознаграждения за все, что он делает и чего не делает [108]). Буржуа потребляет рабочих, фабрикует товары, продает, покупает, ссужает деньги, оказывает какую-нибудь услугу — только в надежде быть вознагражденным, извлечь барыш. Постоянное ожидание прибыли приводит к тому, что он не совершает ни одного поступка ради удовольствия его совершить, а только ради получения барыша: если он великодушен, милосерден, честен, или если он ограничивается только тем, чтобы не быть бесчестным,— он не довольствуется удовлетворением своей совести; чтобы быть удовлетворенным и не считать себя обманутым в своих лучших и чистосердечных чувствах, ему нужно возмещение; если он не получает на земле своего барыша, что частенько бывает, он рассчитывает получить его на небе. Он ожидает платы не только за свои добрые дела и за воздержание от дурных,— но он надеется еще получить возмещение за свои несчастья, неуспехи, свои досады и даже за свои печали. Его «я» настолько требовательно, что для его удовлетворения он присоединяет небо к земле. Несправедливости цивилизации столь многочисленны и столь вопиющи, а те, жертвой которых становится он сам, принимают в его глазах такие неизмеримые размеры, что его здравый смысл не может допустить, чтобы они не были когда-

---

[108]) Феогнид, как Иов и авторы книг Ветхого завета, — смущен трудностью примирить несправедливость судьбы с справедливостью бога. «О, сын Сатурна, — говорит этот греческий поэт, — как можешь ты даровать одинаковую судьбу справедливому и несправедливому... О, царь бессмертных, справедливо ли, чтобы тот, кто не был бесчестным, кто не нарушил закона, кто не клялся ложными клятвами, но кто остается всегда честным, — страдал?.. Человек несправедливый, думающий лишь о себе, который не боится ни гнева людей, ни гнева богов, который учиняет несправедливости, — осыпан чрезмерными богатствами, тогда как справедливый лишен всего и испытывает тяжелую нужду. Кто же из смертных, видя эти вещи, станет бояться богов?» Псалмопевец говорит: «И вот, эти нечестивые блаженствуют в веке сем, умножают богатство... и думал я, как бы уразуметь это, но это трудно было в глазах моих... Я позавидовал безумным (тем, кто не боится бога), видя благоденствие нечестивых...» (Псалмы, 73, 3—10).

Феогнид и евреи эпохи Ветхого завета, не верившие в существование души после смерти, не верили, что несправедливость будет наказана на земле, «ибо мудрость богов превыше всего», — говорит греческий моралист. «Но это смущает человеческий ум, потому что бессмертные мстят за вину не в момент совершения поступка. Один платит лично свой долг, другой осуждает на несчастье своих детей». — Люди, согласно христианскому учению, осуждены за грех Адама.

нибудь вознаграждены, и этот день сияет ему с того света: он уверен, что лишь на небе он получит вознаграждение за свои несчастья. Загробная жизнь становится для него несомненным фактом, ибо его добрый, справедливый и украшенный всеми буржуазными добродетелями бог не может поступать иначе, как давши ему вознаграждение за все, что он сделал и чего не сделал, и возмещение за все его страдания,— в небесном коммерческом суде будут оплачены все счета, которые не могли быть оплачены на земле.

Буржуа не называет несправедливостью присвоение богатств, созданных рабочими; такое воровство — для него сама справедливость; он не может представить себе, чтобы бог,— или что бы там ни было, — имел по этому вопросу другое мнение. Тем не менее, он не думает, чтобы вечная справедливость была оскорблена разрешением рабочим иметь желание улучшить условия своей жизни; но так как он с достоверностью знает, что эти улучшения должны будут осуществиться за его счет, то он полагает, что политически умнее будет обещать им будущую жизнь, в которой они будут жить привольно, как буржуа. Обещание загробного счастья есть внеэкономический способ удовлетворять требования рабочих. — Жизнь после смерти, надежда на которую доставляет ему удовольствие для удовлетворения своего «я», превращается в орудие эксплоатации.

С момента, когда окончательная оплата земных счетов переносится на небо, бог необходимо становится судьей, имеющим в своем распоряжении Эльдорадо для одних и каторгу для других, как уверяет — вслед за Платоном — христианство [109]). Небесный судия постановляет свои приговоры по судебному кодексу цивилизации, дополненному кое-какими моральными принципами, которые не могли в нем фигурировать ввиду невозможности установить и доказать обиду.

Современный буржуа ждет главным образом вознаграждений и возмещений в загробном мире; он мало заинтересован в наказании злых, т.-е. людей, которые нанесли ему личные обиды. Ад мало беспокоит христианина — прежде

---

[109]) Сократ в десятой и последней книге «Республики» сообщает как факт, достойный доверия, историю одного армянина: брошенный мертвым на поле сражения, он через десять дней воскрес, подобно Иисусу, и рассказал, что видел на том свете «души, десятикратно наказанные за каждую совершенную на земле несправедливость». Их мучили «отвратительные люди, казавшиеся совершенно огненными... Они сдирали с преступников кожу, волокли их по земле через терновник и т. д.». Христианам, которые извлекли из платоновской софистики часть своих нравственных идей, осталось лишь дополнить и усовершенствовать Сократа, чтобы устроить свой ад, украшенный столь невероятными ужасами.

всего потому, что он убежден, что не сделал, не может сделать ничего такого, чтобы заслужить его, а затем потому, что он не злопамятен к своим собратьям, которые обидели его. Он всегда расположен вновь завязать с ними деловые или дружеские отношения, если находит их выгодными; он даже имеет некоторое уважение к людям, обманувшим его, потому что, в конце-концов, они сделали ему только то, что он сделал бы или пожелал бы им сделать. Ежедневно в буржуазном обществе встречаются личности, плутни которых произвели скандал, которых можно было бы считать навеки погибшими и которые выплывают опять на поверхность и приобретают почетное положение; от них требуется лишь иметь деньги, чтобы возобновить дела и честную прибыль [110]).

Ад мог быть выдуман только людьми и для людей, терзаемых ненавистью и жаждой мести. Бог первых христиан— бесжалостный палач; ему доставляют радость наслаждения вечные муки, на которые осуждены неверующие — его враги. Святой Павел говорит о явлении господа Иисуса «с неба с ангелами силы его, в пламенеющем огне совершающего отмщение непознавшим бога и не покоряющимся благовествованию господа нашего Иисуса Христа, которые подвергнутся наказанию, вечной погибели от лица господа и от славы могущества его...» (Второе послание к Фессал. 7—9).

Христианин того времени ожидал также с горячей верой награды за свое благочестие, как и наказания своих врагов, которые становились врагами бога. Буржуа, не питающий уже столь жестокой ненависти,— ненависть не приносит барышей,— не нуждается в аде, чтобы утолить свою месть, ни в боге-палаче, чтобы карать тех собратьев, которые обманули его.

Буржуазная вера в бога и бессмертие души есть одно из идеологических явлений его социальной среды; он освободится от нее только тогда, когда у него будут отняты его богатства, украденные у наемников, и из класса паразитического он будет превращен в класс производительный.

Буржуазия XVIII века, которая боролась во Франции за захват социальной диктатуры, с яростью напала на католическую церковь и христианство, потому что они поддерживали

---

[110]) Эмиль Перейр на другой день скандального краха банка под заклад движимостей (Crédit Mobilier), которого он был основателем и директором, встретив на бульваре приятеля, который сделал вид, что не узнает его, направился прямо к нему и громко сказал: «Вы можете кланяться мне, у меня еще остались миллионы». Заявление, которое так хорошо выражает буржуазные чувства, было истолковано и оценено. Перейр умер, имея сотню миллионов, уважаемый и оплакиваемый.

аристократию; если в пылу сражения некоторые из ее руководителей — Дидеро, Ла-Меттри, Гельвеций, Гольбах доводили иррелигиозность до атеизма, то другие, не менее, если не более крупные представители ее духа,— Вольтер, Руссо, Тюрго, —никогда не доходили до отрицания бога. Философы, материалисты и сенсуалисты, Кабанис, Мэн де-Биран, Жерандо, которые пережили революцию, публично отреклись от своих учений неверия. Не следует тратить времени на обвинения этих замечательных людей в измене своим философским взглядам, которые, в начале их карьеры, обеспечили им известность и средства к существованию; виновата лишь буржуазия; победоносная, она утеряла свою антирелигиозную боеспособность и, подобно библейским собакам, вернулась к своей блевотине — христианству, которое, как и сифилис, является органической болезнью и сидит в крови буржуа. Эти философы подверглись влиянию социальной атмосферы: они были буржуа, они эволюционировали вместе со своим классом.

Эта социальная атмосфера, влияния которой не могут избежать самые образованные и самые свободные духом буржуа, ответственна за деизм [a]) гениальных людей, — каковы Кювье, Жоффруа Сент-Иллер, Фарадэй, Дарвин,— и за агностицизм и позитивизм современных ученых, которые, не смея отрицать бога, воздерживаются от того, чтобы заниматься им. Но это воздержание есть молчаливо выраженное признание существования бога, в котором они нуждаются для понимания социального мира; мир этот кажется им игрушкой случая,— вместо того, чтобы быть управляемым законом необходимости, как естественный мир.

Г. Брюнетьер, полагая, что мечет эпиграмму в свободомыслие своего класса, повторяет слова немецкого иезуита Грубера, что «Непознаваемое есть идея бога, усвоенная франкмасонством». Непознаваемое не может ни для кого быть идеей бога; но оно есть причина, порождающая эту идею одинаково как у дикарей, так и у буржуазного христианства и у франкмасонства. Если «неизвестное» естественной среды создало для дикаря и варвара необходимость идеи бога, создателя и распорядителя вселенной, то «неизвестное» социальной среды создает для буржуа необходимость идеи бога, распределяющего богатства, украденные у наемников физического и умственного труда, раздающего добро и зло, вознаграждающего за дела, заглаживающего несправедливости и исправляющего ошибки. Дикарь и буржуа вовлекаются в веру в бога так же незаметно для самих себя, как незаметно для них вращение их самих вокруг земной оси.

IV

Развитие идеи бога

Идея бога, которую зародило и взрастило в человеческом уме «неизвестное» естественной и социальной среды, не является неизменной; она меняется сообразно времени и месту; она эволюционирует по мере того, как способ производства развивается и изменяет социальную среду.

Бог греков, римлян и древних народов помещался в определенном месте и существовал лишь на пользу своих поклонников и во вред их врагам; каждая семья имела своих особых богов, которые были духами обожествленных предков, и каждый город имел свое божество, или полиаду, как говорили греки. Бог, или богиня города, пребывали в посвященном им храме и воплощались в своем изображении, которое часто было обрубком дерева или камнем; он или она интересовались только судьбой жителей города. Боги-предки занимались лишь семейными делами. — Библейский Иегова был богом в этом духе; он жил в деревянном сундуке, называемом священным кивотом, который переносился при переселении колен [a]); его ставили во главе армий, для того чтобы Иегова сражался за свой народ; если Иегова жестоко наказывал его за нарушение своего закона, то он же оказывал ему многочисленные услуги, как сообщает Ветхий завет. Когда муниципальный бог оказывался не на высоте своего положения, к нему присоединяли другое божество; римляне во время второй пунической войны, привезли из Пессинунта статую Кибелы, чтобы малоазиатская богиня помогла им защищаться против Ганнибала. У христиан было такое же представление о божестве, когда они разрушали храмы и разбивали статуи богов, чтобы выселить их и помешать им покровительствовать язычникам. — Дикари думали, что душа есть подобие тела, а потому их обожествленные духи, которые воплощались в камнях, куске дерева и животных, сохраняли человеческий образ. Также и для святого Павла и апостолов бог был антропоморфным; поэтому они сделали из него богочеловека, подобного им телом и духом. Современный же капиталист представляет его себе без головы и рук, находящимся не в каком-либо определенном месте, а во всех углах и закоулках земного шара.

Греки и римляне, — равно как и евреи и первые христиане, — не думали, что их бог — единственный в мире бог, евреи верили в Молоха и Ваала и других богов народов, с которыми они воевали, так же крепко, как и в Иегову; а христиане первых веков и средневековья, если и называли Юпитера и Аллаха лжебогами, то все же принимали их за

богов, могущих совершать удивительные чудеса, совсем как Иисус или небесный отец [111]). И именно потому, что они верили в многочисленность богов, возможно было, что каждый город имел своего бога, прикрепленного к своей службе, заключенного в храм и воплощенного в статуе или в какомнибудь предмете; Иегова был воплощен в камне. Современный капиталист думает, что его бог находится во всех местах земли, и должен был поэтому притти к представлению о едином боге; и вездесущность, которую он приписывает своему богу, мешает ему представлять его себе с лицом и ягодицами, с руками и ногами, подобно гомеровскому Юпитеру и Иисусу святого Павла.

Божества-полиады, годившиеся для воинственных городов древности, постоянно боровшихся с окружающими народами, — не могли отвечать религиозным потребностям, созданным товарным производством в буржуазных демократиях торговых и промышленных городов, принужденных, наоборот, поддерживать мирные отношения с соседними народами. Потребность торговли и промышленности заставила нарождающуюся буржуазию демуниципализировать божества-полиады и создать богов космополитических. В течение семи или шести веков до христианской эры в приморских городах Ионии, Великой Греции и Греции наблюдаются попытки организовать религии, боги которых не были бы монополизированы исключительно одним городом, но которые признавались и почитались бы различными народами, даже враждебными. Эти новые божества,— Изида, Деметра, Дионис, Митра, Иисус и т. д., многие из которых принадлежали к матриархальной эпохе,— были еще облечены в форму человека, хотя уже началась чувствоваться нужда в высшем существе, которое не было бы антропоморфным; но лишь в эпоху капитализма выдвигается идея аморфного бога, как следствие безличной формы, облекающей собственность акционерных обществ.

Безличная собственность акционерных обществ, которая ввела абсолютно новую форму владения, диаметрально противоположную той, которая существовала до сих пор,— необходимо должна была изменить обычаи и нравы буржуа и преобразовать, следовательно, состояние его духа. До ее появления можно было быть владельцем только виноградника в Борделэ, ткацкой в Руане, кузницы в Марсели, колониального магазина в Париже. Каждая из этих собственностей,—

---

[111])—Тертуллиан в своей Апологетике и святой Августин в Граде Божьем сообщают, как несомненный факт, что Эскулап воскресил многих умерших, имена которых они приводят; что одна весталка носила решетом воду из Тибра, что другая весталка тянула на буксире своим поясом судно и т. п.

различная по отрасли промышленности и географическому положению,— находилась во владении одного единственного лица или двух, самое большее — трех лиц; редко было, чтобы одно и то же лицо владело несколькими предприятиями. Иначе обстоит дело с безличной собственностью; железная дорога, копи, банк и т. п. находятся во владении сотен и тысяч капиталистов; один и тот же капиталист может иметь в своем портфеле, бок о бок, процентные бумаги государственных займов Франции, Пруссии, Турции, Японии, акции золотых приисков в Трансваале, электрических трамваев в Китае, пароходной трансатлантической компании, кофейной плантации в Бразилии, каменноугольных копей во Франции и т. д. Капиталист не может питать к безличной собственности,— бумагами которой он обладает,— любовь, которую питал буржуа к своей собственности, которой он управлял или которая управлялась под его контролем: его интересует лишь соотношение между ценой, уплачиваемой за акцию, и величиной дивиденда, которую она приносит. Ему совершенно безразлично, обслуживается ли его дивиденд ассенизационным предприятием, сахарным заводом или бумагопрядильней и производится ли он в Париже или в Пекине. — С момента, когда один лишь процент на капитал приобретает значение, характеристические различия собственности, доставляющей его, исчезают; и эта собственность, различная по отраслям промышленности и географическому положению, отождествляется для капиталиста в единую собственность, носительницу дивидендов, бумаги которой, обращающиеся на бирже, продолжают сохранять различные имена отраслей промышленности и страны.

Безличная собственность, обнимающая все отрасли промышленности и распространяющаяся на весь земной шар, вытягивает свои щупальца, вооруженные сосочками, к доходам как христианской нации, так и магометанской, буддийской или фетишистской [a]) страны. Так как накопление богатств есть поглощающая и господствующая страсть буржуа, то это отождествление собственности, различной по природе и национальности, в единую и космополитическую собственность должно отразиться на его интеллекте и повлиять на его представления о боге [112]). Безличная собственность влечет за собой, незаметно для него, отождествление земных богов в единого и космополитического бога, который, смотря по стране, носит имя Иисуса, Аллаха или Будды и почитается по различному ритуалу.

Что идея единого и универсального бога, — которую Анаксагор высказал одним из первых и которая в течение

---

[112]) «Богатство не порождает пресыщения»,— говорит Феогнид,— «человек, у которого много добра, прилагает усилия удвоить его».

веков жила лишь в умах нескольких мыслителей,— стала общепринятой идеей лишь при капиталистической цивилизации — это исторический факт. Но как рядом с этой безличной собственностью, единой и космополитической, существуют еще бесчисленные собственности, личные и местные, так местные и антропоморфные боги сталкиваются в уме капиталиста с единым и космополитическим богом. — Разделение народов на национальности, соперничающие в промышленности и торговле, заставляет буржуазию дробить своего единого бога на столько богов, сколько существует национальностей: таким образом, каждый христианский бог, — который является однако же богом всех христиан, — есть вместе с тем и бог национальный, каковыми были Иегова у евреев и Афина-Паллада у афинян. Когда две христианские нации об'являют войну, каждая из них просит своего национального и христианского бога, чтобы он сражался за нее и дал ей победу. Она поет: «Тебе, бога, хвалим», чтобы отблагодарить его за то, что он разбил враждебную нацию и ее национального и христианского бога. Язычники заставляли сражаться между собой различных богов, — христиане заставляют своего единого бога сражаться с самим собой. — Единый и космополитический бог мог бы окончательно свергнуть в буржуазном уме национальных богов, если бы все буржуазные нации были способны слиться в одну нацию.

Безличная собственность обладает еще другими свойствами, которые она перенесла на единого и космополитического бога.

Собственник хлебного поля, столярной мастерской или галантерейной лавки может видеть, осязать, измерять, оценивать свою собственность, точная и определенная форма которой запечатлевается в его чувствах. Но собственник процентных бумаг государственного займа и акций железной дороги, каменноугольной копи, страхового общества или банка не может видеть, осязать, измерять, оценивать частицу собственности, которую представляют его бумаги и бумажные акции: в каком лесу или государственном здании, в каком вагоне, тонне растительного масла, страховом полисе и денежном сундуке банка может он предположить ее местонахождение? — Его доля собственности потерялась, слилась в обширном целом, так что он не может даже представить ее себе; ибо, хотя он видел и локомотивы и вокзалы, равно как и подземные галлереи, он никогда не мог видеть в ее целом железную дорогу или шахту; а государственный заем какого-нибудь государства, банк или страховое общество невозможно и представить в каком-нибудь реальном образе. Безличная собственность может принять в его воображении

лишь туманную, неясную, неопределенную форму; она для него скорее отвлеченное существо, нежели чувственная реальность. Однако же, эта собственность, безличная, неопределенная — как метафизическое понятие, заботится о всех его нуждах, как христианский небесный отец, не требуя от него никакой другой работы и умственного напряжения, кроме собирания дивидендов: он получает их в блаженной праздности тела и духа, как милость капитала, отражением которой является милость божья — «самый верный из христианских догматов», по словам Ренана. Он не ломает себе больше головы для того, чтобы познать природу безличной собственности, которая дает ему ренту и дивиденды, как и для того, чтобы узнать: мужчина ли, женщина ли или животное — его единый и космополитический бог, умен он или глуп, обладает ли он качествами силы, жестокости, справедливости, доброты и т. п., которыми были награждены антропоморфные боги; он не теряет времени, чтобы воссылать ему молитвы, потому что уверен, что никакая мольба не изменит величины ренты и дивиденда безличной собственности, духовным отражением которой является его единый и космополитический бог.

В то же время, когда безличная собственность превратила христианского антропоморфного бога в аморфное, отвлеченное существо, в метафизическое понятие, она лишила буржуазное религиозное чувство той силы заразительности, которая порождала фанатичную горячку мучеников, крестоносцев и инквизиторов; она преобразовала религию в дело личного вкуса,— как кухня, которую каждый приспособляет на свой лад: на коровьем масле или на растительном, с чесноком или без оного. Но если капиталистическая буржуазия имеет нужду в религии и если она находит либеральное христианство подходящим для себя, то она не может принять без серьезных исправлений католическую церковь, инквизиторский деспотизм которой доходит до мелочей частной жизни; эта церковь своей организацией епископов, священников, монахов и иезуитов, дисциплинированных и послушных мановению пальца и взгляду, угрожает его общественному порядку. Католическую церковь могло переносить только феодальное общество, все члены которого, от раба до короля, составляли одну иерархию и были связаны один с другим взаимными правами и обязанностями; но она не может быть терпима буржуазной демократией, члены которой, равные перед фортуной и законом, но разобщенные интересами, находятся в беспрерывной промышленной и торговой вражде и желают всегда иметь право критиковать конституционные власти и делать их ответственными за свои экономические неудачи.

Буржуа, который в погоне за обогащением не желает быть стесненным никакими путами, не может также терпеть цеховую организацию ремесленников, которая следила за способом производства и качеством продуктов. Он ее разрушил. Освобожденный от всякого контроля, он совещается лишь единственно со своей выгодой о создании своего счастья,— каждый сообразно с капиталом, которым располагает. За качество фабрикуемых и продаваемых товаров он отвечает лишь перед своей каучуковой совестью. Дело клиента не давать себя в обман — в качестве, весе и цене того, что он покупает. Каждый за себя, а бог, т.-е. деньги, за всех. Свобода торговли и промышленности должна была необходимо отразиться на его способе понимать религию, которую каждый понимает на свой лад. Каждый и устраивается сам с богом, так же как со своей совестью в торговых делах; каждый истолковывает сообразно своим интересам и своим познаниям поучения церкви и слова библии, которая в руках протестантов то же, что кодекс в руках всех буржуа.

Буржуа-капиталист не может быть ни мучеником, ни инквизитором, потому что потерял страсть прозелитизма, которая воспламеняла первых христиан,— ведь они были существенно заинтересованы в увеличении числа верующих с целью увеличить армию недовольных, борющихся с языческим обществом; — но он имеет своего рода страсть религиозного прозелитизма, без воодушевления и без убеждения, которая обнаруживается в его эксплоатации женщины и наемника.

Женщина должна быть покорна его воле. Он хочет, чтобы она была верной или неверной сообразно его желаниям: если она — жена его собрата, если он ухаживает за нею, он требует от нее неверности — как долга по отношению к его «я», и он употребляет все свое красноречие, чтобы освободить ее от религиозных сомнений; если она его законная жена, она становится его собственностью и должна быть неприкосновенной; он требует от нее непоколебимой верности и пользуется религией, чтобы внедрить в ее голову супружеский долг.

Наемник должен быть покорен своей судьбе. Социальная функция эксплоататора труда требует от буржуа, чтобы он пропагандировал христианскую религию, проповедуя смирение и покорность богу, который избирает господ и определяет слуг, и чтобы он дополнял христианские поучения вечными принципами демократии. Он всецело заинтересован в том, чтобы наемники истощали свою умственную энергию в спорах о религиозных истинах и в дискуссиях о справедливости, свободе, морали, отечестве и о других подобных грубых ловушках, чтобы у них не осталось ни минуты для размышлений об их бедственном положении и о средствах улучшить его.

Знаменитый радикал и сторонник свободной торговли Яков Брайт так высоко оценивал этот метод одурачивания, что жертвовал свои воскресные дни для чтения и раз'яснения библии своим рабочим. Но дело одурманивания помощью библии, которое англичане обоих полов могут предпринять от безделья и из прихоти, — очень нерегулярно, как всякий любительский труд. Промышленная буржуазия имеет потребность располагать профессионалами одурачивания для выполнения этой задачи. Духовенство всех культов доставляет их ей. Но каждая медаль имеет свою оборотную сторону: чтение библии наемниками представляет опасность, которую сумел оценить Рокфеллер. «Великий трестификатор» (создатель трестов), чтобы помочь делу, организовал трест для печатания популярных библий, очищенных от жалоб на испорченные нравы богачей и от воплей завистливого гнева против их скандального счастья. Католическая церковь предвидела эти опасности и отразила их тем, что запретила верующим читать библию и сожгла живым Виклефа, — первого переводчика библии на народный язык. Католическое духовенство, с своими девятидневными молитвами, паломничеством и своими прочими лицемерными обрядами, из всех духовенств умеет с наибольшим знанием дела применять искусство одурманивания; оно также умеет лучше всех распределить братьев и сестер иньоратинцев [a]), поставляемых для обслуживания первоначальных школ, и религиозных надзирательниц — для обслуживания мастерских, в которых применяется женский труд. Крупная промышленная буржуазия за многочисленные, оказанные ей услуги поддерживает духовенство в политическом и денежном отношении, несмотря на антипатию, которую она чувствует к ней за ее иерархию, жадность и вмешательство в семейные дела.

V

Причины иррелигиозности пролетариата

Многочисленные попытки, предпринятые в Европе и Америке, чтобы христианизировать промышленный пролетариат, потерпели полную неудачу; им не удалось вывести его из его равнодушия к религии; это равнодушие распространяется по мере того, как машинное производство зачисляет в армию наемников — своих новых рекрутов из крестьян, ремесленников и мелкой буржуазии.

Машинный способ производства, порождающий религиозность у буржуазии, создает, наоборот, иррелигиозность у пролетариата.

Логично, что капиталист верит в провидение, внимательное к его нуждам, в бога, который выбирает его из тысяч

и тысяч, чтобы осыпать богатствами его праздность и социальную бесполезность. Еще логичнее, что пролетариат игнорирует существование божественного провидения, потому что он знает, что никакой небесный отец не даст ему его ежедневного хлеба, хотя бы он молил его с утра до вечера, и что наемную плату, которая дает ему для жизни предметы первой необходимости, он заработал своим трудом; он очень хорошо знает, что брось он работать, он издохнет с голоду, несмотря на всех «добрых боженек» неба и всех благотворителей земли. Наемник сам для себя — провидение. Условия его жизни делают невозможным другое понятие провидения: в его жизни нет, как в жизни буржуа, этих превратностей судьбы, которые могли бы как по волшебству вывести его из его печального положения. Наемником он родился, наемником живет, наемником умрет. Его честолюбивые мечты простираются не дальше увеличения наемной платы и непрерывности платы в течение всех дней года и всех лет его жизни. Случаи и непредвиденные счастливые удачи, которые предрасполагают буржуа к суеверным идеям, — не существуют для пролетариата, а идея бога не может появиться в человеческом уме, если ее появление не подготовлено суеверными представлениями, безразлично какого происхождения.

Если бы рабочий дал увлечь себя верой в бога, разговоры о котором он слышит кругом себя, не обращая на них никакого внимания, он начал бы допытываться о его справедливости, которая дала ему лишь жребий труда и нищеты; он почувствовал бы к нему ужас и ненависть и представил бы его себе в образе и виде буржуа-эксплоататора, подобно черным рабам колоний, которые говорили, что бог — белого цвета, как и их хозяева.

Конечно, наемник не более капиталиста отдает себе отчет в ходе экономических явлений и не об'ясняет себе, почему с такой же правильностью, как ночь сменяет день, за периодами промышленного процветания и высоко напряженного труда следуют кризисы и безработица. Этот недостаток понимания предрасполагает буржуазный ум к вере в бога, но не оказывает того же действия на наемника, потому что они занимают различное положение в современном производстве. Обладание средствами производства дает буржуа бесконтрольное распоряжение производством и сбытом продуктов и принуждает его, следовательно, заняться причинами, которые на них влияют; наемник, напротив, не имеет нужды беспокоиться об этом. Он не участвует ни в управлении производством, ни в выборе и снабжении его сырьем, ни в способе производства, ни в продаже товаров; он поставляет лишь труд, как вьючное животное. Пассивное послушание иезуитов, вызывающее велеречивое негодование свобо-

домыслящих является законом для армии и мастерской. Капиталист ставит наемника перед машиной, приведенной в движение и снабженной сырьем, приказывает ему работать, и он становится частью машинного механизма. В производстве для него существует лишь одна цель — наемная плата, — единственный интерес, который буржуазия принуждена была ему оставить; раз он ее получил, ему больше нечего требовать. Так как плата — единственный интерес, который буржуазия позволила ему сохранить к производству, ему остается лишь забота о том, чтобы иметь работу для получения платы; и так как хозяин или его представители дают ему работу, то за них, за людей, которые так же, как и он сам состоят из плоти и крови, он хватается, когда у него есть работа или когда ее нет, а не за экономические явления, которых он, быть может, не знает; это на них он сердится за сокращение платы и приостановку работ, а не на общие пертурбации производства. Их он делает ответственными за все доброе и худое, с ним случающееся. Наемник переносит на личность буржуа все случайности производства, которые его постигают, тогда как обладание средствами производства обезличивается по мере того, как производство переходит к машинному способу.

Жизнь, которую ведет рабочий крупной промышленности, удаляет его еще более, чем буржуа, от влияния естественной среды, которая поддерживает у крестьянина веру в привидения, колдуний, порчу и другие суеверные идеи. Ему случается видеть солнце лишь через окна мастерской, знать природу только по деревням, окружающим город, в котором он работает, и видеть ее только в редких случаях; он не сумел бы отличить ржаного поля от овса и ботву картофеля от конопляного стебля; он знает продукты земли лишь в том виде, в каком он их потребляет. Он находится в полном неведении о полевых работах и о причинах, влияющих на сбор жатвы: засуха, проливные дожди, град, ураганы никогда не заставляют его задумываться об их влиянии на природу и ее жатвы. Его городская жизнь охраняет его от беспокойства и мучительных забот, которые осаждают душу земледельца. — Природа не оказывает никакого впечатления на его воображение.

Труд в механической мастерской создает связь между наемником и ужасными силами природы, связь, которой не знает крестьянин,—но вместо того, чтобы находиться в подчинении у них, — он их контролирует. Гигантские машины из железа и стали, которые заполняют завод и которые он приводит в движение как автомат, подчас захватывающие, калечащие и расплющивающие его, — вместо того, чтобы породить в нем суеверный страх, как гром в крестьянине, оста-

вляют его бесстрастным и бесстрашным, потому что он знает, что члены металлического чудовища были изготовлены и собраны его товарищами, и ему стоит только переложить ремень, чтобы пустить в ход или задержать чудовище. Машина, несмотря на ее могущество и чудесную производительность, не представляет для него никакой тайны. Рабочему электрической станции, которому стоит только повернуть ручку на распределительной доске, чтобы послать на расстояние километров двигательную силу для трамваев или свет для городских ламп, достаточно сказать, подобно богу книги Бытия: «Да будет свет», чтобы стал свет... Никогда нельзя было себе вообразить более фантастического волшебства; но для него это волшебство — простая и естественная вещь. Его очень удивило бы, если бы кто-нибудь пришел сказать ему, что какой-нибудь бог может, если захочет, остановить машины и потушить лампы, когда он соединил электричество; он ответил бы, что этот анархический бог не что иное как приведенная в беспорядок зубчатая система или порванный шнур провода, и что ему легко было бы найти и образумить этого бога-разрушителя. Работа в современной мастерской обучает наемника научному детерминизму, так что он не имеет нужды в теоретическом прохождении наук.

Так как буржуа и пролетарий не живут более среди полей, то явления природы не имеют больше власти порождать в них суеверные идеи, которые были использованы дикарем для выработки идеи бога; но если один из них, потому что он принадлежит к господствующему и паразитическому классу, испытывает порождающее суеверные идеи воздействие социальных явлений, другой — потому, что он принадлежит к классу эксплоатируемому и производительному, недоступен их вызывающему суеверие воздействию. — Буржуазия до тех пор не будет расхристианизирована и освобождена от веры в бога, пока у нее не будут экспроприированы диктатура ее класса и ее богатства, которые она ежедневно грабит у наемных рабочих.

Свободное и беспристрастное изучение природы породило и прочно установило в известных научных кругах убеждение, что все эти явления подчиняются закону необходимости, и определяющие их причины следует искать в природе, а не вне ее. Это изучение, кроме того, позволило подчинить силы природы для служения человеку.

Но промышленное использование природных сил преобразовало средства производства в такие гигантские экономические организмы, что они ускользают от контроля капиталистов, которые их монополизируют. Это доказывают периодические — промышленные и торговые — кризисы. Эти производственные организмы, хотя и созданные человеком, рас-

страивают во время кризисов социальную среду с такой же слепой силой, с какой разбушевавшиеся естественные силы потрясают природу. Современные средства производства могут контролироваться только обществом; для того, чтобы такой контроль мог быть установлен, они должны предварительно стать собственностью общества: тогда только они перестанут порождать социальные неравенства, давать богатства паразитам и осуждать на нищету наемных производителей и создавать мировые пертурбации, которые капиталист и его экономисты умеют приписывать лишь случаю и неизвестным причинам. Когда они будут находиться в обладании и под контролем общества, не будет больше «Непознаваемого» социального порядка; тогда, и только тогда, будет вытравлена из человеческого ума вера в бога.

Безразличие к религиозным вопросам у современных рабочих, определяющие причины которого я исследовал, есть новое явление, которое происходит впервые в истории; народные массы до сих пор всегда вырабатывали спиритуалистические идеи, из которых философам достаточно было извлечь квинт-эссенцию и затемнить ее, подобно религиозным легендам и идеям; а священникам и правящим классам оставалось только организовать эти легенды и идеи в официальные религии и в орудие духовного порабощения масс.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1

Поль Лафарг.—Детерминизм Карла Маркса

(Исследования о происхождении и развитии идей: справедливости, добра души и бога. Париж, 1909. Жирард и Бриер. 384 стр.)

Некоторые из очерков, собранных товарищем Лафаргом в этом томе, еще свежи в памяти читателя. Остальные стоят на такой же высоте и заслуживают не менее первых быть переведенными на немецкий язык. Нельзя превзойти той прозрачной ясности, с какой Лафарг прилагает историко-материалистический метод исследования к весьма серьезно подобранным историческим проблемам.

Без сомнения, изложению этих проблем можно было бы придать более ученую и многословную форму на избитом ученом языке, скажем, Канта. Но мы в этом не усмотрели бы никакого преимущества. Напротив, тов. Лафарг угадал наши мысли, когда во вступительной главе об историческом методе Карла Маркса добродушно и ничуть не оскорбительно, но очень метко, посмеялся над теми марксистами, которые, прежде чем применить марксистский метод, желают вполне убедиться в его совершенстве. «Что подумали бы эти товарищи о плотнике, который, вместо того, чтобы работать своими молотками, пилами и рубанками, стал бы придираться к ним из-за пустяков. Плотнику пришлось бы долго ворчать, ибо нет совершенного орудия. Критика тогда лишь перестает быть пустой и становится плодотворной, когда она следует за опытом, который лучше всяких «глубокомысленных» рассуждений указывает нам на несовершенства наших орудий и учит исправлять их недостатки. Человек пользовался когда-то грубым каменным молотом, и только опыт научил его выработать более ста типов молота, различных по материалу, весу и форме». Так говорит Лафарг. — Да, таких марксистов можно сравнить с людьми, стоящими на берегу моря и проделывающими плавательные движения в воздухе, чтобы убедиться умеют ли они плавать.

К сожалению, этот род добрых людей и плохих музыкантов весьма распространен среди немецких марксистов; он

распространяется в гораздо большем количестве, чем следовало бы на родине Карла Маркса, с тех пор, как над Германией носится привидение покойника Канта. Понятно и вполне в порядке вещей, что буржуазные историки пытаются разбить марксизм такими мелкими придирками, они обнаруживают этим свой инстинктивный страх последовать в область, где их ожидает решительное поражение. Но марксисты не должны итти по следам их крохоборства; это можно назвать чем угодно, — только не марксизмом. Совершенно правильно указывает Лафарг на то, что Маркс дал нам свой исторический метод не в виде доктрины с аксиомами, теоремами, королляриями, леммами; метод был для Маркса только орудием исследования, и Маркс удовлетворялся его применением на опыте, формулировав его в лапидарном стиле. Этот метод можно критиковать, только оспаривая его результаты и опровергая, скажем, теорию классовой борьбы. Этого-то и остерегаются буржуазные историки и философы и об'являют марксистский метод исследования созданием дьявола, вероятно потому, что он открыл в классовой борьбе могущественный рычаг исторического переворота.

Правда, говорят, что марксистский метод — только гипотеза, правильность которой должна быть еще доказана. Да, если бы правильность этой гипотезы можно было доказать не только на практике. Вопрос о правильности такой гипотезы только тогда выдвигается на очередь, когда разрешен основной вопрос, — в состоянии ли она привести к новым и ценным результатам. Очень часто ошибка является кратчайшей дорогой к истине. Христофор Колумб исходил из ошибочной гипотезы Птоломея и открыл Америку, полагая, что прибыл в Ост-Индию; точно также Дарвин пришел к своему, составляющему эпоху, открытию потому, что с закрытыми глазами принял за истину неверный закон Мальтуса о народонаселении. Поэтому тот, кто считает себя учеником Маркса, должен проверить его метод на опыте, чтобы оказаться достойным своего учителя, и поэтому-то мы с живейшей радостью приветствовали последние произведения Каутского и Кунова в надежде, что эти ласточки сделают наконец весну.

Товарищ Лафарг, к счастью, не подвержен влиянию призрака покойного Канта, за что ему, конечно, были сделаны серьезные упреки. Его очерки — тонкая филигранная работа; гибкая сила его мысли развивается в тех формах, которыми когда-то так восхищался Лессинг у французских мыслителей, говоря, что они всегда обнаруживают хороший вкус, не хвастая при этом своей ученостью. Наши французские товарищи должны быть весьма благодарны своему языку, освобождающему их от той философской тарабарщины, которую в Герма-

нии, кажется, невозможно искоренить. Стоит только прочесть главу Лафарга о вере в бога, — как это все ясно, просто и убедительно. В Германии такие исследования не обошлись бы без «религиозной самобытности» или «полноты горячих чувств и психической задушевности евангельского понятия — бог», о каковых прелестях мы читаем в одном журнале, в остальных отношениях превосходном. И не к последним заслугам Маркса и Энгельса относится наше освобождение от того философского жаргона, который имел смысл в свое время, но кажется таким же допотопным в произведениях марксистов, каким был бы язык Готтшеда [1]), после Гете, в стихах Гейне. Будь это только стилистической причудой, то с ней, в крайнем случае, можно было бы примириться, но неясная форма сообщает неясность и самой мысли; конечно, если эта неясность формы сама не проистекает от неясности мысли.

Было бы крайне желательно, чтобы и те очерки Лафарга, которые еще неизвестны немецкому читателю, были переведены на немецкий. Они все принадлежат к той марксистской литературе, которая имеет непреходящее значение.

Ф. Мерин.

Neue Zeit. 1908—1909 г.г., том I.

Рецензия.

---

[1]) Готтшед — немецкий Тредьяковский начала XVIII столетия.

ПРИЛОЖЕНИЕ

2

Примечания

К стр. **15.** а) См. предисловие Маркса к его «Критике политической экономии» — январь 1859 г., ст. 32, изд. ун-та Зиновьева, 1922 г.

б) Основы материалистического понимания истории опубликованы Марксом в указанном предисловии 1859 г. «К критике политической экономии». Лафарг написал свой очерк «Экономический детерминизм Маркса» в первые годы нашего столетия, поэтому в тексте у него «около полувека».

в) «Применить метод Маркса на опыте» значит пытаться установить и об'яснить методом исторического материализма факты прошлой исторической деятельности и, пользуясь этим опытом, этими историческими «уроками», нащупать, при помощи того же метода, и осуществлять правильную коммунистическую, пролетарскую тактику в быстро меняющейся обстановке современной нам действительности, т.-е. поставить нашу классовую борьбу на научную основу.

К стр. **16.** а) «Спорили о самом атоме» т.-е. о том, что такое атом «в себе», «сам по себе», «как таковой» и т. д., т.-е., забросив опыт, спорили об атоме, отвлеченном от действительной его природы, о том «идеале» атома, который они сконструировали в своих головах «идеологически», т.-е. умозрительным путем, а не на опыте.

б) Дальтон — химик.

в) «В начале было дело», — Гете, Фауст, акт I; — так думают материалисты-историки, в противоположность историкам-идеалистам, которые думают — «в начале бе слово» — идея; — Евангелие от Иоанна, I.

г) Экономический детерминизм или материалистическое понимание истории, исторический материализм, экономический материализм — равнозначащие выражения.

К стр. **17.** а) «Опыт о народонаселении» Мальтуса—1798 г.; основная мысль: население всегда растет быстрее средств существования, — население имеет тенденцию расти в геометрической, а средства существования в арифметической прогрессии, — отсюда нищета и вырождение масс; лекарством, чтобы уравновесить эти прогрессии, служит проповедь, обращенная к массам и в первую голову к рабочему классу, проповедь воздержания, необходимости задержать рост населения. Реакционно-буржуазная сторона и теории и проповеди ясна. Маркс резко высказывается, — особенно в многочисленных местах на страницах «Капитала», — против Мальтуса и мальтузианства; он категорически отрицает существование единого закона населения для всех исторических общественных формаций. — «Всякому особенному историческому способу производства свойственны свои особенные, имеющие историческое значение, законы населения. Абстрактный закон населения существует только для растений и животных, пока в эту область не вмешивается человек». — К. I. 649. Капиталистический способ производства порождает свой специфический — капиталистический — закон населения, а именно — закон

относительного перенаселения: накопление капитала «сопровождается непрерывным качественным изменением его состава, постоянным увеличением его постоянной составной части за счет переменной и таким образом относительно уменьшает спрос на труд». — К. I. 645, т.-е. вытесняет рабочих из производства в резервную армию безработных. — «Рабочее население, производя накопление капитала, тем самым в возрастающих размерах само производит средства, которые делают его относительно избыточным населением. Это свойственный капиталистическому способу закон населения». — К. I. 648 — 9. Следовательно, относительное перенаселение, — рост армии безработных, — колеблющееся в зависимости от темпа «изменения органического состава капитала и его технической формы», — явление историческое, преходящее, как преходящ и капиталистический способ производства, его породивший; оно отнюдь не зависит от того, с какой быстротой размножается человечество.

Лафарг указывает, что именно эта теория Мальтуса, заимствованная им, к слову, у натуралистов Франклина и Линнея, — «ученически-поверхностный и поповски-напыщенный плагиат», — К. I. 630, эта ложная теория натолкнула Ч. Дарвина на гениальную теорию исторического процесса развития органических форм, названную им теорией «естественного отбора», заключающегося в приспособлении организмов к условиям их существования. Это гениальное открытие, как лучем электрического прожектора, осветило тайну органического мира. Теория «естественного отбора» — ключ к тысячелетней, коренной тайне происхождения органического мира.

б) Гипотеза Демокрита — атомистическая гипотеза.

в) «Аксиомы, теоремы, королларии, леммы» — различные наименования, даваемые учеными людьми — выводимым ими логическим путем истинам (а два последних термина — полуистинам, подистинам, дополнительным истинам и т. п.) к главной истине, обычно совершенно излишним и основательно затемняющим основную мысль. Вся эта архитектура логической аргументации обычно путает свежего человека, она обычно же и создается учеными людьми в целях пущей неприступности плодов их учености для простых смертных людей, а иногда и в целях набить себе цену. Простые люди в досаде, что надо ломать голову над этими логическими вывертами, иногда называют ученых людей — мандаринами, учеными колпаками и т. п. — Маркс был врагом и этих вывертов и людей с этими вывертами.

К стр. **19.** а) Боссюэт и Ж. де-Местр. — середина XVIII и начало XIX веков — защитники абсолютной монархии в предреволюционной и послереволюционной Франции.

К стр. **26.** а) «Крупных премий», у Лафарга в тексте стоит 6%, по тому времени крупный процент на вложенные в банк деньги, обычный тогда процент сберегательных касс был — 3.

К стр. **40.** а) Переворот 2 декабря 1851 г. — захват Наполеоном III государственной власти во Франции, — о нем см. «18-е Брюмера» Маркса.

К стр. **42.** а) «Фурии частного интереса» — выражение Маркса.

К стр. **66.** а) В тексте Лафаргом приведены примеры, не употребительные в русском языке, — они заменены другими.

К стр. **68.** а) Ср. с примерами Лафарга наше разговорное обозначение «бесчисленного» количества словом «тьма», например, «тьма тьмущая народу» и т. д.

К стр. **92.** а) Гакстгаузена — «Путешествие в Россию», полное заглавие книги Гакстгаузена: «Исследования о внутренних отношениях народной жизни и в особенности сельских учреждений России». Автор книги — агроном — совершил свое путешествие в 1843 г. по крепостной России. Прусское правительство поручило ему еще

в тридцатых годах обследовать поземельные отношения в Пруссии. Во время этого обследования Гакстгаузен наткнулся на кое-какие особенности в земельных отношениях тех местностей, где когда-то жили славянские племена, — это обстоятельство и привело его в Россию. Николаевское правительство сочувственно отнеслось к Гакстгаузену и к его цели, снабдило его нужными документами к местным губернаторам, открыло перед ним архивы и т. д. Книга Гакстгаузена — результат этой поездки по России. Об этой книге у нас в России впоследствии писали много раз. Любопытный обзор этой книги дан Чернышевским в «Современнике» за 1857 год, когда начались первые толки об «освобождении» крестьян после севастопольского разгрома. Статья напечатана в III томе полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского.

К стр. **94**. а) «Латинский поэт» — Лукреций Кар.

К стр. **108**. а) Обол приблизительно = 5 к.; золотой талант = 1665 р.; серебряный талант = 166 р.

К стр. **111**. а) Олинф, город во Фракии, — оплот афинского влияния. Он подвергся нападению со стороны Филиппа Македонского. Олинфv на помощь афиняне выслали войско. «Олинфские речи» — агитационные речи Демосфена против Филиппа.

К стр. **114**. а) «Платоническое удовлетворение» — в мыслях, но не на деле.

К стр. **129**. а) Иосиф Флавий, еврей, римский историк I века нашей эры.

К стр. **131**. а) Миф о Прометеенческоеоенц«Платооена исмвыгу истории культуры», изд. «Московский рабочий».

б) Аристогитон и Гармодий — афинские молодые люди, аристократы — в 514 г. до нашей эры составили кое с кем из близких друзей заговор убить Гиппия и Гиппарха за оскорбление сестры одного из этих юношей. Им удалось убить на улице Гиппарха, при этом оба юноши погибли. Гиппий и Гиппарх были «тиранами», что в ту эпоху обозначало — людей, захвативших власть в силу демократической революции. Впоследствии аристократические обыватели и поэты превратили этих молодых людей в героев-тираноубийц; аристократия, обожающая «законную» власть, т.-е. свою помещичью, дворянскую власть, — стала ставить им статуи, памятники и препроводила души их в аристократический, как полагается, рай и т. д.

К стр. **135**. а) Пиндар, лирический поэт Греции, — жил 522—448 гг.

К стр. **139**. а) Орестея — последняя трилогия Эсхила — распадается на три трагедии: «Агамемнон», «Хоэфоры», — так назывались женщины, приносившие возлияние во время жертвоприношений, — и «Эвмениды». Содержание Орестеи — судьба рода Атридов в лице их наиболее известных представителей: Агамемнона и Ореста. По своему драматизму Орестея считается лучшей вещью Эсхила.

К стр. **144**. а) Ветхий завет 70 толковников, переводчиков на греческий язык.

К стр. **152**. а) Нарамник — одна из частей одежды христианского священника.

К стр. **154**. а) Перемены в экономике общества являются основными, в последнем счете решающими причинами перемен во всяком классовом обществе, в том числе и античном, патриархальном, — этом «осколке родового, первобытного коммунизма». Патриархальная хозяйственная единица, спаянный общим экономическим интересом коллективов большой совокупности — общей — патриархальной семьи, разлагалась под влиянием указанных Лафаргом экономических перемен на отдельные хозяйства отдельных входивших в нее индивидуальных семейных пар; хозяйственная связь, спайка — общий экономический интерес — слабела под напором

экономических перемен, обособлявших интересы отдельных семей, входивших в патриархальную семью. Эти экономические явления происходили в глубинах патриархального общества и, конечно, не могли быть подмечены и осознаны не только современниками распада (как патриархальными «идеологами», так и «идеологами» нового буржуазного общества, нарождавшегося в торговых центрах), но остаются вне сознания и ученых-идеологов современного нам буржуазного общества. Немудрено, что современники распада патриархального порядка учитывали лишь то, что бросалось в глаза, что происходило на поверхности патриархального общества, т.-е. распад, разложение патриархальной семьи на отдельные индивидуальные с индивидуалистическими интересами семьи, и видели в этом процессе решающую, конечную причину гибели патриархального строя отношений, а «идеологи»-современники эпохи этого распада боролись и организовывали борьбу за и против новой нарождающейся семейной формы новой общественной экономики, за и против новой нарождающейся связи нового нарождающегося общества, может быть лишь смутно чуя, — и то наиболее даровитые, острые из них, — основную, глубокую причину происходящих событий, т.-е. переворот в экономике общества.

К стр. **158.** а) Непереводимая игра слов. Слова «спиритуалист, спиритуалистическая философия» имеет корень spiritus — дух, дыхание, а в латинской кухне современной медицины spiritus vini означает спирт,—высшее благо не только тех, кто грешит по части спиритуалистической философии.

К стр. **164.** а) Старый порядок, ansien régime, — так называют французские историки эпоху перед Великой французской революцией.

К стр. **168.** а) Митраизм — древне-иранский культ бога Митра. — Митра был специально военный бог персов.

К стр. **174.** а) Время Августина, епископа Гиппонского — конец IV, начало V века.

К стр. **181.** а) Буржуазные революционеры 1789 г. и радикальная буржуазная интеллигенция предреволюционных годов были критически настроены по отношению к религиозным предрассудкам, а в некоторой своей части, игравшей значительную роль во французском буржуазном обществе, были атеистами. Это вызывалось борьбой буржуазии против основ господства феодальной аристократии. Тогда буржуазия шла на штурм феодального общества, шла против феодальной собственности; церковь,—как всегда и везде,— стояла на стороне господствующего класса, т.-е. на стороне феодалов (крепостников, помещиков), — поэтому буржуазия шла на штурм и феодального неба. В своей «просветительной» литературе этой эпохи буржуазия обрушилась гневом и сарказмом на религиозные предрассудки и дала неувядаемые образцы разрушительной антирелигиозной критики. — Идя к власти, буржуазия была материалистична и антирелигиозна, а в некоторой части и атеистична.

В следующую эпоху, к половине XIX века, буржуазия всюду завоевала господство; церковь, — как всегда и везде, — стала на ее сторону; буржуазия стала религиозной, верующей и идеалистичной, осудила свою былую антирелигиозность, свое «вольтерианство», как детскую болезнь своего роста. С ростом буржуазии рос и ее могильщик-пролетариат, для усмирения которого все средства хороши: от свинца и локаута до попа и педагога. «Религия — для народа» лозунг церковной и университетской кафедры. Отсюда — возрождение религиозности, мистицизма, идеализма, охватывающее буржуазные классы капиталистического общества все сильнее по мере приближения к XX веку, веку пролетарской революции. Теперь пролетариат открыто идет на штурм буржуазных земли и неба и поэтому он материалистичен, и атеистичен больше, чем когда-либо.

К стр. **182.** а) Конкордат — соглашение между Наполеоном и Пием VII, заключенное 15 июля 1801 г. Оно имело целью урегулировать отношения между Францией и Ватиканом,— между государством и церковью. Конкордатом закончился период борьбы буржуазии против католицизма. В результате — поворот интеллигенции в сторону церкви. См. прим. 20 в тексте Лафарга, стр. 51—52.

б) Антоний Падуанский — замечательный церковный проповедник и агитатор XIII века — один из главных католических святых.

К стр. **183.** а) Бутс или Бус — основатель и генерал армии спасения — общества, поставившего себе целью спасать людей от греха, но спасать без участия церкви.

К стр. **185.** а) A priori — независимо от опыта; a posteriori — основанное на опыте.

К стр. **190.** а) В те далекие времена люди, — мыслители и педагоги, — предпочитали изображать свои суждения о природе вещей в стихах — гномах, поэмах. Гнома — короткое, картинно-выраженное изречение, афоризм,—как говорят теперь. Знаменитыми гномическими мастерами седой древности были Феогнид, Соломон и другие.

К стр. **193.** а) Сесиль Родс — буржуа-империалист, инициатор англо-бурской войны.

К стр. **197.** а) Деизм — одно из основных направлений буржуазного просветительства XVIII века; направление, стремящееся найти замену феодальному теизму — в разумной обоснованности мирового хода вещей; не отрицая бога, как создателя вселенной, деизм уверен, что бог предоставил вселенной и человечеству итти и развиваться по их физическим законам, как делает это разумный часовщик, раз пустив часы и не вмешиваясь далее в их ход. В противовес идеологической опоре феадального строя отношений—теизму, утверждающему, что творец не только создал вселенную, человека и человеческое общество, но и не перестает руководить своим творением, влияя своим «промыслом» на его историю, в противовес теизму — деизм ограничивает действия творца одним актом творения, утверждая, что в дальнейшем ход развития природы и человеческого общества направляется только свойственными им законами, уже независящими от воли творца. Отсюда ясно, что буржуазия даже в эпоху наивысшего напряжения своей воли и мысли, в эпоху своей великой революции, в эпоху решающей борьбы против феодального общества за политическую власть, или, переводя на язык экономики, в эпоху борьбы за право по своей воле распределять весь прибавочный продукт данного общества, — ибо только в этом и состоит экономическое содержание факта политической власти, — даже в этот период буржуазия, следуя верному инстинкту эксплоататора, не могла по своей классовой эксплоататорской природе отвергнуть открыто и целиком религию, не могла стать атеистичной, ибо именно религия есть идеологическое оружие всякого эксплоататорского класса, исторически испытаннейшая идеология эксплоататора на всем протяжении существования классового общества. Вольтер — крупнейший деист. «Деизм — система представлений, в которой власть бога со всех сторон ограничивается законами природы. Деизм есть небесный парламентаризм»,—Плеханов. «Английские деисты (Локк) и их последовательные продолжатели — французские материалисты, — были настоящими философами буржуазии, а французы—даже философами буржуазной революции»,—Энгельс. Таков деизм у своего истока, когда он «является только удобным и спокойным способом отделаться от религии», — Маркс.

Победив феодальную власть и перестроив общество на свой лад, т.-е. сообразно своему капиталистическому способу производства и капиталистическим производственным отношениям, — буржуазия

в общем продолжает оставаться деистичной даже в лице своих крупнейших естествоиспытателей, например, Дарвин. Если деизм в эпоху торжества буржуазии был способом отделаться от идеализма, то современный деизм, как раз наоборот, является одним из способов отделаться от материализма в об'яснении явлений человеческой истории.

Агностицизм — «не идет дальше ощущений, отказываясь видеть что бы то ни было достоверное за пределами ощущений», — Ленин; он «согласен, что все наше знание основано на впечатлениях, воспринимаемых нашими чувствами», поэтому «взгляд агностика на природу — насквозь материалистичен», «но, — осторожно добавляет агностик, — мы не в состоянии доказать существование или несуществование высшего существа по ту сторону известного нам мира», — Энгельс. Поэтому у своего истока агностицизм есть не что иное как «стыдливый, застенчивый материализм» (Энгельс — Плеханов), а современный агностицизм есть плохо скрытая тенденция к идеализму в об'яснении явлений человеческой истории.

Позитивизм. — Когда буржуазия делала свою революцию, ломала все исторические права феодального общества, она была очень близка к мысли о «катастрофах» не только в общественном порядке, но и в природе. Став силой господствующей, консервативной, буржуазия в лице своих ученых осудила мысль о переворотах в развитии жизни не только природы, но и общества. Ученый всегда во власти (обычно — сознательно, а всегда — инстинктивно) господствующих идей и самого способа мышления своего класса. Поэтому на смену теории катастроф ученые выдвинули теорию эволюции — постепенного, еле заметного развития в результате накопления поступательных явлений и приспособления явлений друг к другу. Позитивизм и есть приложение теории эволюции к обществознанию.

После выступления на авансцену истории пролетариата, буржуазия, становясь все более и более силой прямо реакционной, отбрасывает и это оружие — позитивизм, и берется за единоспасающее всех отживающих классов оружие — идеализм. Тогда позитивизм подхватывается производительной частью мелкой буржуазии и становится ее оружием. Представителем этого мелкобуржуазного позитивизма в России был Н. К. Михайловский, духовный отец эсерства.

К стр. **198.** а) Колена израильские — еврейские племена библейских времен.

К стр. **200.** а) Фетишизм — обожествление неодушевленных предметов.

К стр. **204.** а) Иньоратинцы — духовный орден (братья милосердия), учрежденный в 1681 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

3

Афоризмы Лафарга

Дикарь — «дитя человеческого рода» (Вико).

Для беззаботного и непредусмотрительного дикаря женщина является провидением: она распоряжается его судьбой от колыбели до могилы.

Коммунизм — социальная колыбель человечества.

Борьба классов проявляется в первобытном обществе в форме борьбы полов.

Патриархальная семья — осколок родового коммунизма.

Замкнутость — одна из черт патриархальной эпохи.

Человек всегда был жертвой продукта своей головы и своих рук.

У дикарей преступления против собственности наказывались более жестоко, чем преступления против личности.

Собственность рождается в недрах семьи, в крови раздоров и преступлений.

Гнусные кодексы жестокого правосудия вступили в историю вслед за превращением земли в семейную собственность и как следствие этого превращения.

Собственность отмечает свое появление тем, что научает варваров попирать благородные чувства равенства и братства.

Собственность ввела донос в недра семьи.

У первобытных народов пользование предметом приводило к праву собственности.

До возникновения частной собственности понятие «кража» не могло притти в человеческую голову.

Кто имеет землю, — имеет войну (средневековая пословица).

У столетней мести — молочные зубы (афганская пословица).

Пусть частная собственность принесла человечеству правосудие, зато она изгнала из его среды братство.

Завистливый и эгоистический характер частной собственности раскрывается весь до дна — в культе предков.

Дикарь не бьет своего ребенка; отцы-собственники изобрели такое отвратительное правило: сильно любить — сильно бить.

Работорговля — первая международная регулярно установившаяся торговля.

Исторически, солдат — первый наемник.

Речь тесно связана с вертикальным положением.

Греческого философа мы встречаем у входа в любую отрасль мысли.

Стоицизм — принижающая философия побежденных обществом.

Под маской мужества стоицизм еще до христианства проповедывал трусливое смирение раба.

Небо отражает земные события, как луна отражает солнечный свет.

На небе человек снова разыгрывает драмы и комедии земли.

Паразитизм — сущность христианства.

Обещание загробного счастья есть экономический способ удовлетворять требования рабочих.

Христианство, как и сифилис, — органическая болезнь, она сидит в крови у буржуа.

Загадочные физиологические явления сна и сновидений очень сильно беспокоили первобытного человека; чтобы об'яснить их, он придумал душу.

Дикарь не сомневается в реальности сновидений.

Душа — одна из первых научных гипотез человеческого ума.

Душа, бывшая у дикаря физиологической потребностью, становится для буржуа потребностью социальной.

Люди — смертные боги; боги — бессмертные люди (Гераклит).

Новая религия — христианство — должна быть космополитичной, как и сама торговля.

Христианство есть, по преимуществу, религия обществ, покоящихся на частной собственности и эксплоатации наемного труда.

Буржуазия всегда прикрывала христианством свои материальные интересы.

Исследование проблемы веры в бога у буржуазии возможно только при условии точного представления о роли буржуазии в обществе.

Непонятные и неразрешимые для буржуа задачи общественного бытия делают необходимым для него изобретение бога.

Потребность торговли и промышленности заставили нарождающуюся буржуазную демуниципализировать племенные и местные божества и создать богов космополитических.

Единый и космополитический бог мог бы окончательно свергнуть в буржуазном уме национальных богов, если бы все буржуазные нации были способны слиться в одну нацию.

Милость капитала, — отражением которой является милость божья,— «самый верный из христианских догматов» (Ренан).

Богатство не порождает пресыщения (Феогнид).

Идея бога не может появиться в человеческом уме, если ее появление не подготовлено суеверным представлением, безразлично, какого происхождения.

Небесный отец буржуазии — это класс наемников физического и умственного труда; он — тот бог, который заботится о всех ее потребностях.

Буржуазия до тех пор не будет освобождена от веры, пока у нее не будет экспроприирована диктатура ее класса и ее богатства, которые она ежедневно грабит у наемных рабочих.

Работа в современной мастерской обучает наемника научному детерминизму.

Наемник сам для себя провидение.

Мораль и религия — только средство управлять людьми (Сократ).

Язык христиан первых веков — язык товарной массы, поэтому новый бог и не требовал знания одного какого-либо языка.

Язычники сработали все части, необходимые для изготовления новой религии.

Социальное господство буржуазии есть царство разума.

Социалисты-утописты были скорее представителями капиталистического коллективизма, чем рабочего освободительного движения. Их золотой век был только веком денежным.

Правящий класс всегда об'являет справедливым то, что служит его экономическим и политическим интересам, а несправедливым — все, что им противоречит.

Очень часто ошибка — кратчайший путь к открытию.

Повседневных явлений не видят именно потому, что они колют глаза.

Врага ненавидят, если нет мужества сразиться с ним.

Пословицы — жизненные правила народной мудрости (Вико).

Легенды и религиозные обряды свидетельствуют об эпохах, давно преданных забвению.

Библейский рассказ о жертвоприношении Авраама и христианское причастие являются отдаленнейшими отголосками человеческих жертвоприношений и каннибальских празднеств доисторических семитов.

Справедливость — плодовитая мать всяческих социальных несправедливостей.

Разнородная естественная среда разделяет мир людей на различные расы.

Способ производства — не то, что человек производит, а то, как он производит.

Различные значения одного и того же слова являются историческими осадками, отлагаемыми в процессе эволюции человечества.

Инстинкт—результат длительного приспособления какого-нибудь вида животного к условиям своей естественной среды.

Мозг цивилизованных людей — это поле, обрабатывавшееся на протяжении веков и обсемененное тысячью поколений представлениями и идеями.

Язык — самый важный, если не первый способ проявления чувств и понятий; язык играет такую значительную роль, что христиане первых веков, повторяя идеи первобытных людей, говорили: «слово есть бог».

Счет стад укрепил понятие числа и развил приемы счета, раздел земли, породил понятие меры, а изобретение посуды привело к понятию об'ема.

Закон вначале является не чем иным, как кодификацией быта, обычаев.

Циническое пренебрежение к понятиям ходячей и условной морали отражает в мозгу людей социальную неустойчивость.

Логичность — одно из существенных свойств материи нашего мозга.

Метафора — один из главных путей, по которым абстракция проникает в человеческую голову.

Думать, что абстрактные идеи зарождались самопроизвольно в человеческой голове, было бы так же смешно, как полагать, что самый совершенный тип велосипеда или какой-нибудь другой машины был построен с первого раза.

Человек никогда не колеблется об'явить ускользающие от него причины явлений как нечто, находящееся за пределами человеческого понимания.

Естествознание возвращает человека в царство животных, последним словом в цепи развития которого он и является, а социалистическая философия возвращает и самый мозг в ряд органов человека.

ПРИЛОЖЕНИЕ

4

Об'яснение иностранных слов

Аморфный — бесформенный.

Анахронизм—стародавность; выражение, вышедшее из употребления.

Антипатия — нелюбовь.

Антропология—наука о человеке и история его развития, как особого вида животных в природе.

Антропоморфный — имеющий образ, форму человека.

Апатия — равнодушие.

Ариадинна нить — путеводная нить.

Архаический — устарелый.

Ауспиции у римлян — предугадывание воли богов по известным признакам, например, по полету птиц; отсюда — вообще предсказания.

Атрибут — существенный признак.

Атрофия — отмирание, постепенное исчезновение.

Биология — учение об органической жизни.

Дистиллировка — очищение.

Дифференцировать — создавать различие.

Игнорировать — не замечать.

Идеограмма—памятник письменности.

Иерофант—главный жрец в храме Деметры.

Имманентный — внутренне присущий.

Иррелигиозность — безверие.

Каннибал—антропофаг—людоед.

Клерикальный — церковный.

Концепция—понятие, учение, представление.

Космос — мир, как природа; космический, космополитический — мировой.

Лапидарный — краткий.

Миэлин—мякотное вещество нервных стволов.

Морфология — учение о жизненных формах растительных и животных тел.

Нивелировать—стирать различие.

Панафинея—празднество в честь богини Афины.

Педантизм—школьная мудрость, сухой формализм, мелочность.

Педерастия — мужеложство.

Пенитенциарная система — система тюремного режима и режима рабочих домов.

Пертурбация в производстве — расстройство в производстве, кризис.

Полиандрия — многомужие.

Полигамия — многоженство.

Прозелитизм — страсть обращать в свою веру.

Профан — простой человек, необученный.

Профос — полицейский.

Ритуал — обряд.

Рудиментарный—ненужный, лишний в новых условиях жизни.

Синекура — «беззаботная» должность, не требующая труда, но хорошо оплачиваемая.

Спиритуалистический—одухотворяющий; спиритуалистическая философия — идеалистическая философия.

Субординация—соподчиненность.

Фетишизм — обожествление неодушевленных предметов.

Физиология — учение о жизненных проявлениях растительных и животных тел.

Филологи, грамматики — люди, изучающие сравнительное языковедение.

Фольклор — народоведение, изучение сказок, пословиц, творчества народных масс.

Эмбриология—исследование развития растительных и животных зародышей.

Эмбриональный — зародышевый, утробный, зачаточный.

Этнография — изучение быта народов, сохранивших черты первобытного строя.

Издательство МК ВКП (б) и Моссовета

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

Москва, Центр, Кузнецкий Мост, 7. Тел. 5-20-57.
Ленинград, Проспект 25 Октября, 68. Тел. 2-28-56.

Агол, И. — Основы марксизма („Анти-Дюринг" Ф. Энгельса). 3-е изд., 165 стр., 65 к. (Б-ка молодого коммуниста. Под общей ред. МК РЛКСМ. Ред. В. Сарабьянова).

Сокращенное, популярное издание классического произведения Ф. Энгельса „Анти-Дюринг", дающего основы философии марксизма, политэкономии и научного социализма.

А—н, Арк. — Анри де Сен-Симон. Его жизнь и учение. С приложением очерков учения и деятельности сенсимонистов. 240 стр., 2 руб. 45 коп.

С.-Симон до и во время Вел. франц. революции. Изложение его литературных работ; его общественн. выступления в связи с промышленн. эволюцией во время Империи и Реставрации. Философск. взгляды. Идея классовой борьбы в социально-историч. теории С.-Симона. Утопизм и реализм в его планах социальн. реформ. Вопрос об его влиянии на Маркса и Энгельса.

Издательство МК ВКП (б) и Моссовета

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

Москва, Центр, Кузнецкий Мост, 7. Тел. 5-20-57.
Ленинград, Проспект 25 Октября, 68. Тел. 2-28-57.

Горев, Б. — Огюст Бланки. Его жизнь, революционная деятельность и роль в истории социализма. Изд. 2-е, просм. и дополн. 146 стр., 20 коп.

Горев, Б.—История социализма (в связи с развитием рабочего движения). В двух томах. Т. I. Социализм на Западе. Изд. 3-е, вновь просм. и доп. 456 стр., 2 руб. 50 коп.

Лафарг, Поль.—Очерки по истории культуры. Перев. под ред. С. Шевердина. 239 стр., 1 руб. 50 коп.

Содержание: Матриархат. Свадебные песни и обычаи. Происх. собственности в Греции. Мифы о Прометее, Пандоре, об Адаме и Еве, о непорочном зачатии. Обрезание. Супружеская неверность. Приложены примечания, афоризмы, словарик.

Лафарг, Поль. — Происхождение и развитие собственности. Коммунистическая диссертация. Перевод Давыдовой с франп. издания. Под ред. С. Шевердина. Второе изд., 191 стр., 1 руб. 20 коп.

Рязанов.—Очерки по истории марксизма. 640 стр., 4 руб.

14ч
8794

Цена 1 руб. 50 коп.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

Торговый Сектор Издательства
МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА, Центр, Кузнецкий Мост, 7. Телефон 5-20-57.
ЛЕНИНГРАД, Проспект Володарского, 53а. Тел. 2-28-56.

ПОЧТОВЫЙ ОТДЕЛ ИЗДАТЕЛЬСТВА
(Москва, Центр, Моховая ул., 24, 3-й книжный магазин Изд-ва „Московский Рабочий“).

34.

2007075870